

**МИХАИЛ
СОЛОМЕНЦЕВ**

**ЗАЧИСТКА
В ПОЛИТБЮРО**

**КАК ГОРБАЧЕВ
УБИРАЛ
“ВРАГОВ
ПЕРЕСТРОЙКИ”**

В _____ ТОМАХ

**МИХАИЛ
СОЛОМЕНЦЕВ**

ЗАЧИСТКА В ПОЛИТБЮРО

**КАК ГОРБАЧЕВ
УБИРАЛ "ВРАГОВ
ПЕРЕСТРОЙКИ"**

**ЭКСМО
Москва
алгоритм
2011**

УДК 82-94
ББК 66.1(0)
С 60

Соломенцев М. С.
С 60 **Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки» / Михаил Соломенцев. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 224 с. — (Суд истории).**

ISBN 978-5-699-47526-1

Михаил Сергеевич Соломенцев – член Политбюро ЦК КПСС. При Ю.В. Андропове Соломенцев возглавил Комитет партийного контроля (КПК), куда приходила информация обо всех высокопоставленных деятелях КПСС, об их работе, контактах, поведении в быту и т.д. Понятно, что Соломенцев был видной фигурой в руководстве КПСС и знал о многих его секретах.

Вместе с Е.К. Лигачевым Соломенцев вначале поддержал горбачевские реформы, но когда увидел, кто в результате пробивается во власть, какие цели достигаются этими реформами, – выступил против Горбачева. Последний отреагировал молниеносно: слишком осведомленный начальник КПК был уволен со своей должности, выведен из состава Политбюро и отправлен на пенсию.

В своей книге М.С. Соломенцев пишет о тайной «войне кадров» в Политбюро, которую вел Горбачев, с тем чтобы убрать из партийного руководства всех, кто мог помешать уничтожению советской системы и сдаче СССР на милость Запада. Свидетельства Соломенцева содержат ценную, уникальную информацию о подковерной борьбе в горбачевском руководстве и методах работы самого М. Горбачева.

УДК 82-94
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-699-47526-1

© Соломенцев М. С., наследники, 2011
© ООО «Алгоритм-Издат», 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я хорошо знал автора этой книги, Михаила Сергеевича Соломенцева, по совместной работе в ЦК КПСС и в Политбюро ЦК КПСС.

В прежние времена в ходу было выражение о том, что партия у нас — плоть от плоти и кровь от крови народная. Биография Михаила Сергеевича — лучшее доказательство правоты этих слов. Он родился 25 октября (7 ноября) 1913 года в селе Ериловка Елецкого уезда Орловской губернии — ныне Елецкого района Липецкой области — в крестьянской семье. В детстве несколько лет жил с родителями в городе Макеевка Донецкой области, здесь пошел в школу. Затем, вернувшись в село, доучивался в школе в городе Елец. Потом была учеба в Ленинградском индустриальном институте, на механическом факультете, который Соломенцев окончил с красным дипломом в 1940 году. В том же году вступил в ВКП(б).

Молодой специалист по распределению попал в систему оборонной промышленности, в Липецк, где строился завод №61, известный сейчас как тракторный. Начал работать сменным мастером в цеху, где выпускали снаряды, а через полгода был назначен заместителем начальника цеха. В начале Великой Отечественной войны завод был эвакуирован на Урал, в город Касли Челябинской области. На месте в короткие сроки Михаилу Соломенцеву удалось наладить производство снарядов и мин в неотопляемом цеху. Далее, в течение всех военных лет, он организовывал выпуск продукции для фронта.

В 1948 году он был назначен главным инженером Златоустовского завода № 259. С 1949 года по 1954 год работал директором станкостроительного завода им. С. Орджоникидзе в Челябинске.

С 1954 года М.С. Соломенцев на хозяйственной и партийной работе. Работал в Челябинском обкоме КПСС инструктором, заводделом, вторым секретарем. Летом 1959 года по направлению ЦК КПСС уехал в Казахстан, где был избран Первым секретарем Карагандинского обкома КПСС. Во время его руководства областью шло активное строительство металлургического комбината в Темиртау — Казахстанской Магнитки. На XXII съезде КПСС Соломенцев был избран членом ЦК партии. В 1962 году избран Вторым секретарем ЦК компартии Казахстана.

В 1964 году он был направлен на работу в Ростов-на-Дону, избран Первым секретарем Ростовского обкома КПСС. Два года успешно руководил областью. В 1966 году переведен на работу в центральный аппарат партии в Москву, назначен заведующим отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС.

В июле 1971 года М.С. Соломенцев был назначен Председателем Совета Министров РСФСР. Первым делом ему была поручена индустриализация сельского хозяйства и подъем Нечерноземья. В планы девятой пятилетки входило обеспечить потребности населения, и проблема продовольствия стояла особенно остро. Подъем сельского хозяйства был зафиксирован уже через год работы Соломенцева.

В июне 1983 года, по предложению Андропова, М.С. Соломенцев был назначен на должность председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Одновременно был переведен в члены Политбюро ЦК КПСС.

За свои заслуги перед Родиной Михаил Сергеевич был дважды отмечен званием Героя Социалистического

Труда, был награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями.

* * *

Несмотря на славный жизненный и трудовой путь, пройденный М.С. Соломенцевым, в последние годы горбачевской «перестройки» и после нее на Соломенцева, как и на всех, кого называли «партийной номенклатурой», вылили океаны лжи. Нас — а я тоже, можно сказать, был номенклатурой — упрекали в бесчисленных ошибках, но создавать новую цивилизацию, социалистическую, не допуская ошибок, — иллюзия. А стремились мы в первую очередь к улучшению условий жизни, труда и быта советских людей. Скажем, при советской власти люди получали квартиры бесплатно. Сегодня на 300 тысяч рублей материнского капитала (нужная вещь, приветствую!) в Москве можно купить три квадратных метра жилплощади.

Нас критиковали за то, что в СССР имелись случаи коррупции и взяточничества среди партийных и советских работников. Да, были такие случаи, мне выпала доля докладывать на Пленуме ЦК об одном таком деле. Пришлось принять серьезные меры вплоть до освобождения первых секретарей обкомов и даже одного руководителя республики. А заместителя министра рыбной промышленности суд приговорил к расстрелу. Но сколько сейчас в России случаев взяточничества и воровства, однако большинству коррупционеров все сходит с рук...

Отдельный разговор об антиалкогольной кампании. Меня до сих пор продолжают пинать за нее, тревожат память и Михаила Сергеевича Соломенцева, но ведь с пьянством действительно надо было бороться, оно принимало масштаб национальной катастрофы. Нас обвиняют, что отрезвительная политика нанесла ущерб стране. Мол, не

было выпито спиртного на 37 миллиардов рублей, это подорвало бюджет. Но если подсчитать по всем статьям, то отрезвление людей уже в ходе кампании, не говоря об отдаленных последствиях, прибыльнее государству, нежели продажа водки. Почему-то считают, будто в советском бюджете 30 и более процентов составляли доходы от алкоголя. Это путаница, возможно, сознательная. 30 процентов дохода было в объеме всех пищевых продуктов. Налоги на алкогольные напитки в бюджете СССР составляли лишь 10—12 процентов.

Сейчас же в бюджете России меньше одного процента «пьяных» денег. Куда идет все остальное? Ведь пьют в стране намного больше. Гигантская прибыль! Эти деньги идут, нанося вред обществу, здоровью людей, не в госказну, а в карманы винно-водочных, пивных баронов. И коррумпированных чиновников. Это они прежде всего скрывают правду о некоторых положительных результатах нашей кампании. В России, дескать, пили, пьют и будут пить.

Правительство, если не считать «заботы» о качестве водки — алкогольного яда, и правящая партия «Единая Россия» ничего не сделали для преодоления пьянства и алкоголизма, уносящих ежегодно сотни тысяч людей из жизни. Но зато активно занимаются дискредитацией антиалкогольной кампании Лигачева и Соломенцева. Напластованы горы полуправды, откровенной лжи и измышлений. Вместе с тем убраны все преграды на пути алкоголизации общества, сняты все ограничения. В том числе государственная монополия на производство и продажу алкоголя.

Для властей, правящей партии «Единая Россия» пьянство людей означает отвлечение их от протестных действий; а также огромные барыши (рентабельность водки свыше 1000%) алкогольного рынка. Алкогольный рынок — гнездо коррупции, подкупа, кормления должностных лиц и их продажных политиков.

Была ли необходима антиалкогольная политика в 80-е годы прошлого столетия? Да, в этом была острая потребность. Она вызвана двумя обстоятельствами.

Первое. За период (1964—1984 годы), предшествующий антиалкогольной кампании, значительно увеличилось производство и потребление водки и дешевых вин (в частности «бормотухи» из плодов и ягод), доходы от их продажи возросли в 4 раза. Стало больше прогулов, повысились преступность, увеличились заболевания, связанные с чрезмерным употреблением алкоголя.

Второе. Всевозрастающий поток писем, телеграмм в ЦК КПСС, Правительство, в газеты и на телевидение с требованием обуздать широко распространившееся пьянство, принять строгие меры к пьяницам. То был стон жен, детей, теряющих мужей, отцов и сыновей. Недаром говорят, что сколько выпито водки мужчинами, столько пролито слез близкими и родными.

Надо было действовать. Комиссия Политбюро ЦК КПСС под председательством М.С. Соломенцева подготовила необходимые документы, а именно проекты постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, указа Верховного Совета СССР. В мае 1985 года они были приняты на заседании Политбюро единогласно и опубликованы в печати. Каковы цели антиалкогольной работы партии, государства? Фактически была поставлена цель сбережения народа, укрепления его физического и нравственного здоровья, избавления взрослых и детей от страданий и мучений, повышения работоспособности людей, безопасности страны.

Производство водки было сокращено на 40%, а производство шампанского возросло на 50%, был прекращен выпуск «бормотухи» из плодов и ягод. А для культивиро-

вания здорового образа жизни были привлечены художественная интеллигенция, медицинская и спортивная общественность, средства массовой информации. На этом направлении активизировалась деятельность партийных и других общественных организаций, товарищеских судов. Возросла массовость спорта. Весьма активную позицию в борьбе за отрезвление общества в ту пору, в отличие от нынешних времен, занимала Церковь.

Какие результаты антиалкогольной кампании? По данным статистики, снизилась смертность, увеличилась рождаемость. В 1986—1987 годах родилось на 500 тысяч детей больше, чем обычно. Продолжительность жизни достигла 70 лет. А сейчас у мужчин она составляет 60 лет. Число прогулов снизилось на 35%, преступность упала на 25%, производственный травматизм — на 20%, существенно уменьшилось количество сердечно-сосудистых заболеваний. Прирост производительности труда ежегодно составлял 1%, что равнялось 10 млрд. рублей дополнительных поступлений в бюджет.

К сожалению, в ходе борьбы с пьянством были допущены ошибки, верх стали брать запретительство и кампанийщина, оживилось самогоноварение. Но скрытое, нелегальное производство водки, как показывают расчеты, не восполняет сокращение легального производства. И в данном случае с учетом самогона душевое потребление алкогольных напитков снизилось с 10 до 6 литров на человека.

Учитывая плюсы и минусы антиалкогольной кампании 80-х годов, следует выработать кардинальные меры пресечения алкогольного геноцида, нравственного и физического разложения людей. В частности, восстановить монополию государства на производство и реализацию алкоголя. Запретить алкогольную рекламу, упорядочить торговлю алкоголем, осуществить комплекс мер по нравственному и физическому воспитанию людей.

Антиалкогольную политику могут вести трезвые люди, посвятившие свою жизнь своему народу, ведущие страну по социалистическому пути развития. Правительство министров-капиталистов, семьи которых, по меньшей мере, долларовые миллионеры, не заинтересовано в том, чтобы покончить с алкоголизацией общества, приостановить вымирание народа, вывести страну на путь выздоровления и процветания.

* * *

Я так подробно здесь остановился на антиалкогольной кампании потому, что она, повторяю, до сих пор является главным пунктом обвинения против М.С. Соломенцева и меня. Однако при этом забывается о той борьбе, которая велась тогда в Политбюро, с перевертышами и предателями типа Горбачева и Яковлева, а также прочими разрушителями нашей страны. Коротко расскажу лишь об одном эпизоде этой борьбы, связанным с так называемым «хлопковым делом», в ходе разбирательства которого были затронуты наши с М.С. Соломенцевым фамилии.

В мае 1989 года в «Литературной газете» был опубликован очерк О. Чайковской под названием «Миф». В этом очерке впервые была громко сказана правда о методах следователей Гдляна и Иванова в ведении «хлопкового дела». Собственно говоря, Чайковская разоблачила их. В очерке «Миф», между прочим, приводилось письмо директора совхоза А. Раджапова, которого вынуждали признаться в даче взятки секретарю Каракалпакского обкома партии. Раджапов не согласился. И что же? Следователи «стали угрожать мне, — писал Раджапов, — что посадят меня между уголовниками, а им подскажут, чтобы они делали со мной все, что хотят, пусть тебя топчут, убивают (подлинных их слов написать просто невозможно), тогда ты как миленький напишешь все, что от тебя требуют.

Пошлость, низменный жаргон, уличный мат и похабщина были для следователя нормой разговорной речи. Если бы мне сказали, что подобное возможно в наше время, вряд ли бы я поверил».

Чайковская писала о тех случаях, когда подследственные не выдерживали угроз, истязаний и подписывали все, что им подсовывали следователи. Некоторые в ходе следствия кончили жизнь самоубийством.

В деталях обо всем этом я, повторяю, узнал из очерка в «Литературной газете». Кстати, осенью 1990 года Чайковская написала еще один очень острый очерк, разоблачающий методы Гдляна и Иванова. «Литературная газета» Бурлацкого отказалась публиковать разоблачения Чайковской, они были напечатаны в «Вестнике Академии наук СССР» небольшим тиражом (№ 8, 1990 год).

Выяснилось, что Гдлян и Иванов были подобны пешкам, возомнившим, будто смогут прорваться в ферзи. А ответственность за то, что общество не смогло вовремя, объективно и обстоятельно, без истерики разобраться с обвинениями, выдвинутыми Гдляном и Ивановым, пошло у них на поводу, должны разделить и те средства массовой информации, которые то ли в погоне за сенсацией, то ли из политических групповых интересов моментально создали миф о «героях-следователях».

Этот миф заглушил мучительные стоны, раздававшиеся тогда из следственных кабинетов Узбекистана. Более того, пресса даже повела атаку на специальную комиссию, которую Президиум Верховного Совета СССР создал для проверки жалоб из Узбекистана.

По сути дела, это был возврат к прежним далеким временам. Под новой вывеской гласности и демократии насаждали старые методы «неприкасаемости».

Когда Гдлян и Иванов почувствовали, что пахнет жареным, то сделали главным тезисом своей предвыборной программы следующее заявление: разоблачить узбек-

скую мафию мешает Москва, поскольку в ЦК и, конечно, в Прокуратуре СССР засела коррумпированная верхушка. Страна загудела. Неужели в Москве? Неужели в Кремле? Неужели на Старой площади?..

* * *

12 мая Иванов в ходе предвыборной кампании выступил с новыми «разоблачениями» по радио. Он говорил: «Многие избиратели спрашивают, почему не ведется борьба с мафией в Ленинграде и кто из высших чинов в Москве проходит по уголовному делу. Дело в том, что борьба не ведется потому, что государственная политика сегодня — это политика полного сворачивания борьбы с организованной преступностью. А бороться можно везде. К сведению ленинградцев можно сказать, что в числе лиц, которые фигурируют в нашем уголовном деле, имеется фигура бывшего руководителя Ленинграда товарища Романова. Кроме всего прочего, в деле замелькали такие фигуры членов Политического бюро, как товарищ Соломенцев, товарищ Лигачев, бывший председатель Верховного суда Теребилов. Очень беспокоит на сегодняшний день та ситуация, которая сложилась вокруг Лигачева. Нас очень беспокоит усиление позиций этого человека с учетом того сдвига вправо, который мы наблюдаем в сегодняшней политике, это не может не вызывать существенного беспокойства. Я не говорю о виновности или невиновности этих лиц. Я на сегодняшний день говорю то, что дело в дальнейшем будет свернуто. Я прекрасно себе отдаю отчет в том, что я сейчас говорю. И я готов нести полную ответственность за свои слова. Спасибо».

Эти слова немедленно подхватили западные радиостанции. Международное французское радио, например, сообщило: «Советский прокурор Николай Иванов заявил, что отдельные высокопоставленные лица, в том числе ли-

дер консерваторов в Политбюро Егор Лигачев, Григорий Романов и Михаил Соломенцев, замешаны в крупном скандале и что власти пытаются заблокировать следствие».

Еще более любопытную информацию передал «Голос Америки»: «Прокурор Николай Иванов заявил, что в ходе проводимого им расследования коррупции в государственных органах всплыло имя члена Политбюро ЦК Лигачева. Иванов не сообщил никаких подробностей. Егора Лигачева, имеющего репутацию деятеля консервативного толка, иногда считают соперником Горбачева».

Когда мне принесли запись выступления Иванова, я стал вчитываться снова и снова, анализировать каждое слово. И сразу подчеркнул — «замелькали». А это что такое? Что значит «замелькали»? Наконец, почему следователь проявил такое особое внимание к моей персоне с политической точки зрения? Ну, коррупция, взяточничество — это, как говорится, его тема. А при чем здесь «усиление позиций с учетом сдвига вправо»? При чем тут «существенное беспокойство»? «Нас очень беспокоит...» Кого это — нас?

Сомнений не оставалось: за Ивановым стоят более мощные фигуры. Он просто выполнил заказ, политический заказ тех, кого «беспокоит усиление позиций этого человека». А заодно решил нажать на этом предвыборный капитал.

А после того, как слова Иванова подхватили западные радиоголоса, у меня и вовсе никаких не осталось сомнений в том, что Иванов — всего лишь малая фигура в политической игре, которая ведется вокруг не только в нашей стране, но и скоординирована с некоторыми зарубежными силами...

Спустя год, когда социально-экономические процессы в стране приобрели ярко выраженный кризисный характер, я понял, что не одной только чистой политикой руководствовались следователи. У меня нет сомнений в

том, что следователи выполняли не только политический заказ, требовавший отстранения от руководства Лигачева, а заодно и других «врагов перестройки», но одновременно и проводили своего рода отвлекающий маневр, давая возможность быстро вскормиться новой мафии.

В этой связи небезынтересно процитировать письмо, которое пришло мне от коренного ленинградца, блокадника Е.И. Жукова. Он задавал такой вопрос: «Кто малоизвестному следователю дал огромные средства, чтобы заклеить весь город сотнями тысяч листовок, причем, когда их порядочные люди срывали, ночью неизвестные вывешивали их снова во всех микрорайонах многомиллионного города. Ему были предоставлены блестящая пресса и телевидение, лучшие залы города. На чьи средства?»

А действительно, на чьи средства с таким широким размахом вел свою предвыборную кампанию борец с коррупцией скромный следователь Иванов?..

* * *

К 1991 году Горбачев «вычистил» из ЦК КПСС 85% состава, о чем говорится в книге М.С. Соломенцева. Он убрал всех (по пословице, кого мытьем, кого катаньем), кто пытался помешать его политике разрушения, в народе прозванную к тому времени «катастройкой». В партии осталась лишь небольшая группа людей, способных выступить против Горбачева. Но было уже поздно, «демократы» при помощи своих заграничных покровителей добились большего влияния в государстве, чем те, кто формально его еще возглавлял. Отчаянная попытка ГКЧП спасти Советский Союз изначально была обречена на провал.

Однако неудача ГКЧП означала и крах Горбачева. Убрав из партии лучших ее представителей, он сам срубил сук, на котором сидел. Опереться теперь ему было не на кого, а если он рассчитывал на благодарность своих за-

морских друзей, то это напрасно. Они предпочли своего другого ставленника, Ельцина, в руках которого была реальная власть. Новым хозяевам страны Горбачев стал попросту не нужен, и его с позором прогнали прочь. Вот уже двадцать лет он выступает в роли шута и фигляра, развлекающая избранную публику на различных форумах, семинарах, а то и в ночных клубах...

В книге М.С. Соломенцева вы прочтете не только о предательстве Горбачева, о разрушении им партии, но и о том, как жила страна в 50—80-е годы, как строились отношения в партийном и советском руководстве. Автор не скрывает недостатков, существовавших тогда, но показывает, что в СССР была мощная сила созидания, которая объединяла наше общество и позволяла двигаться вперед. Думаю, что этот позитивный настрой книги сейчас не менее важен, чем критический.

Приятного вам чтения.

Е. Лизачев, 2011 г.

Часть 1

ПОСЛЕ СТАЛИНА. «РЕФОРМАТОРСКИЙ ЗУД» Н. ХРУЩЕВА

Я начну свою книгу со смерти Сталина, потому что считаю это событие переломным моментом в нашей истории.

Известие о смерти Сталина потрясло людей. Думаю, не ошибусь, если скажу, что только ярые антисоветчики, антикоммунисты и обиженные Советской властью не испытали этого потрясения. Сразу, как только было передано сообщение о кончине И.В. Сталина, в цехах Челябинского станкостроительного завода, где я тогда работал директором, во всех отделах и подразделениях начались траурные митинги. Я побывал на них в нескольких цехах, выступал и собственными глазами видел сильно взволнованных, в большинстве плачущих людей, многие из которых прошли всю войну без слез. Выступать было очень трудно, горло перехватывали спазмы. Некоторым становилось плохо.

В принимаемых резолюциях и обращениях к ЦК партии и правительству люди требовали не допустить в связи с уходом из жизни Сталина ослабления руководства страной, в свою очередь от партии к народу шли обращения еще теснее сплотиться вокруг ЦК ВКП(б), его Политбюро и самоотверженным трудом добиваться выполнения и перевыполнения планов по народнохозяйственному развитию страны.

Состоялся городской траурный митинг. Народ заполнил всю площадь и прилегающие к ней улицы. На митинге присутствовало несколько сотен тысяч человек. Выступили многие, в том числе и я. Горечь утраты вождя великой страны, какое-то необыкновенно сильное и тяжелое напряжение души овладели мной. Очень трудно описать то состояние, в котором каждый из нас находился.

То же самое, как известно, происходило по всему Советскому Союзу, а в Москве стремление попасть на церемонию прощания с И.В. Сталиным обернулось чрезвычайным положением с тяжелым и даже смертельным исходом для немалого количества людей.

Теперь, когда известные всем предатели Отечества развалили Советский Союз и активно занимаются развалом России, никто не говорит о том, каким авторитетом и уважением пользовался у народа И.В. Сталин. Но история скажет свое слово, расставит все по местам, объективно оценит сталинский период руководства партией и страной. Сталин — великий человек, недаром многие говорят: «Нам бы сейчас Сталина, он бы навел порядок в стране и вывел ее из нынешнего глубочайшего кризиса».

Народ не может забыть его величайших заслуг не только как лидера партии и государства, но и Верховного Главнокомандующего, одного из организаторов антигитлеровской коалиции, сыгравшего выдающуюся роль в победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Вот об этих величайших заслугах умалчивают нынешние «демократы» и правители. А ведь это история нашей страны, никто не имеет права ее исказить и извращать!

* * *

Наступило лето 1954 года, шел конец июня. Стояла невыносимая жара. Ртутный столбик термометра поднялся далеко за 30 градусов. В один из таких дней второй секре-

тарь Челябинского обкома партии Беспалов сообщил, что только что звонили из ЦК партии первому секретарю обкома Николаю Васильевичу Лаптеву и предложили направить меня в отдел организационно-партийной работы, к заведующему отделом Виктору Михайловичу Чураеву.

Беспалову поручили передать мне, чтобы я срочно выехал в Москву. Я был удивлен такой спешкой, но Беспалов ответил, что в ЦК мне все объяснят. Естественно, я стал думать о причине вызова и даже позвонил в отдел кадров главка Шпыневой, но ей ничего не было известно. Я попросил ее доложить обо всем начальнику главка и дать разрешение на выезд. Буквально через пару часов по ВЧ позвонил начальник главка и сказал, что мне разрешено выехать.

Утром в субботу, чуть раньше 9, зашел в приемную и доложил секретарю, кто я такой и зачем явился. Ровно в девять меня пригласили к Чураеву. После знакомства он спросил, как живут челябинцы, на что больше всего жалуются, спросил о ценах на рынках, поинтересовался заводом, его показателями. В конце полуторачасовой беседы сказал, что мне предстоит встретиться с одним из секретарей ЦК. Я просил организовать встречу в этот же день, чтобы не задерживаться до понедельника. Он обещал. О причине моего вызова в ЦК ни слова не сказал. Вскоре меня пригласили на пятый этаж к одному из секретарей ЦК. Беседа длилась минут двадцать и носила общий характер. Зачем меня пригласили, тоже не было сказано.

Совершенно заинтригованный и сбитый с толку, я опять зашел в приемную Чураева и попросил секретаря спросить его: могу ли я уезжать домой? Он зашел и буквально через минуту вышел и говорит, что я свободен.

С этим я ушел из здания ЦК на Старой площади в полном недоумении и в тот же день улетел в Челябинск.

Во вторник мне позвонил Беспалов и поинтересовался результатами поездки в Москву. Я рассказал обо всех

встречах и разговорах в ЦК и честно признался, что абсолютно ничего не понял. Все это я выложил с возмущением, эмоционально.

Он меня успокоил и сказал, что Николай Васильевич Лаптев обо всем мне скажет, он меня обязательно примет. На следующий день по ВЧ звонит Лаптев и просит подъехать к нему в обком.

В три часа дня я был у Лаптева. Он сначала попросил рассказать, с кем я беседовал в ЦК и о чем. Я был крайне удивлен и не понимал, почему со мной и здесь, и в Москве ведут беседы, а для какой цели, я не знаю до сих пор. Я работаю на оборонном заводе, все у нас с грифом секретности, я привык работать на секретных заводах, но такой секретности я еще не встречал. О чем и сказал Лаптеву.

Лаптев посмеялся, а затем сказал, что сейчас мне все расскажет.

И начал рассказывать. Он сказал, что в ближайшее время состоится пленум обкома партии, на котором будут заслушаны областное управление сельского хозяйства и руководители районов по вопросу готовности колхозов и совхозов к уборке.

Будет рассмотрен также и организационный вопрос — избрание секретаря обкома по промышленности и строительству. После этого мне стало понятно, зачем меня вызывали в Москву.

Я, правда, снова удивился, почему даже не спросили моего согласия. На что Лаптев ответил, что при подборе на такой пост главное не согласие работника, а его политические и деловые качества. «Мы руководствуемся прежде всего Уставом партии, а он гласит, что каждый коммунист может быть избран на руководящую работу». Мое желание трудиться по специальности на инженерно-технической или инженерно-хозяйственной работе, естественно, не было принято во внимание.

В заключение он назвал пока приблизительную дату созыва пленума обкома и выразил уверенность, что пленум поддержит предложение о моем избрании секретарем обкома.

* * *

Пленум состоялся во второй половине августа 1954 года. Вторым вопросом Лаптев сообщил пленуму обкома о необходимости доизбрать одного секретаря обкома по промышленности. Возражений не было. Далее он сказал, что секретариат, бюро обкома вместе с отделом оргпартрabоты ЦК скрупулезно занимались подбором кандидатуры на этот пост и пришли к единодушному решению рекомендовать на этот пост меня. Я был избран секретарем обкома единогласно.

После избрания я испытывал какое-то двойственное чувство: с одной стороны, не хотелось уходить с производства, а с другой — были удовлетворение и радость за оказанное высокое доверие.

Челябинская область — одна из самых больших не только в России, но и в Союзе. По объему промышленного производства она занимала пятое место в России и шестое — в СССР. Партийная организация области была одной из крупнейших в стране. Там были высокая принципиальность, дисциплина, требовательность к каждому коммунисту, независимо от того, кем и где он работал, соблюдались моральные и нравственные требования. Я горжусь, что жил и работал в таких коллективах, в такой партийной организации.

Много еще можно сказать доброго о Челябинской области, о людях. Из этой области вышло немало крупных партийных и государственных деятелей. Она также стала кузницей кадров для других регионов, центральных организаций и учреждений Советского Союза.

С заводом я расставался с большой грустью. За пять лет удалось вывести завод из тяжелого финансового состояния и превратить в рентабельно работающий. Много сил ушло на улучшение социальных и бытовых проблем. В парткоме решили пригласить после работы в зал заседаний заводоуправления начальников цехов, отделов и служб, руководителей общественных организаций.

Я рассказал собравшимся о постановлении пленума Челябинского обкома партии, избравшего меня секретарем обкома. Сердечно поблагодарил всех присутствующих и всех трудящихся завода за активную слаженную работу, пожелал всем доброго здоровья, новых успехов в труде всему коллективу. После встречи ко мне в кабинет зашли секретарь парткома, главный инженер, председатель завкома и секретарь комитета комсомола. Приказом министра временно исполняющим обязанности директора завода назначен главный инженер К.Н. Мышков.

Они повели со мной разговор уже как с секретарем обкома. Просили, по существу, об одном — не забывать завод, использовать все возможности для оказания помощи, в которой завод очень нуждался. Я пообещал.

Пройден еще один кусок жизненного пути, обогативший меня как инженера, как руководителя. Такие познания можно получить только в непосредственной работе с людьми. Ни одна академия таких знаний и опыта не даст. Так создается мощная база, очень важная для выдвижения на другую, более сложную и ответственную должность.

* * *

На следующий день я пришел на работу в обком партии, зашел к первому секретарю Лаптеву. Поговорили о делах, на что особо следует обратить внимание. Потом он повел меня в кабинет, где я буду работать. Он располагался напротив кабинета второго секретаря обкома Беспалова. Приемная одна, один и технический секретарь.

Несколько слов о Лаптеве. Лаптев не был коренным жителем города и даже области. Приехал он после окончания Высшей партийной школы при Центральном Комитете и, естественно, им же и рекомендован на пост второго секретаря горкома. Сам он из Донбасса, с опытом партийной работы и высшим партийным образованием. Другого высшего образования у него не было.

Через непродолжительное время его избирают первым секретарем горкома, а когда Аристов становится секретарем ЦК КПСС, первым секретарем Челябинского обкома избирается Лаптев. Карьера быстрая и не совсем понятная для местных коммунистов. В области было немало достойных и подготовленных людей.

Несколько позже многие поймут, что Хрущев, став первым лицом в партии и в правительстве, начал выдвигать на партийную и государственную работу даже в России людей с Украины. Так, Полянский избирается секретарем Оренбургского обкома партии, а вскоре его назначают Председателем Совмина РСФСР. Секретарем Оренбургского обкома партии избирают Коваленко. Спрашивается, что, в России на эти посты не было достойных людей? Ничего подобного, были, и в достатке.

Секретарем Тульского обкома партии избирается Юнак, секретарем Ростовского сельского обкома партии избирается Скрябин — тоже с Украины. В Москве тоже на многие посты были выдвинуты украинские кадры. В том же 1954 году по настоянию Н.С. Хрущева Крымскую АССР передали из административного подчинения России в административное подчинение Украины. Почему? На каком основании?

Это решение многие россияне восприняли с болью, подчас с возмущением и негодованием. Говорю я об этом на основании неофициальной информации, бесед, возникших при встречах на заводах, в городе. Наиболее резко осуждала это решение интеллигенция, и в особенности те, кто прошел войну.

Севастополь — город русской славы! Какое отношение имеет Украина к Севастополю, как и ко всему Крыму? Отвечать на эти вопросы было трудно.

Есть свидетельства, что после выселения татар Крым пытались заселить курянами. Приезжавшие руководители партии спрашивали у них, как идут дела. Куряне отмалчивались, уходили и, оглядываясь, говорили, что «картоха не растет»... Вот и решили переселять тех, кто знает, что в Крыму «растет»...

Да разве кто-нибудь, хотя бы в страшном сне, мог тогда увидеть будущий развал страны? Так что винить во всем этом нужно не только Хрущева, а Ельцина, Шушкевича и Кравченко — «лесных братьев», как их называл народ и на Украине, и в Белоруссии, и в граничащих с ними регионах России. Если и нужно было расходиться, то не методом развала великой державы, а цивилизованным путем. И обо всем нужно и должно было договариваться. Ельцин хотел поскорее столкнуть Горбачева, отсюда и безответственные, скороспелые Беловежские соглашения. К чему это привело, теперь всем известно. Руководители России, не спросив народ, уже в мае 1997 года еще раз подписали какой-то договор и заявили, что территориальных претензий у России к Украине нет. Вопрос этот настолько большой и важный, что требует более обстоятельного разговора. Я о нем сказал только потому, чтобы показать, как Хрущев задабривал украинцев, чтобы удержаться у власти. Это мое личное мнение, оно выстрадано...

* * *

Я проработал в обкоме партии менее года, когда в середине июня 1955 года второй секретарь обкома Беспалов был вызван в ЦК. Я не знал зачем, а спрашивать Лаптева не стал, считая это неэтичным. Через день или два Лаптев пригласил меня к себе. Ему позвонили из ЦК, ве-

роятно из отдела организационно-партийной работы, и сообщили, что Беспалову было предложено поехать работать в одну из областей РСФСР в качестве первого секретаря обкома партии. Он сразу отверг это предложение, повел себя очень нервозно и даже обидчиво. Ему предложили подумать.

Товарищи по работе советовали ему проявить партийную дисциплину и принять предложение, тем более что речь идет о выдвижении на более ответственную работу. Он якобы называл ряд причин, в том числе состояние здоровья, из-за которых не может принять предложение. В конце дня на повторной беседе он категорически отказался от предложения.

Поведение Беспалова вызвало у руководства отдела ЦК не только удивление, но и возмущение. Как могло случиться, что на посту второго секретаря обкома такой крупной парторганизации и сложной области оказался случайный человек? Кто его подбирал и выдвигал на эту работу? Надо немедленно освободить Беспалова от работы в обкоме партии.

Пытаясь узнать все из первых рук, Лаптев несколько раз звонил Чураеву, но не мог застать его на месте.

Через день в обкоме появился Беспалов и сразу зашел к Лаптеву. Потом он зашел и ко мне. Вид у него был удрученный. Он сказал: «Я погорел». Потом стал рассказывать, что сейчас был у Лаптева и тот сказал, что ему ЦК предложено немедленно освободить Беспалова от обязанностей второго секретаря обкома. Он предполагал, что решение будет именно таким. Но и предложение отдела ЦК он принять не мог.

Я не стал ему задавать каких-либо вопросов, посочувствовал. Он не назвал область, в которой ему предлагали работать первым секретарем обкома партии, не назвал и причин своего отказа. Попросил дать такую работу, чтобы прокормить себя и семью. На этом мы попрощались.

Примерно дня через два Лаптев рассказал, что переговорил со всеми членами и кандидатами в члены обкома партии, рассказал о случившемся с Беспаловым. Все товарищи осудили поведение Беспалова. Также он со всеми посоветовался о кандидатуре на пост второго секретаря. Все как один назвали мою кандидатуру. Такое же мнение у первых секретарей крупных городов и районов.

Затем он переговорил с Чураевым. Теперь Чураеву нужно было переговорить с секретарями ЦК партии. Вскоре Чураев позвонил и сказал, что кандидатура Соломенцева на пост второго секретаря обкома партии принята. Можно проводить пленум, так как Соломенцева решили не вызывать в ЦК.

Собрали пленум обкома, а перед ним бюро обкома и меня избрали вторым секретарем Челябинского обкома партии единогласно.

После закрытия пленума Лаптев предложил провести в связи с изменениями в руководстве перераспределение обязанностей между секретарями.

К концу недели я позвонил Лаптеву и сказал, что готов изложить свои соображения по распределению обязанностей между секретарями обкома. Вначале мы рассмотрели мой вариант. В мои предложения он внес коррективы, касающиеся нас обоих. Я предлагал, чтобы он курировал отделы организационно-партийной работы и административных органов, Управление государственной безопасности, управление Министерства внутренних дел, прокуратуру, суды и т.п. Себе я оставил тоже два отдела — промышленности (всех видов и отраслей) и строительства.

Лаптев в принципе согласился, но предложил, чтобы я курировал еще отдел административных органов. Он связывал это с загрузкой его множеством других, общего характера проблем и поручений ЦК, а также не совсем стабильным состоянием своего здоровья.

Кроме этого мне придется заниматься закрытыми объектами, такими, как «Челябинск-40» и «Челябинск-70» по производству ядерного вооружения. Дел там немало, а будет еще больше.

Бюро обкома будет проводить он, а в его отсутствие это буду делать я. Секретариат обкома буду проводить я, а в мое отсутствие — он.

О своем здоровье Лаптев мне сказал впервые. Как затем мне стало известно, у него были серьезные проблемы с желудком, поэтому ему было необходимо соблюдать определенный режим питания. Но работал он много и самоотверженно, несмотря на болезнь. Я, в свою очередь, старался не перегружать его вопросами, проявлять больше самостоятельности. Лаптев улавливал такие нюансы и не мешал мне, а поддерживал и доверял.

* * *

Хочу сказать еще об одном. Постоянно муссируются слухи о каких-то невероятных привилегиях, которыми пользовались партийные и советские работники. Прямо и категорично могу заявить — это ложь!

Партийные и советские работники никакими особыми привилегиями не пользовались, за исключением отдельных зарвавшихся лиц, которые кроме личных карьерных интересов ни о чем другом и не думали.

Работая директором завода, я имел оклад триста рублей в месяц. При выполнении планов заработок мой был гораздо выше оклада. Жил в трехкомнатной квартире заводского дома. Работавший до меня директор завода занимал четырехкомнатную квартиру. В эту квартиру я не стал вселяться, она для меня, я считал, велика. Семья у меня три человека. Поэтому квартиру бывшего директора отдали военпреду, в его трехкомнатную я и вселился после ремонта.

За мной была закреплена автомашина. Продовольственные и промышленные товары мы покупали в обычных магазинах и на рынке. Уровень жизни у меня был весьма приличный. Жена тоже работала.

В обкоме партии зарплата состояла из двух частей: зарплата по партмаксимуму и другие доплаты. Получилось так, что, перейдя на более ответственную работу, я стал получать зарплату гораздо меньшую, чем на заводе. Транспортom обеспечивался, как и на заводе, но на работу и с работы в любое время суток ходил пешком. Охраны никакой не было. Появилась, правда, одна «привилегия»: объем работы возрос, ответственность тоже, плюс систематические командировки по области по полевым ухабистым дорогам...

Первые посещения закрытых объектов «Челябинск-40» и «Челябинск-70» показали, что здесь немало проблем. Делами они занимаются совершенно новыми и неизведанными, требующими огромных умственных, технических, материальных и финансовых затрат. Объекты уже работали, но одновременно велось и большое строительство. Работали многотысячные коллективы: вольнонаемные специалисты высочайшей квалификации, собранные со всего Союза, военнослужащие и заключенные. Сложились уже не поселки, а целые города. Управляли ими небольшие группы работников предприятий и политотделы. Не случайно вскоре вышло Постановление ЦК партии и правительства об организации на таких объектах городских комитетов партии и городских Советов депутатов трудящихся. Первыми эти органы управления было решено создать на объектах «Челябинск-40» и «Челябинск-70». Организацию их бюро обкома возложило на меня. Начали с нуля — как назвать будущие города? Я попросил товарищей давать свои названия и сам предложил «Челябинск-40» назвать городом Озерск, а «Челябинск-70» — городом Снежинск. Озерск — потому что город расположен на берегу озера.

Снежинск — потому что запомнилась мне одна поездка на этот объект. Он расположен на полуострове между двух очень больших сообщающихся озер, в сосновом лесу. Как-то в начале зимы после прошедшего обильного снегопада я поехал туда. Там, где уже начали возводить дома нового города, меня буквально ослепила белизна чистейшего снега. Я остановил машину, вышел и несколько минут любовался разлившейся вокруг белизной. Эта чудо-картина осталась в памяти. Когда я подбирал названия городов, она и вспомнилась, вот почему я предложил назвать это поселение Снежинск. Предложения были приняты.

Скоро состоялись партийные конференции в этих двух городах. Организацию и проведение их бюро обкома поручило мне. Секретарями горкомов партии вновь созданных городов были избраны секретари Кировского и Октябрьского райкомов Челябинска, образованные и опытные партийные работники. Рекомендовал для избрания их по поручению бюро тоже я. В то же примерно время были избраны депутаты горсоветов, проведены сессии и избраны исполнительные комитеты. Безвластие на этом закончилось.

* * *

«Челябинск-40» — предприятие не только очень сложное, но и очень опасное для здоровья и жизни работающих на основном производстве.

На участках цехов имелись знаки с указанием времени, в течение которого там можно находиться. Я несколько раз бывал на этом производстве, пользовался спецодеждой, которая была здесь обязательна, — резиновые калоши, белый халат, в кармане дозиметр. Такая одежда была закреплена и за мной, как и место, где я ее оставлял до следующего посещения.

За определенный промежуток времени работающий набирал предельную величину, после чего его выводили с основного производства на другую работу.

В первый период работы на комбинате «Челябинск-40» на основном производстве имели место аварии с тяжелым последствием для работающих — облучением. Причины этих аварий крылись, как правило, в новизне производства, а следовательно, и в недоработке в технологических процессах. Поэтому на предприятии постоянно находились, занимаясь совершенствованием технологических процессов, крупнейшие ученые-атомщики во главе с выдающимся ученым с мировым именем Игорем Васильевичем Курчатовым.

Курчатов родился в городе Симе Челябинской области. Он был первым организатором и руководителем работ по атомной науке и технике в Советском Союзе. Под его руководством сооружен первый советский циклотрон, первый в Европе ядерный реактор, создана первая в Союзе атомная бомба, первые в мире термоядерная бомба и атомная электростанция. Он основатель и первый директор Института атомной энергии. И это, безусловно, далеко не все, что он сделал в науке и технике для своего отечества.

О его приезде в Челябинск обкому сообщали заранее и мне поручали выезжать в «Челябинск-40».

Игорь Васильевич при всей занятости всегда находил время внимательно всех выслушать и принять решения. Он был не только умен, скромнен, всесторонне образован, но очень прост в обращении и обаятелен. На предприятии он занимался не только научными и техническими проблемами. Он постоянно интересовался условиями жизни трудящихся. С его помощью решалось немало социальных вопросов. Особое внимание он уделял обеспечению безопасных условий труда.

И все же неприятности случались.

Особенно большой шум был поднят в связи с сильным взрывом, о котором теперь много и написано, и сказано. Но взрыв этот произошел не на основном производстве, а на складе, где собирались и хранились отходы основного производства. Точная причина, кажется, так и не установлена. Во всяком случае мы, кто в то время допускался к этому объекту, так и не узнали окончательного заключения.

Взрыв этот нанес большой экономический ущерб. Шлейф взрыва протянулся на 175 километров в сторону Свердловской области. Я не располагаю данными, насколько велика была радиация на облученной территории и что сделано с населенными пунктами, попавшими под шлейф взрыва.

В Челябинской области вся территория, попавшая под шлейф взрыва, была оцеплена армейскими подразделениями, въезд и вход на нее был закрыт. Выселялись все люди, проживавшие или находившиеся в этой зоне. Они не имели права что-либо взять с собой из вещей. На границе с чистой зоной они снимали с себя всю одежду и надевали новую. Все прежнее имущество сжигалось и закапывалось в землю на довольно большую глубину. Скот был забит, уничтожена и птица. Были приняты меры по недопущению населения в пострадавшую зону. Пришлось организовать бригаду по отстрелу уток, прилетающих на озеро, на берегу которого расположен комбинат. Озеро было сильно загрязнено радиацией. За каждую убитую утку выплачивалось денежное вознаграждение. Принималась масса других мер, чтобы оградить зараженную радиацией территорию от посещения населением, животными. Запрет этот был рассчитан на несколько десятилетий.

Пришлось много поработать ученым-атомщикам, производственникам, представителям многих направлений науки, чтобы достоверно установить причину взрыва, оценить последствия его и главное — определить меры по недопущению подобного впредь.

После случившегося появились разные слухи и домыслы, всякие небылицы и толкования. Главная причина их крылась в отсутствии официального разъяснения со стороны правительственных или партийных организаций. Видимо, жесткие требования секретности не позволяли дать подобные разъяснения.

Нам, партийным и советским работникам, было очень трудно объяснять населению происшедшее в Озерске.

Государство компенсировало населению материальный ущерб, по желанию пострадавших расселяли по соответствующим населенным пунктам. Но психологическое потрясение, моральный и духовный урон, боль души не компенсируешь. Ликвидация последствий взрыва потребовала много средств, сил, участия многих организаций, особого внимания и большой организаторской и политической работы областных органов партийного и государственного управления.

* * *

За свою жизнь мне довелось поработать и на производстве, и в партийных организациях различного уровня, и я убедился, что партийная работа — очень трудоемкое и ответственное дело. Она требует полной самоотдачи, больших знаний, умения общаться с людьми самых разных слоев, быть внимательным и предельно собранным, несуетливым и строго принципиальным во всем, дисциплинированным и умеющим держать слово. Партийная работа сложна и потому, что она всеобъемлюща.

Сложилось так, что в партийные организации любого ранга могли обращаться граждане по любым вопросам, в том числе и личным. Не было в стране другого такого руководящего органа, к которому люди могли обращаться абсолютно со всем. И это правомочно. Руководящей и направляющей силой была Коммунистическая партия. А кому много дается, с того и много спрашивается...

Следует сказать, что с приходом к руководству партией и правительством Н.С. Хрущева появился буквально реорганизационный зуд. Хрущев — человек неугомонный, увлекающийся, напористый, категоричный, не терпящий возражений руководитель-рубака. Он не утруждал себя глубоким анализом происходящих в жизни процессов. Подчас он с порога отвергал предложения и советы авторитетных специалистов. По своей инициативе Хрущев написал и разослал по инстанциям огромное количество записок с предложениями по различным реорганизациям и даже по вопросам чисто техническим и технологическим (возделывание кукурузы, крупнопанельное строительство).

Хрущев был очень груб и бестактен с людьми. Мог снять с работы после одного разговора непонравившегося ему руководителя. Вот некоторые примеры.

Как-то он собрался поехать в Курскую область. В Туле планировалась небольшая остановка. На вокзале его встречали руководители области во главе с первым секретарем обкома. Хрущев пригласил секретаря обкома к себе в вагон проехать с ним до следующей остановки. В беседе секретарь не проявил глубоких знаний в вопросах возделывания кукурузы. Хрущев страшно возмутился, как мог такой человек оказаться во главе областной партийной организации, тут же позвонил в Москву и предложил немедленно снять с работы этого секретаря обкома.

Человек совсем недавно был избран на этот пост. Раньше работал в промышленности, по образованию инженер, хорошо зарекомендовавший себя на производстве. Сельские проблемы он, конечно, еще не успел изучить в полном объеме, тем более тонкости возделывания кукурузы. Он даже не успел как следует познакомиться с областью. Потом, после снятия Хрущева, его взяли в ЦК КПСС замом заведующего одного из важных отделов ЦК, и он оказался прекрасным работником.

Или другой пример. При Хрущеве широко практиковалось проведение с его участием зональных совещаний по сельскому хозяйству. На эти совещания приглашались руководители областей региона, хозяйств, специалисты колхозов и совхозов, научные работники, а также передовики производства. В самом начале шестидесятых годов такое совещание проводилось в Целинограде. Присутствовали аграрники всего Целинного края. В это время я уже работал первым секретарем Карагандинского обкома партии.

Находясь в Целиноградской области, Хрущев побывал в ряде хозяйств, в том числе во Всесоюзном институте зернового хозяйства.

Докладывая о деятельности института, директор, доктор сельскохозяйственных наук, академик, сказал, что земельная площадь под научные работы значительно расширена за счет передачи институту земель соседнего колхоза. Она пока для научных целей не задействована, так как сильно заросла сорняками, и мы, говорит он, решили эту прирезанную от колхоза землю пока пустить под пары. Тут Хрущев поинтересовался, каков процент паров в хозяйстве от всей пашни. Узнав, что 28%, буквально взорвался и учинил разнос директору института, после чего уехал из хозяйства, сказав присутствовавшим при этом руководителям Казахстана, что нельзя доверять такому неучу руководство институтом.

* * *

В 1956 году на областной партконференции меня избрали делегатом на XX съезд КПСС. Ожидал поездку на съезд я, естественно, с большим волнением. Полной повестки дня я не знал.

Как теперь хорошо известно, обсуждался вопрос о культе личности Сталина. Доклад делал Н.С. Хрущев, про-

должался он более шести часов с двумя перерывами. Говорил Хрущев очень эмоционально, часто отступал от текста, добавляя примеры и факты в подтверждение выдвинутых против Сталина обвинений. Говорил резко, не стесняясь в выражениях.

В зале стояла мертвая тишина. Когда объявили первый перерыв, в зале слышался только стук откидных сидений, делегаты выходили в каком-то оцепенении...

После съезда многие задавались вопросом: Хрущев обвинил Сталина, а куда же смотрели остальные члены Политбюро ЦК, почему они не протестовали и даже помогали возвеличивать его культ?

Споры, проходившие по всей стране, в каждом коллективе и каждой семье, были очень жесткими. Многие рассматривали доклад Хрущева не только как приговор Сталину, но и как приговор всей великой эпохе, приговор отцам и дедам, которые делали революцию, внесли огромный вклад в развитие России, Советского Союза, обеспечили победу в Великой Отечественной войне, превратили СССР во вторую мировую державу.

Активно использовали содержание доклада наши главные противники на Западе. Для них это был неожиданный подарок: что может быть лучше для борьбы против коммунистов, против Советской власти, против Советского государства?

В это же время зарождался нравственный, а потом и политический нигилизм будущей интеллигенции. Молодые люди спрашивали старших: «Так за что же вы боролись?» И сами отвечали, что все 70 лет Советской власти — одна большая ошибка! С тех пор прошла жизнь целого поколения. Ее тяжелейшей особенностью стало ослабление патриотического настроения молодежи и всего общества.

...Вскоре после XX съезда КПСС Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об образовании нескольких

десятков комиссий Президиума Верховного Совета для рассмотрения уголовных дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные, хозяйственные и другие преступления, а также на несовершеннолетних осужденных.

По фельдсвязи мне вручили большой пакет с несколькими сургучными печатями. Вскрыв пакет, я извлек из него выписку из Указа Президиума Верховного Совета об образовании комиссий и Указ Президиума Верховного Совета Союза об образовании такой комиссии для трех областей: Челябинской, Оренбургской и Курганской. Председателем комиссии был назначен я. Из пакета я вынул и мандат председателя комиссии, подписанный Председателем Президиума Верховного Совета СССР Ворошиловым. Это было совершенно неожиданно. Со мной никто об этом не говорил, к тому же я инженер, а не юрист.

В состав комиссии входили представители Верховного Совета СССР, КГБ, МВД, Прокуратуры, Верховного суда Союза, а также представители областных Советов, КГБ, МВД, прокуратуры и суда. Полномочия комиссии большие. Работала она непосредственно в местах отбывания наказания. В обязательном порядке надо было выслушать заключенного и дать характеристику на него от руководства колонии или тюрьмы.

Комиссия имела право принимать решение об освобождении или снижении меры наказания, оно не подлежало обжалованию и должно было немедленно выполняться.

Работа была тяжелая, особенно в психологическом отношении. Среди заключенных было немало рецидивистов, лиц, судимых не один раз, которые и были в основном организаторами беспорядков, нарушений правил поведения. В администрациях женских колоний многие женщины вели себя хуже мужчин, особенно на сексуальной почве. Часто мужчин, работников охраны и предста-

вителей администрации, брали в заложники, издевались над ними. Некоторые офицеры отказывались работать в женских колониях, даже если их переводили туда с повышением в должности.

Очень тяжелое впечатление осталось от тюрьмы особо строгого режима в Соль-Илецке Оренбургской области. В основном там содержались несовершеннолетние заключенные, судимые первый раз, но за очень тяжкие преступления, в основном за убийства. В местах отбытия первого наказания они совершали новые тяжкие преступления и вновь были судимы. У некоторых, если суммировать все сроки наказания по всем приговорам, получалось более ста лет.

В Соль-Илецке произошла задержка с началом работы комиссии. Начальник тюрьмы отказался конвоировать некоторых заключенных на заседание комиссии, так как не мог гарантировать безопасность ее членам. Согласился лишь при условии, что конвоировать таких заключенных будут два автоматчика...

Совершенно уникальным оказалось поведение заключенных в городе Мишкино Курганской области. Тюрьма эта женская, небольшая. Отбывали в ней наказание женщины-сектантки. Перевели их сюда из разных мест заключений на Севере. Зайдя в помещение, где заседала комиссия, они крестили помещение, комиссию, а затем крестились сами. На вопросы отвечать отказывались, но выкрикивали проклятия в адрес Советской власти и партии. Заканчивали тем, что «вот скоро на землю придет Господь Бог и он всех вас уничтожит». Когда мы им говорили, что комиссия имеет право и освободить от наказания, каждая из них заявляла: «Из тюрьмы никуда не пойду, Господь Бог повелел мне быть в ней, и я в ней останусь». Самой молодой из них было 29 лет, первая судимость — в 16 лет, а дальше почти 13 лет — в местах лишения свободы, в том числе на Севере, где попала под влияние сектанток, испо-

ведовала их религию и законы. Старшей — чуть больше 50 лет, она из Харькова. Муж у нее сталевар, сын инженер, а дочка училась в десятом классе.

В Челябинской тюрьме произошел такой случай. Рассматривали дело мальчика шестнадцатилетнего возраста. Мы пригласили его отца, шахтера из Копейска, и сказали, что комиссия может освободить его сына досрочно, если он даст за него поручительство. Он категорически отказался, заявив, что не может поверить, что сын исправится.

У меня, говорит, еще двое детей: сын — инженер, дочь — врач. Всей семьей пытались его наставить на путь истинный, он всегда обещал и всегда обманывал. Мы устроили ему встречу с сыном тут же, на комиссии, и отец в присутствии сына повторил свой отказ. Паренек же клялся, что он больше не будет совершать преступлений.

Большинство членов комиссии высказались за освобождение, чтобы совсем не испортить его. Начальник УВД Челябинской области генерал Мартынов усмехнулся: знайте, мол, через несколько дней он будет опять у нас.

Прошло несколько дней, звонит мне Мартынов и сообщает, что паренек этот ими арестован при попытке отнять часы у девушки прямо напротив «Гастронома», среди бела дня, на главной улице города. Значит, отец паренька, шахтер Копейска, был прав, а комиссия ошиблась.

* * *

...С момента избрания меня секретарем Челябинского обкома партии я стал как бы входить во власть, а это новое не только положение, но и более высокая ответственность, новое отношение к государственным делам в более широком понимании этого слова. Когда меня избрали депутатом Верховного Совета СССР, ответственность еще больше возросла. Первые шаги вхождения во власть как бы создают условия для почти полного поглощения чело-

века делами государственного масштаба. Меняется и подход к рассмотрению предложений другой работы.

В начале октября 1959 года на заседании Президиума ЦК КПСС обсуждался вопрос о кандидатуре на пост секретаря Карагандинского обкома партии. Президиум ЦК по предложению Н.С. Хрущева принял Постановление рекомендовать меня на эту работу.

Честно говорю, уезжать из области не хотелось. О Караганде я мало знал, поэтому придется осваивать не только новую, хотя и понятную мне работу, но и еще один новый регион, тем более что это и другая союзная республика — Казахская ССР.

Расскажу подробнее, почему в таком спешном порядке меня направили в Караганду.

Первое августа 1959 года — воскресный день, в Темиртау почти все отдыхали. В рабочей столовой было полно народу, иные уже навеселе, многие принесли спиртное с собой. Как рассказывали очевидцы, было шумно, пьяные сквернословили. В столовой стояли небольшие столы на четыре человека. В какой-то момент из-за одного из них вскочил молодой человек и закричал, что ему подали борщ с червем, а потом запустил тарелку в раздатчиц. К счастью, обошлось без травм. Его крик поддержали в очереди и тоже стали бросать тарелки, ложки, вилки за стойку раздачи. Поднялся невероятный шум, толпа бросилась к двери, началась давка. На улице взбунтовавшиеся подбегали к ларькам и бочкам, где должны продаваться вода и квас. Они начали разбивать и ломать ларьки, переворачивать бочки.

Число погромщиков нарастало как снежный ком. Стали бить окна и витрины магазинов, затем ворвались в них, и из окон полетели разные товары, тюки материи. Их тут же подбирали и растаскивали. Попытка нескольких милиционеров успокоить людей не увенчалась успехом. Погром нарастал. Вся площадь у магазинов заполнилась бу-

шующей разъяренной толпой. Прибывшие к месту событий руководители завода, стройтреста, горкома партии и горисполкома, а затем и области, дополнительные наряды милиции, в том числе и из Караганды, не могли остановить толпу, погром продолжался до глубокой ночи. Наконец буйство стало стихать, но с рассветом опять все возобновилось. Как рассказывали, второго августа среди наиболее активных опять было много нетрезвых.

О случившемся доложили руководству республики, а те, вероятно, в Москву. Через какое-то время появилось подразделение военных, что еще больше разгневало толпу. Попытки остановить беспорядки не увенчались успехом. Видя, что погромы и мародерство нарастают, власти решили применить оружие. Пролилась кровь. Бунтовщики начали разбегаться кто куда. Кого-то удалось задержать. Волнения пошли на убыль и к ночи прекратились.

За двое суток были разгромлены многие помещения, растащено большое количество ценностей. очевидцы рассказывали, что территорию и здания, где все это происходило, нельзя было узнать.

ЦК партии Казахстана и правительство образовали комиссию для расследования случившегося. Вопрос этот рассматривался на пленуме ЦК компартии республики, но настоящего обсуждения не получилось. Говорили жарко, обвиняя друг друга в случившемся, но так и не установили, кто дал указание о применении оружия. Был произведен ряд замен в руководстве силовыми структурами.

* * *

Чем были вызваны беспорядки? На строительстве работали десятки тысяч людей. В основном молодежь, приехавшая на стройку по призыву ЦК ВЛКСМ из многих регионов Советского Союза. Казах, по сути, не было, кроме тех немногих, что занимали руководящие кресла.

Жилья для приезжающих не доставало, многих расселяли в комсомольском поселке, состоявшем из палаток и нескольких двухэтажных каркасно-засыпных домов.

Воспитателями работали женщины, совершенно к этому неподготовленные, молодежь их и не слушала. В каждом доме или палатке жили рабочие из разных строительных управлений, участков и бригад. Руководители в общежитиях не бывали, со своими людьми не работали.

К середине 1959 года сроки строительства начали поджимать, и потребовалось привлечение дополнительных отрядов молодежи. Но возможности поселить их хотя бы с минимальными удобствами по-прежнему не было. Хранить завозимые продукты негде. Председатель Карагандинского Совнархоза Оника, кстати, близкий друг Н.С. Хрущева, присланный с Украины, настаивал на том, чтобы еще направили людей на стройку. Обком партии, его первый секретарь Исаев были против, так как не было условий для нормального их размещения. Через какое-то время, вопреки решению обкома, Оника дал в Москву телеграмму с просьбой прислать еще молодежь, что и было сделано. К чему это привело, я уже рассказал.

После трагических событий в Темиртау начали наказывать виновных. Самое тяжелое наказание понес Исаев — первый секретарь обкома партии. Его сняли с работы и исключили из партии. Председатель Совнархоза Оника тоже был снят с работы, но по партийной линии отделался строгим выговором. Это при том, что беспорядки, по сути, на совести Оники. Это ведь он, вопреки возражениям, запросил дополнительную рабочую силу. Было наказано еще несколько человек. Снятого с работы Исаева никем не заменили. Следовательно, с августа по октябрь включительно Карагандинский обком партии работал без первого секретаря. Спрашивается, куда смотрели руководители ЦК Казахстана и организационно-партийный отдел ЦК КПСС?

О положении в Караганде Хрущев узнал в начале октября. Как всегда, собрал Президиум ЦК КПСС, пригласил на него соответствующие отделы и учинил разнос. Тут же велел подготовить для рассмотрения на Президиуме ЦК кандидатуры на пост первого секретаря обкома партии. Предложили, как я уже говорил, меня. А почему именно меня, я не знал. Ответа на этот вопрос в Отделе оргпарработы ЦК не получил.

Зашел как-то по делам к секретарю ЦК Аристову, решил и его спросить. Он ответил: «Я тебе скажу, но не сейчас, попозже».

Года через полтора или два я опять спросил его об этом. И вот что он мне рассказал.

В Президиуме ЦК КПСС было решено освободить от работы первого секретаря Кемеровского обкома партии. Вместо него подбирали кандидатуру. Остановились на мне. Подготовили необходимые материалы для Президиума ЦК. Но тут Хрущеву стало известно, что в Карагандинской области после описанных событий все еще нет первого секретаря обкома. Он учинил скандал и потребовал немедленно дать кандидатуру, кого рекомендовать. Отдел ЦК, главный виновник этого, внес уже готовое предложение для Кемеровского обкома, то есть меня. Хрущев согласился, и так я оказался в Карагандинской области.

«Но ты не унывай, — сказал он мне, — в ЦК КПСС о тебе сложилось хорошее мнение, не растеряй его. Я тебе желаю только успехов».

На следующий день утром мне позвонил мой предшественник Исаев, попросил принять его. Разговор оказался нелегким. Он рассказал, как ему видится обстановка в области, об особенностях общения с республиканскими органами власти, о наиболее сложных, по его мнению, проблемах, о трудностях в решении социальных вопросов и многом другом. Отдал мне ключ от сейфа, и мы попрощались.

В Казахстане, как и в других азиатских республиках Союза, сложилась практика, когда почти во всех руководящих звеньях первыми лицами работают казахи, а вторыми — русские, украинцы или другие русскоязычные специалисты.

Из собственных наблюдений я убедился, что к этому стремились и сами казахи, понимая, что в республике пока не хватает квалифицированных кадров, чтобы занять ответственные посты во всем народном хозяйстве. В связи с этим вспоминается такой эпизод из моей практики второго секретаря ЦК Казахстана.

Как-то беседуя со мной, Л.И. Брежнев в конце разговора сказал: «Я тебя прошу, помимо своих прямых обязанностей, присматривай и за положением дел в промышленности, так как Байгалиев, секретарь ЦК Казахстана по промышленности, слабый работник, ему нужна помощь». Я уже был знаком с Байгалиевым, и у меня сложилось о нем такое же мнение. Брежнев прекрасно знал основные кадры Казахстана, он там работал вторым, а затем первым секретарем ЦК.

Руководители не из казахов работали в абсолютном своем большинстве, как я знаю, с полной отдачей, активно помогали руководителям-казахам в их росте и становлении. Традиции, навыки живут долго. Изменить их, сделать природного чабана хорошим специалистом в промышленности, а тем более инженером, руководителем, — задача трудновыполнимая.

В Киргизии, Туркмении, в меньшей степени в Азербайджане, Армении промышленность развивалась довольно высокими темпами, создавались совершенно новые отрасли народного хозяйства, а работали на них люди из России, Украины, Белоруссии. А кто осваивал в Казах-

стане целину? Главным образом — представители русскоязычного населения. Это хорошо известно нашему и следующему поколению. Большинство же современной молодежи не знает об этом.

Конечно, обидно сейчас слышать о неприязненном отношении в бывших республиках СССР к русскоязычному населению, отдавшему так много сил и энергии, чтобы помочь коренным национальностям в развитии науки, культуры, экономики. Очевидцы рассказывали о лозунге, вывешенном в Ташкенте: «Русские, не уезжайте, нам нужны рабы!»

И в то же время я не могу забыть лицо плачущей таджички, которая говорила в телекамеру: «Хочу, чтоб было, как раньше». — «А раньше это как?» — «Как при Советской власти!»

Часть 2

ПАДЕНИЕ ХРУЩЕВА. О «ДОЛГАХ» МИХАИЛА ШОЛОХОВА

Я критически оцениваю многие решения и действия Хрущева. Не имея достаточных знаний и терпения, он пытался наскоком решить многие, в том числе и социальные проблемы, накопившиеся в стране за многие десятилетия. Сельское хозяйство при нем оказалось просто замучено различными реорганизациями и перестройками. Невозможно было поднять село с помощью различных, в том числе зональных, совещаний.

Дошло до того, что 24 тыс. колхозов и совхозов России задолжали государству 48 млрд. рублей, или 2 млн. рублей каждое хозяйство. Не было паритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Не учитывалось, что две трети сельхозугодий расположено в зоне рискованного земледелия.

А между тем потенциальные возможности сельского хозяйства у нас таковы, что оно может полностью удовлетворить потребности страны во всех видах продукции, кроме некоторых очень теплолюбивых культур, в том числе экзотических. При этом наши сельхозпродукты по своему качеству гораздо лучше тех, что завозят из многих стран и продают по баснословным ценам.

Хрущев вносил иногда такие предложения, которые никак не вписывались в рамки разумного. Как, например, разделить Коммунистическую партию на две партии — сельскую и промышленную. Или выселить из Москвы и

других крупных городов на периферию Академии наук для приближения науки к производству.

Своей импульсивной и непредсказуемой натурой, проявлением диктаторства, неуважительного, а часто просто очень грубого и бестактного отношения к людям нажил много врагов, что и привело впоследствии к освобождению его от работы Первого секретаря ЦК КПСС. Считаю, что оно было проведено корректно и грамотно, без нарушения уставных требований.

13 октября 1964 г. мне позвонили из ЦК КПСС и сообщили, что все члены и кандидаты в члены ЦК КПСС должны прибыть в Москву, в ЦК, к утру 14 октября. Причину такого внезапного вызова не назвали.

14 октября в девятом часу мы были в ЦК. Думаю, что все или почти все члены и кандидаты в члены ЦК в начале девятого собрались в здании ЦК. Волнение, вызванное внезапным приглашением, неясностью, в связи с чем мы вызваны, молчанием работников аппарата о причинах сбора, охватило каждого.

Вскоре нам сказали, что вчера весь день допоздна заседал Президиум ЦК КПСС. Сегодня с утра он продолжит заседание. Вызван с юга Н.С. Хрущев. После того как закончится заседание Президиума, состоится Пленум ЦК. Нам было предложено находиться в здании ЦК партии.

Пленум начал работу во второй половине дня. В Президиуме были члены и кандидаты в члены Президиума ЦК, в том числе и Хрущев. Сидел он не в первом ряду, что всех сразу удивило.

Мне удалось записать отдельные положения и моменты этого важнейшего заседания ЦК.

Повестка дня формулировалась так: «О сложившемся ненормальном положении в Президиуме ЦК КПСС в связи с действиями тов. Н. С. Хрущева». С докладом по поручению Президиума ЦК выступил секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. Он сказал, что Президиум ЦК КПСС ре-

шил вызвать с юга товарища Хрущева, где он отдыхал, чтобы прямо сказать ему о наблевшем и сделать надлежащие выводы.

За последнее время положение в Президиуме ЦК становилось все хуже и хуже. Выражалось это в нарушении ленинских принципов руководства. Сосредоточив власть в своих руках, т. Хрущев грубо попирает и нарушает ленинские принципы руководства. Формально получалось, что Президиум обсуждал все вопросы, а по существу принимались решения по указке т. Хрущева. Всякое другое мнение отвергалось, вызывало бурю негодования. На тех, кто делал замечания или высказывал мнение, отличное от его, наклеивались оскорбительные ярлыки, сыпались даже бранные слова и оскорбления.

Сложилась такая обстановка, что многие решения по важнейшим вопросам внутренней и международной политики, хозяйственного строительства принимались наспех, без детального изучения и обсуждения, так как материалы раздавались за час, а то и меньше, до рассмотрения на Президиуме, то есть по существу навязывались угодные ему мнения.

Тов. Хрущев за последние 2—3 года резко изменился в худшую сторону. Он до того зазнался, что к нему трудно подступить.

Он требовал, чтобы все его речи и беседы с различными делегациями немедленно публиковались в печати, а они нередко были путанными и даже вредными (примеры: пребывание в Скандинавии, беседа с японской парламентской делегацией по Синьцзяну и др.). Хрущев возомнил, что умнее всех, что только он способен давать указания, учить всех, и по любому вопросу. Поэтому может не считаться с мнением специалистов, товарищей по работе (примеры: выращивание кукурузы, гороха, бобов, вытеснение паров из системы земледелия).

Во время поездки в Объединенную Арабскую Республику он награждает и присваивает звания Героев Советского Союза Насеру и Амиру против воли членов Президиума ЦК. Настоятельно добивался ликвидации Тимирязевской академии, в то время как ученые были категорически против его предложений.

Порой Хрущев необоснованно грубо обращался с учеными. Так, к примеру, он обошелся с директором Акмолинского научно-исследовательского института земледелия академиком Бараевым. Глумиться так над крупным ученым недопустимо, безнравственно.

Члены Президиума ЦК фактически были лишены возможности выехать на места, ездил он один, а если кто высказывал желание поехать, то отвечал: «Если тебе нечего здесь делать, то можешь ехать».

С докладами выступал везде только он.

Последнее время пленумов ЦК КПСС по существу не было, хотя они часто собирались. Но это были не пленумы, а пышные совещания, на которых членам ЦК не давали слова. Выпускали передовиков производства, хозяйственников.

Докладчик подверг критике практику поездок Хрущева за границу вместе со всеми членами семьи. Его бахвальство, нескромность, пышное обставление поездок, в том числе и по своей стране, беспринципность к недопустимым действиям и поступкам своего зятя Аджубея вызывают возмущение и протесты.

Хрущев явно страдает зудом всевозможных перестроек: ликвидация министерств и создание вместо них совнархозов и комитетов, перестройка сельхозорганов, партийных и советских органов по производственному принципу, в результате чего партия оказалась разделенной.

Ленин едко высмеивал любителей всяких перестроек. Выступая на 9-м Всероссийском съезде Советов в 1921 году, он сказал: «У нас ужасно много охотников пе-

рестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, больше которого я в своей жизни не знал».

Генеральная линия партии по международным вопросам — правильная: борьба за мир, за мирное сосуществование стран с различным строем, укрепление единства коммунистического движения. Международная обстановка и отношения между социалистическими странами сложные. В обострении отношений между ними есть доля вины товарища Хрущева. Он пытается поучать всех, в том числе братские партии и их руководителей. Так, он взялся учить румын выращивать кукурузу, при том, что в Румынии всегда в значительном количестве выращивали кукурузу на зерно. Да и уровень производительности труда в сельском хозяйстве у них выше, чем у нас, так же как и урожаи.

Обострились отношения с Польшей, особенно в связи с покупкой у них самолетов Ан-2.

* * *

После окончания доклада Сулова был поставлен вопрос об открытии прений. Но из зала стали чуть ли не хором раздаваться возгласы: «Прений не открывать, все ясно, надо принимать решение». Пленум принял два постановления. Первое, организационного характера, гласило:

1. Освободить товарища Никиту Сергеевича Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР и вывести его из состава Президиума ЦК КПСС.

2. Не совмещать в одном лице двух должностей: первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

3. Избрать Первым секретарем ЦК КПСС видного деятеля нашей партии товарища Брежнева Леонида Ильича.

4. Рекомендовать на пост Председателя Совета Министров СССР видного деятеля нашей партии, крупного хозяйственника товарища Косыгина Алексея Николаевича.

Во втором постановлении было записано:

1. Разъяснить решение Пленума ЦК КПСС, начиная с руководящего ядра партии.

2. Пленум ЦК при обсуждении вопроса о Хрущеве особо подчеркнул, что курс, выработанный XX, XXI, XXII съездами КПСС, правилен как по вопросам внутренней, так и внешней политики. Борьба за мир, содружество социалистических стран, единство международного коммунистического движения всегда были и будут главными вопросами нашей партии. Мы верны генеральной линии нашей партии, и никому не удастся сбить ее с ленинского пути.

3. Всемерно и неуклонно повышать роль партии, партийных комитетов в жизни страны.

4. Мобилизовать все партийные организации на выполнение текущих задач партии в области развития промышленности и строительства, сельского хозяйства, повышения жизненного уровня народа.

В заключение нам сказали, что следует немедленно выезжать на места, домой, и организовывать работу по разъяснению постановлений состоявшегося Пленума ЦК КПСС.

Интерес к работе пленума был огромным как у нас в стране, так и за ее пределами. И это закономерно. В истории нашей партии подобных постановлений о первом руководителе партии еще не было. Сразу возник вопрос: почему участники пленума настояли не обсуждать доклад? Думаю, что объяснялось это тем, что пленум был хорошо подготовлен, что мы выслушали содержательный, глубокий анализ сложившегося положения в Президиуме ЦК, были названы причины, породившие это положение, а также главный виновник. Положения доклада были четкими, строгими, подтверждены множеством примеров. Док-

лад был принципиальным и сдержанным, объективным и доходчивым, в нем не было и намека унижить Хрущева.

Члены ЦК и кандидаты в члены ЦК, если не все, то абсолютное большинство, подписались бы под каждым его положением.

Большинство присутствовавших на пленуме на своем личном опыте испытали грубые ошибки, допущавшиеся Хрущевым в руководстве партией и страной, подчас просто хамское отношение к кадрам, исключая разве друзей и приближенных. Поэтому многие говорили, что прения ничего нового не добавят, расширится только круг примеров.

* * *

С приходом в 1964 году нового руководства в ЦК и правительство Союза стали происходить подвижки, изменения в расстановке кадров, но велась эта работа без спешки и строго индивидуально. Шел естественный процесс, нормальный для такого периода.

Настрой был такой: в партии и государстве нужны порядок, дисциплина и высокая ответственность. С руководителей всех рангов должен быть строгий спрос, но и обязательно уважительное отношение. Об этом говорил почти каждый, с кем приходилось беседовать после октябрьского Пленума ЦК.

Для меня 1964 год был связан со многими переменами. 16 ноября меня вызывали в Москву, где состоялся очередной Пленум ЦК КПСС, принявший постановление о переводе из кандидатов в члены ЦК нескольких человек. На следующее утро я пошел по делам в ЦК. Примерно в середине дня мне передали, что меня приглашает Л.И. Брежнев. Дежуривший в приемной секретарь сказал, что у Леонида Ильича в кабинете Суслов и Кириленко. Как только они уйдут, Леонид Ильич меня примет. Через несколько минут вышел Суслов, а потом Кириленко. Тут же меня пригласили к Брежневу.

Мы немного поговорили о прошедшем Пленуме 16 ноября и об октябрьском 1964 года. Он посетовал на множество проблем, возникших в связи с действиями Хрущева, что многое надо исправлять, но не второпях, а продуманно. Очень важная работа — объединение партийных организаций. Работу эту следует делать уже сейчас. В некоторых областях промышленный и сельский обкомы передрались, перессорились. Вот сейчас с Суловым и Кириленко обсуждали обстановку в Ростовской области. Там разругались не только первые секретари обкомов, но и члены бюро, сотрудники аппаратов. ЦК направил в Ростов первого зама заведующего орготделом, чтобы помирить их. Не вышло. Решили поручить это дело кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК Демичеву П.Н., но и у него, как сообщили только что товарищи, усмирение не получается. Договорились, что сегодня вечером туда поедет Михаил Андреевич Сулов.

Мы условились, что если Сулов не помирит разъяренных секретарей, то будем их освобождать от работы, а в связи с предстоящим объединением двух партийных организаций надо подбирать только одного секретаря обкома. Договорились, что если возникнет крайний вариант — освободить от работы секретаря сельского обкома Скрябина, он подаст, а может быть, уже написал заявление с просьбой освободить его от работы и дать возможность уехать на Украину, откуда он и приехал в Ростов.

Секретарем сельского обкома партии рекомендовать надо такого товарища, которого можно затем избрать председателем оргбюро по объединению двух партийных организаций с перспективой на избрание первым секретарем объединенной Ростовской областной организации. «Со многими членами Политбюро и секретарями мы советовались и остановились на твоей кандидатуре. Как ты на это предложение смотришь?» — спросил Леонид Ильич.

Почти не задумываясь, я ответил, что, если мне будет оказано такое доверие, я постараюсь его оправдать. В от-

вет услышал: «Хорошо, спасибо. Но ты понимаешь, что это не окончательное решение. Все будет зависеть от переговоров Сулова с ростовчанами. Политбюро, я уверен, поддержит твою кандидатуру. Если в Ростове все уладится, то мы тебя, может быть, беспокоить и не будем».

Он просил меня, если доведется работать в Ростовской области, учитывать неприятные события в Новочеркасске, имевшие место в 1962 году, а также и то, что там живут и работают выдающийся писатель Михаил Шолохов и Юрий Жданов, сын известного политического деятеля, работавшего заведомом ЦК КПСС. К ним, как нам известно, приковано внимание определенных как внешних, так и внутренних сил.

Я поблагодарил Леонида Ильича за беседу и, попрощавшись, ушел. В тот же вечер я вернулся в Казахстан.

* * *

В конце ноября мне передали требование ЦК срочно вылететь в Ростов. В аэропорту меня встретил работник обкома партии, не знаю какого — сельского или промышленного. Повез на окраину города в гостиницу «Малые формы». Название необычное. Как мне рассказали, оно было дано кем-то из проектировщиков. Гостиница действительно по внешнему виду отличается от стандартного дома своими формами. В ней всего три номера, рабочий кабинет, небольшая столовая и кухня. Есть зал для просмотра кинофильмов. Сулов жил на втором этаже, а меня разместили в небольшой комнатке на третьем.

Ровно в 9 утра явился к М.А. Сулову. Он сообщил, что переговоры с членами бюро обоих обкомов поодиночке и на заседаниях не увенчались успехом. Помирить их уже нельзя, да и не стоит больше пытаться, так как большинство партийцев и даже беспартийные с негодованием говорят о поведении членов бюро и первых секретарей об-

комов. Идти на объединительную конференцию с таким руководством нельзя. «Об этом, — говорит он, — я доложил Л.И. Брежневу. Президиум ЦК КПСС принял постановление освободить Скрябина — секретаря сельского обкома партии от работы, а вас избрать вместо него. И рекомендовать совместному заседанию пленумов обоих обкомов избрать вас председателем оргбюро по объединению двух партийных организаций, а на объединительной конференции рекомендовать для избрания первым секретарем Ростовского обкома».

Я поблагодарил за доверие. Михаил Андреевич коротко рассказал о впечатлении от бесед с членами бюро обкомов.

Есть и здравомыслящие товарищи, не принимавшие участия в скандалах. Скрябин уезжает на Украину. Следует сделать все возможное и не допустить избрания в состав бюро объединенной парторганизации Неронова — ныне первого секретаря промышленного обкома.

Сулов с болью говорил о запущенности города: дома обшарпанные, на дорогах и тротуарах грязь, магазины в запущенном состоянии, ассортимент товаров мал, парки и скверы тоже выглядят отвратительно. Видно, что нет настоящего хозяина.

После беседы мы поехали в сельский обком. Оба обкома располагались в одном здании. В этом же здании в свое время размещался губернатор.

Заседание бюро сельского обкома партии открыл второй секретарь и предоставил слово Сулову. Михаил Андреевич рассказал о сложившейся ненормальной обстановке. Сообщил, что Скрябин написал заявление об освобождении от работы. Президиум ЦК КПСС принял решение удовлетворить его просьбу и предлагает избрать на пост первого секретаря сельского обкома Соломенцева М.С. Он здесь присутствует. Коротко рассказал мою биографию. Добавил, что имеется в виду рекомендовать

Соломенцева председателем оргбюро по объединению партийных организаций. Вопросов ко мне не было. Выступлений тоже. Раздались голоса согласиться с предложением ЦК КПСС.

Решили провести пленум сельского обкома во второй половине дня.

После этого мы с Сусловым пошли к Неронову. Суслов представил ему меня как кандидата на пост первого секретаря сельского обкома партии и председателя оргбюро по проведению объединительной конференции обеих областных парторганизаций согласно решению Президиума ЦК КПСС.

Договорились, когда собрать объединенный пленум двух обкомов, согласовали время с сельским обкомом партии, и на этом наша беседа с Нероновым завершилась.

На пленуме сельского обкома М.А. Суслов опять говорил о недопустимо плохих отношениях между обкомами партии. О том, что все усилия Президиума ЦК КПСС наладить нормальные отношения не дали положительных результатов. Сообщил о постановлении Президиума ЦК КПСС и предложении о моем избрании. Вопросов ни к Сулову, ни ко мне не последовало. Пленум единогласно избрал меня первым секретарем Ростовского сельского обкома партии. Заседание было на этом закончено.

Через полчаса состоялось совместное заседание пленумов обоих обкомов. После выступления Суслова М.А. совместный пленум обкомов партии одобрил решение Президиума ЦК КПСС единогласно.

Я поблагодарил за доверие и заверил, что совместной слаженной работой актива мы сделаем все необходимое, чтобы Ростовская областная партийная организация с честью выполняла поставленные перед ней задачи. На этом совместный пленум обкомов закончил свою работу.

Объединительную партконференцию назначили на 15 декабря. Я сказал Сулову, что нам будет трудно подго-

товить конференцию к этому сроку. Он согласился и предложил мне переговорить об этом с Брежневым.

Вечером Суслов уехал. На перроне вокзала, перед тем как сесть в вагон, сказал: «Обратите внимание, пожалуйста, на благоустройство города. Очень обидно и жалко, что этот прекрасный южный город в таком запущенном состоянии».

* * *

На следующий день я позвонил по телефону жене и рассказал, как оказался в Ростове-на-Дону. Рассказ не вызвал у нее радости. Опять переезд!..

По совету Сулова позвонил Брежневу и доложил, что приступил к работе в Ростове. Леонид Ильич поздравил меня с избранием секретарем сельского обкома и председателем оргбюро и попросил рассказать коротко, какова обстановка в области. Я ответил и попросил провести объединительную областную партконференцию не 15, а 24 декабря, объяснил причины. Он согласился.

До партийной конференции мне удалось побеседовать не только со всеми членами бюро обкомов, руководителями отделов, но и со многими секретарями горкомов и райкомов партии. За это же время я сумел посетить ряд городов и сел. Немало беседовал с рядовыми партийцами, в том числе с руководителями предприятий, колхозов и совхозов. Удалось посмотреть учреждения здравоохранения, культуры и быта. На встречи и беседы уходило почти все мое время.

Часто звонил Брежнев. Леонид Ильич интересовался обстановкой в области, ходом подготовки к конференции. Я отвечал на его вопросы, делился своими впечатлениями от посещения городов или районов, от разговоров с людьми. До партконференции он звонил мне не менее десяти раз, и разговоры были не короткие.

Чем объяснить такое пристальное внимание к области? Однажды я рискнул даже спросить одного товарища, который считался довольно приближенным к Брежневу человеком. Он ответил, что это объясняется значимостью области, новочеркасскими событиями и скандалом между двумя обкомами.

За день до начала конференции приехал один из заместителей заведующего орготделом ЦК. Приехал на конференцию Михаил Александрович Шолохов с женой Марией Петровной. Их поселили в той же гостинице «Малые формы» на втором этаже.

Вернулся с работы я поздно. Поднялся на второй этаж, вижу, в холле стоят Михаил Александрович с супругой. Тут и состоялось наше знакомство. Они пригласили попить вместе чайку. Спустились на первый этаж в столовую. Стол был накрыт на трех человек, как сказала мне сестра-хозяйка, по просьбе Михаила Александровича.

Чаепитие затянулось допоздна. Шел разговор на разные темы. Он с убийственной хлесткостью и сарказмом ругал руководителей обоих обкомов партии. Поинтересовался, как намечено проводить конференцию. Перед тем как пойти отдыхать, спросил, где и как я питаюсь. Я ответил. Он говорит, что с завтрашнего дня зачисляет меня на свое довольствие. Завтрак в 8 утра. Обещал кулинарный сюрприз. Я поблагодарил и пошел отдыхать.

Назавтра в 8 утра мы с Михаилом Александровичем уже сидели за столом. Кулинарным чудом оказалась приготовленная по особому рецепту губа лося. Для меня это был настоящий сюрприз. Да и лося я никогда не видел, знал об этом мощном, уникальном звере по картинкам и рассказам охотников. Блюдо мне очень понравилось. Шолохов рассказал, что убил лося сам несколько дней тому назад, и не где-нибудь, а в Ростовской области, недалеко от Вешенской. Появление лосей в Ростовской области — результат претворения в жизнь сталинского плана

охраны природы, согласно которому должна быть создана лесная полоса на большом протяжении с севера на юг, своим концом она вышла в Вешенский район Ростовской области.

К 1964 году сосновые насаждения разрослись так, что в них появились звери. Лосей развелось столько, что в этом году в Ростовской области было разрешено отстрелять пять лосей. Один из билетов на право отстрела получил Шолохов и удачно им воспользовался. Шолохов любил охоту, рыбалку и, как малое дитя, радовался и рассказывал о замечательном трофее, добытом впервые недалеко от своей родной Вешенской.

После завтрака он уточнил, когда я смогу приехать на обед, и я уехал на работу. День был напряженный, завтра конференция, а сделать до ее открытия предстояло немало. Приехали из городов и районов многие делегации. Секретари горкомов и райкомов хотят попасть на прием, а мне необходимо с ними поговорить, посоветоваться. Время уплотнено до предела, расписано по минутам. Но появляются и неплановые вопросы. Подходит время обеда, по обстановке можно и пропустить обед, а как на это отреагирует Шолохов? Решил ехать. Чета Шолоховых была наготове. Быстро пообедали, большого разговора не было, они с пониманием отнеслись к моей спешке. Пообещал пораньше приехать после работы, чтобы не сорвать их режим.

На конференцию поехал с Шолоховым в одной машине.

* * *

Конференция начала работу в 18.00. Избрание руководящих органов прошло спокойно. В состав обкома прошло значительно больше, чем раньше, рядовых рабочих и крестьян, пользующихся авторитетом в своих коллективах, имеющих хорошее образование и высокую профессиональную подготовку.

Мой доклад на конференции длился сорок минут. В обсуждении приняли участие более 15 человек. Все выступавшие считали большой ошибкой разделение единой партии на две по производственному принципу, этим нанесен большой ущерб партийному строительству, укреплению единства и дисциплины как в партии, так и в целом по стране. Разделение отрицательно сказалось и на развитии народного хозяйства. Критиковали руководителей обоих обкомов за допущенный раздор. Предлагали, как исправить ошибки. Выступали не только руководящие работники, но и рабочие, крестьяне.

Обсуждение доклада закончилось примерно к 11 часам. Затем перешли к самому тяжелому вопросу — избранию состава обкома партии. От имени глав делегаций выступил их представитель и внес предложение о количественном составе обкома, а когда оно было принято, зачитал и персональный состав. Затем перешли к обсуждению каждой кандидатуры в отдельности. К отдельным кандидатам были только вопросы. Отводов никому не было и расширять список кандидатов тоже не стали, хотя мы не исключали этого. Голосование было тайным.

Где-то в первом часу ночи были объявлены результаты голосования. Все предложенные кандидаты избраны. Были голоса против, в основном тех, кто входил в прежние два обкома партии. Больше всех голосов против получил Неронов. Многие, в том числе и я, были избраны единогласно. Так же как ревизионная и партийная комиссии.

Примерно в час ночи состоялся пленум обкома партии. Его открыл представитель ЦК и сказал, что нам необходимо избрать первого секретаря обкома, а затем продолжить работу. Задал вопрос: есть ли предложения? Из зала чуть ли не хором называли мою фамилию. Затем представитель ЦК заявил: «Я уполномочен сообщить вам, что ЦК КПСС тоже рекомендует избрать первым секретарем Ростовского обкома партии Михаила Сергеевича Соломен-

цева». Других предложений не поступило. Обком партии единогласно проголосовал за избрание меня первым секретарем Ростовского обкома партии. Далее ведение пленума перешло в мои руки. Были избраны еще четыре секретаря и восемь членов бюро. Все секретари тоже входили в состав бюро. На этом пленум закончил свою работу.

На дачу поехали вместе с М.А. Шолоховым, который был избран членом обкома партии. Мы были довольны, что никто из рьяных склочников не попал в состав бюро обкома.

Утром позвонил Л.И. Брежневу, чтобы проинформировать об итогах работы конференции. Он поздравил с избранием первым секретарем обкома, пожелал успехов в работе. В ЦК довольны проделанной работой и тем, что виновники склоки и вражды не избраны в состав бюро обкома. Спросил, был ли Шолохов на конференции. Я ему сказал, что Шолохов был и на конференции, и на пленуме обкома. Живем мы с ним в одной гостинице, вместе питаемся, он зачислил меня на свое довольствие. Через день-два он улетит в Вешенскую вместе с Марией Петровной.

Перед отлетом из Ростова домой Шолохов зашел, рассказал, что пообщался с друзьями, главным образом с писателями. В Ростове большая областная писательская организация — около пятидесяти человек. Среди них такие известные, как Анатолий Калинин, Виталий Закруткин и другие. Михаил Александрович сказал мне, что писатели Дона ждут от своего нового партийного секретаря внимания и заботы.

Высказал удовлетворение работой конференции. Шолохов попросил меня повнимательнее изучить положение дел в сельском хозяйстве северных районов области. На прощание пригласил заходить к нему домой, когда буду бывать в его краях. Личных просьб не высказывал. Расцеловались, и он уехал.

После нескольких дней работы в новой роли ко мне зашел заведующий финансово-хозяйственным отделом обкома партии. Он рассказал о своей работе, о хозяйстве, которым располагает обком, о состоянии с финансами. В завершение сказал, что все обстоит нормально, кроме одного обстоятельства. У обкома партии есть должник, который то погашает задолженность, то опять становится должником. Им является уважаемый всеми нами Михаил Александрович Шолохов. На сегодня он должен обкому 1200 рублей. Этим сообщением я был буквально ошеломлен. Попытался выяснить причины, но финансист не мог ничего вразумительного сказать и отослал меня к Михаилу Кузьмичу Фоменко, секретарю обкома по идеологии, который якобы может все прояснить.

В тот же день пригласил Михаила Кузьмича и попросил рассказать, как великий писатель Шолохов стал постоянным должником. Его произведения идут в магазинах нарасхват, он может и должен иметь приличные гонорары. Фоменко согласился, что книги Шолохова идут нарасхват, но издается их недостаточно. Получаемые гонорары Михаил Александрович в значительной части отсылает людям, попавшим в трудное положение и обратившимся к нему за материальной помощью. «Мы стараемся по возможности оградить его, но не всегда получается», — сказал Фоменко. Я попросил его дать мне точную справку об издании произведений Шолохова и суммах гонораров, полученных за последние годы. Фоменко подтвердил, что Шолохов живет довольно скромно, а в некоторые периоды и скудно. Примерно через неделю я такую справку получил и поразился тому, как мало издается произведений Шолохова.

Позвонил Петру Ниловичу Демичеву, который занимался идеологическими вопросами как секретарь ЦК КПСС, и рассказал о материальном положении Шолохова и о незначительном количестве издаваемых книг. Демичев удивился и пообещал разобраться. Вскоре у меня состоялась поездка в Москву. Я зашел к Демичеву, но, к сожалению, никаких подвижек не произошло. Он сказал, что шолоховские произведения издаются примерно в таких количествах, как и других писателей. Я с такой позицией не мог согласиться.

Попросился на прием к Брежневу. Доложил ему о делах в области, особо остановился на положении дел в сельском хозяйстве. В колхозах и совхозах, особенно в северных и северо-восточных районах области, не хватало кормов. До поездки в Москву я посетил эти районы, и у меня осталось тяжелое впечатление от увиденного. Попросил Леонида Ильича помочь области кормами. Он позвонил в Министерство сельского хозяйства и попросил рассмотреть мою просьбу. Кормами (концентрированными) нам немного помогли.

Рассказал я ему и о материальном положении Шолохова, передал ему записку, в которой изложено, что, на наш взгляд, следует осуществить, чтобы поправить материальное положение Михаила Александровича. Он очень возмутился, позвонил Демичеву и довольно резко поговорил с ним, сказав, что это позор для нас всех. Попросил немедленно заняться этим вопросом, обкому партии подготовить свои предложения, рассмотреть их с кем следует и, если что-то еще надо сделать, решить. О принятых мерах доложить ему лично. После такого поручения Генсека все засуетились, наши предложения приняли и начали осуществлять. Скоро Шолохов почувствовал это и стал спрашивать у Фоменко: что произошло, какая сила подействовала? Как-то Фоменко позвонил и сказал, что Шолохов попросил передать мне от него и Марии Петровны

особую благодарность, а за что, он, мол, сам знает. Долг свой Михаил Александрович погасил, хотя должнику никаких напоминаний никто не делал. То есть поступил так, как делал не раз до этого.

* * *

Мне довелось несколько раз бывать в Вешенской, и, конечно, каждый раз я заходил к Михаилу Александровичу. Нарушить сложившийся порядок было нельзя. Он бы обиделся. Шолохов жил интересами и своего района, своей области, своей России, и всего Советского Союза. У меня сложилось такое впечатление, что мимо его души не проходило ни одно существенное событие. Встречаясь, мы вели разговоры о тех проблемах, которые волнуют его земляков, в чем нуждаются колхозы и совхозы и люди, работающие в них. Он старался быть в курсе дел не только своего района, но и области. Я позванивал ему и рассказывал, как идет посевная или уборочная кампания, как смотрится Вешенский район на фоне всей области.

Бывало, в конце дня мы ходили с ним порыбачить на Дон. Когда мы с удочками шли по улицам станицы, я наблюдал, с каким уважением относятся к нему земляки. Если они сидели на лавочках, то обязательно вставали и кланялись. Мужчины, как правило, были одеты в брюки с красными лампасами, на голове казацкая фуражка с красным околышем. Они снимали фуражку, произносили: «Здравствуйте, Михал Ляксандрыч». Он отвечал им тем же, обменивался несколькими фразами очень уважительного звучания. Люди эти были в основном пожилые. Приятно было наблюдать проявление взаимного уважения между известным во всем мире писателем и простыми крестьянами казачьего Дона. На рыбалке наши беседы продолжались, тем более неважный клев позволял нам сосредоточиться на обсуждаемой теме.

Уже говорилось, что Шолохов всегда был отзывчив, когда к нему обращались с личными просьбами о помощи. Таких просьб больше приходило из Волгоградской (Мария Петровна родом из этой области) и других соседних областей.

Вместе с тем Шолохов никогда не использовал свои хорошие отношения с Брежневым, чтобы обратиться с какой-либо просьбой. А отношения между ними были действительно хорошими, дружескими. Как-то Леонид Ильич рассказывал мне, что во время войны они с Шолоховым под одной шинелью не раз спали.

К Шолохову обращались за помощью и представители творческой интеллигенции. Когда я уже работал в Москве, он бывал у меня в гостях, иногда обращался с записками с просьбами о помощи некоторым писателям в обеспечении жильем или медицинским обслуживанием. Он возмущался, когда видел, как одни получают для жизни все, а другие, порой более талантливые, не имеют даже нормальных жилищных условий.

«Справедливо ли, — пишет Шолохов в одной из записок, — когда такое г... как Евтушенко и Рождественский, имеют все, что им угодно, а такой-то (фамилию не буду называть. — *Авт.*) не имеет даже маленькой комнатухи. А ведь он куда значимее и авторитетнее, чем они».

Некоторые записки, в том числе и названная, у меня сохранились до сего дня.

* * *

У Шолохова было разное отношение к своим коллегам по перу, впрочем, как и к нему. Особенно это было заметно на юбилее, когда отмечали шестидесятилетие Шолохова. Юбилей отмечался 24 мая 1965 года. Торжественное собрание проходило в Москве, в Доме союзов. За несколько дней Михаил Александрович с Марией Пет-

ровной улетели в Москву и разместились в своей московской квартире на Сивцевом Вражке. От обкома в Москву я направил секретаря по идеологической работе Михаила Кузьмича Фоменко и инструктора идеологического отдела, который имел постоянные связи с Шолоховым.

По сложившейся практике на подобные мероприятия приглашают первого секретаря обкома той области, откуда юбиляр. Наступило утро 24 мая, а приглашения мне нет. Вдруг после 12 часов дня раздался звонок по ВЧ-связи, со мной здоровается заведующий отделом культуры ЦК и спрашивает, почему я не в Москве. «А почему, — спрашиваю, — я должен быть в Москве?» — «Как почему? Сегодня состоится торжественное собрание общественности, посвященное шестидесятилетию М.А. Шолохова». — «Но меня на эти торжества не пригласили, — отвечаю я, — а без ведома ЦК выехать не могу». Он энергично сетует на кого-то, что, мол, тут допущена ошибка со стороны двух отделов ЦК, немедленно вылетайте. Отвечаю, что немедленно вылечу, если кто-то из секретарей ЦК даст разрешение и будет рейсовый самолет. Он говорит, что сейчас же договорится с одним из секретарей ЦК. «Собирайтесь, я вам позвоню». Через некоторое время опять звонок по ВЧ. Мне официально сообщают, что я должен присутствовать на торжественном собрании. Около 17 часов я появился в гостинице «Москва». Не успел расположиться, как заходят Шолохов и Фоменко. Михаил Александрович радостно подходит, как всегда при встрече, обнимаемся и целуемся, он по-страшному ругает цековских бюрократов.

Михаил Александрович несколько волнуется. Пешком отправляемся в Дом союзов, благо идти недалеко. В Колонном зале Дома союзов нас приглашают пройти за сцену, где обычно собираются члены президиума. Шолохов сразу попадает в объятия друзей, в том числе иностранцев. Через несколько минут заходим в президиум. Зал, заполненный до отказа, встречает юбиляра громом аплодисментов и вставанием.

Торжественное собрание открыл председатель Союза писателей РСФСР Сергей Владимирович Михалков. Он произнес первую приветственную речь. Затем были зачитаны речи и поздравления от руководства страны, правительства РСФСР, от комсомола и профсоюзов, других организаций и коллективов. Приветствий и поздравлений было столько, что невозможно не только все их прочесть, но и перечислить. Михалков обратился ко всем, кто будет выступать, с просьбой говорить коротко, иначе не смогут выступить все желающие. У меня было подготовлено выступление минут на 5—7 и красиво оформленный текст приветствия от имени Ростовского обкома КПСС и облисполкома. Выступал я одним из первых. Решил не зачитывать текст, а просто сказать теплые слова поздравления от имени земляков Михаила Александровича и добавить, что все остальное изложено в приветственном адресе, который я вручаю юбиляру, и что мы ему еще много сердечных и теплых слов скажем, когда будем чествовать на родине, на Дону. На торжественном собрании выступили представители общественных организаций, творческих союзов, руководители зарубежных делегаций, прибывшие на юбилейные торжества.

Ответное слово Шолохова свелось к тому, что, выйдя из президиума собрания ближе к трибуне, он высказал слова благодарности всем, кто поздравил его здесь лично, кто прислал поздравления и кто пришел на торжественное собрание. Пожелал всем добра и счастья. Завершил словами: «Низкий поклон всем вам!» И поклонился.

После торжественного собрания к Шолохову подходило множество его поклонников. Процедура эта была продолжительной, мы терпеливо ждали конца, чтобы проводить его домой и уточнить распорядок на завтрашний день.

Вернувшись в гостиницу, мы, ростовчане, решили попить чаю и обменяться впечатлениями о торжестве. У ме-

ня лично сложилось впечатление, что настоящей торжественности и теплоты не было. Вместо них много спешки и формализма. Ни в президиуме, ни в зале я не увидел некоторых известных литераторов. Моя попытка выяснить причину их отсутствия не увенчалась успехом.

* * *

В Ростов мы прилетели рейсовым самолетом часов в 5—6 вечера. Когда самолет выруливал на площадку, чтобы высадить прилетевших, мы увидели огромное скопление людей, в середине несколько групп детей, одетых торжественно в белые кофточки и рубашки, в черные брюки и юбочки. Все дети с красными галстуками, кроме самых маленьких. В руках букеты цветов. Только стали выходить из самолета, я увидел людей, бегущих к нам: «Шолохов! Шолохов прилетел!» В одно мгновение мы оказались в кольце. Самые маленькие дети первыми вручили Михаилу Александровичу и Марии Петровне букеты цветов. Они взяли на руки по ребенку, детишки их обняли, и видно было, не хотели от них уходить.

За малышами ринулись в объятия четы Шолоховых пионеры и буквально завалили цветами. Народу вокруг становилось все больше — за детьми стали подходить взрослые, и тоже с цветами, с сердечными и теплыми словами. Встреча около самолета длилась больше часа. Земляки не отпускали Шолоховых, желали им добра и долгих лет.

Михаил Александрович и Мария Петровна не раз прослезились. После такой встречи Шолохов преобразился. С лица исчезли хмурость и задумчивость и следы какого-то беспокойства. Шолохов стал тем Шолоховым, каким бывает всегда: серьезным и ироничным, добрым, улыбающимся и веселым. Приехав в наши родные «Малые формы», он с каким-то особым восторгом говорил о простом народе, о подрастающем поколении. Честно признался, что такой встречи не ожидал.

На следующий день в Драматическом театре им. Горького в Ростове должно было состояться торжественное собрание трудящихся Ростовской области, посвященное 60-летию Михаила Александровича Шолохова. На торжества были приглашены представители соседних областей, краев и автономных республик всего Северного Кавказа. Попросились приехать крупные писатели и деятели культуры из разных концов Советского Союза и зарубежья. Мы всем послали приглашения. После торжественного собрания предполагался большой прием в ростовском Доме Советской Армии.

Мы с Фоменко и Бондаренко поехали в обком продолжать готовиться к торжествам на следующий день. План действий на этот день был оговорен заранее. Но уроки московских торжеств нам надлежит обдумать, чтобы не повторить каких-либо ошибок и упущений. Участвовали во всей этой работе сотрудники областных, городских и районных партийных и советских аппаратов. Работы хватало для всех. Предусматривалось выступление наиболее популярных и любимых артистов, лучших представителей художественной самодеятельности после торжественного собрания и во время приема.

Желающих выступить и поздравить Шолохова с юбилейной датой оказалось значительно больше, чем ожидалось, да и не все могли говорить коротко. Торжественное собрание закончилось около 12 часов ночи. Приглашенные на прием отправились в Дом Советской Армии. Начать прием было поручено мне. Затем с поздравлениями подходили главы прибывших на юбилей в Ростов делегаций, друзья и товарищи юбиляра, его коллеги, земляки, в том числе крестьяне и рабочие.

Приветствия чередовались с выступлениями артистов и художественной самодеятельностью. Самостийно началось исполнение присутствующими любимых Михаилом Александровичем донских казачьих песен. Юбиляр и

сам пел, держался очень бодро, много шутил. Были и лихие донские пляски.

Ближе к концу приема выступил Шолохов. Немалую часть речи он посвятил вопросам литературы, ее развития и направлений. Привел примеры появления ярких, достойных нашего народа произведений прозы и поэзии. «Растет молодое поколение литераторов, которым мы, их старшие товарищи, должны оказывать всестороннюю помощь», — сказал он.

Выступление Михаила Александровича было записано на пленку. Сохранилась ли она до нынешних дней, сказать трудно. Если нет — очень жаль. Прием закончился к трем часам ночи. Некоторые делегации пожелали поехать в Вешенскую. Михаил Александрович остался очень доволен торжествами. Вот это был настоящий праздник, не то что в Москве. Добавил, что днем 24 мая ему звонили близкие друзья и просили помочь им попасть на торжество в Колонный зал. Но он не мог ничего сделать, резервных приглашений ему не дали. «А тебе, — сказал он, — позвонил заведующий отделом культуры только после того, как я через Фоменко поднял шум, где Соломенцев и почему его нет в Москве. Честно скажу, — продолжал он, — у меня промелькнула мысль, что ты сам решил не ехать и отправил Фоменко с Акимом. Но потом я понял, что ошибался. Если бы ты не приехал, я бы учинил большой скандал всем, от кого зависел твой приезд. После того как меня встретили и обласкали в Ростове, Москву и вспоминать не хочется». Стал благодарить, с восхищением сказал о том, какой искренней, до нежности теплой была встреча на родине, начиная с аэропорта и до только что закончившегося приема: «Большое спасибо всем вам от меня, от моей жены и детей. Они счастливы вместе со мной».

27 мая Михаил Александрович утром вылетел в Вешенскую. Вместе с ним полетели секретарь обкома Фоменко, заместитель председателя облисполкома и инст-

руктор обкома партии, чтобы присутствовать при чествовании Шолохова в родной станице. Я был уверен, что в Вешенской состоится замечательная встреча Михаила Александровича со своими земляками.

Так оно и случилось. Как рассказал Фоменко, торжества были организованы блестяще. На них было много простых крестьян, казаков и казачек, нарядившихся под героев шолоховских произведений.

Позже мне стало известно, что Михаил Александрович очень был доволен, как его чествовали на Дону. Говорил он об этом с большой гордостью за своих земляков, за их теплое отношение.

Часть 3

ПАРТИЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА. ПОДБОР КАДРОВ

Вскоре после начала работы в обкоме партии, особенно после областной партийной конференции, на мое имя стало поступать гораздо больше писем, заявлений и жалоб, чем прежде. Писали в надежде, что новое руководство поможет. Случалось, меня «ловили» у входа в обком. Поскольку я ходил на работу пешком и почти в одно и то же время, некоторые жалобщики надеялись у входа в обком решить свои вопросы.

Однажды подхожу к обкому и вижу — стоят несколько женщин и два мужичка. Я поздоровался, они хором просят их выслушать. Я объяснил им, что улица не место для рассмотрения жалоб, приходите в приемный день (назвал день и часы приема), и мы рассмотрим ваш вопрос. На этом, не сразу, правда, закончился разговор. В последующие дни было еще несколько таких встреч у дверей обкома. Потом эти люди приходили ко мне на прием. Я поручал работникам обкома и облисполкома внимательно разобраться с их жалобами и результаты доложить лично мне. Из четырех заявлений только одно было необоснованным. По одному жалобы справедливы частично. В очередной приемный день я пригласил авторов этих заявлений и сказал им, в чем они правы и в чем не правы, а также о том, что руководителям их организаций даны указания немедленно отменить несправедливые решения и доложить обкому партии. Я был поражен, с каким востор-

гом и радостью они встретили мое сообщение. Даже тот, кому было сказано, что он несправедливо жалуется, спокойно согласился, что он, значит, ошибся.

О чем говорят эти примеры? О том, что до сих пор к рассмотрению писем, заявлений и жалоб относились формально, отделяясь бюрократическими отписками, а проверяющие не следили за добросовестным исполнением своих поручений.

Пришлось собрать руководителей обкома и облисполкома, заведующих отделами и серьезно поговорить о фактах формализма в работе с письмами, заявлениями и жалобами. Договорились начать самую решительную борьбу со всеми проявлениями невнимания к людям.

Наши решения сразу же стали известны всем, и поток писем, различных заявлений и жалоб возрос. Появились письма о злоупотреблениях властью, о нарушении партийной и государственной дисциплины, приписках в отчетности, об аморальных поступках отдельных руководящих работников.

Приведу только один пример. В начале уборки урожая 1965 года поступило письмо за несколькими подписями, что по указанию первого секретаря райкома органы статуправления района сделали в отчетности значительную приписку к количеству скошенной в валки пшеницы. Мне доложили содержание этого письма. Сначала я не поверил, подумал, что это клевета. Я не видел смысла в такой приписке. Но учитывая, что идет речь о секретаре райкома партии, решил организовать проверку.

К моему большому огорчению, факт подтвердился. В тот же день я вызвал к себе этого секретаря. Он знал результаты проверки, находился в угнетенном состоянии. На мой вопрос, что его на этот проступок толкнуло, ответа не дал. Сразу стал просить прощения и говорить, что его подвели. В заключение я ему сказал, что мы завтра же соберем внеочередное заседание бюро обкома. На нем он должен объяснить свой проступок.

Назначили внеочередное заседание бюро на следующий день. Перед ним решил поговорить с теми, кто хорошо знает этого человека. Выяснилось, что он злоупотребляет служебным положением, окружил себя подхалимами, увлекается употреблением спиртного. Угодливо ведет себя по отношению к председателям колхозов, имеющим звание Героев Социалистического Труда. Прямо скажем, убийственная характеристика для секретаря райкома партии.

На состоявшемся заседании бюро обкома он продолжал вести себя неискренне, утверждать, что его кто-то подвел.

Обсуждение было активным, требовательным. Выступили все члены бюро, говорили не только об имевшей место приписке к отчетности, но и о других фактах недостойного поведения секретаря райкома, в частности об отсутствии коллегиальности в райкоме, о том, что первый секретарь райкома многие принципиальные вопросы решает единолично, без обсуждения на бюро, в том числе и кадровые вопросы. Приняли постановление:

1. За грубейшее нарушение партийной и государственной дисциплины, выразившееся в даче указания увеличить в очередной отчетности площадь скошенного в валки урожая зерновых культур, первому секретарю райкома партии объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку.

2. Считать невозможным дальнейшее пребывание первого секретаря райкома партии на занимаемом посту. Поручить райкому партии рассмотреть этот вопрос.

* * *

Далее, уже только в составе бюро обкома, я предложил на следующий же день собрать пленум райкома партии, на котором кто-нибудь из состава бюро доложит о

принятом решении. Все согласились — нельзя ни на один день оставлять район без руководства. Ну а кому поручим на пленуме райкома партии докладывать наше решение? Мертвая тишина. Что же оставалось делать? Называть фамилии. При этом я должен считаться с тем, что не каждому можно давать такое поручение. Ну, например, второму секретарю обкома — он коренной ростовчанин, работал все время первым секретарем горкома партии, в области его мало знают. По тем же причинам не направишь и только что избранного нового секретаря горкома. В таком случае целесообразно поехать кому-то из числа работавших в прежнем сельском обкоме партии. Назвал всех, кому, считал, можно было дать это поручение, и по существу все отказались под разными предложениями.

Кто-то произнес: «Михаил Сергеевич, это должны сделать вы». Наступила пауза. После короткого раздумья я сказал, что докладывать, а главное, отстаивать наше решение мне сложнее, чем многим из них, так как человек я здесь новый, область в достаточной мере не изучил, но поручение бюро постараюсь выполнить.

Пленум райкома был назначен на вторую половину дня. Я приехал туда в середине дня. Состоялась обстоятельная беседа со вторым секретарем райкома. Было ясно, что ведет он себя неискренне, как позже мне стало известно, с решением бюро обкома партии он был не согласен, но вслух этого не говорил. С нынешним первым он в дружеских отношениях. Если первый останется, то и за ним сохранится пост второго секретаря. Придет новый человек — он может потерять свое кресло.

Беседовал я с председателем райисполкома. Он настроен получше. Сказал, что надо кончать с беспринципностью, вседозволенностью и холуйством. Побеседовал я со всеми членами бюро райкома и понял, что пленум будет проходить сложно, мне будет нелегко убедить членов пленума поддержать решение обкома освободить от работы первого секретаря.

На пленуме я коротко изложил суть, зачитал постановление бюро обкома партии. Дал принципиальную оценку первому секретарю. Призвал членов райкома проявить зрелость, невзирая ни на какие личностные отношения, и поддержать решение бюро обкома партии.

Выступления начались вяло, без четких позиций. Все говорили, что первый секретарь райкома допустил грубый проступок, но это не оправдывает и тех, кто давал отчетность с мест, непосредственно обобщал итоговые показатели. Они, дескать, и должны нести ответственность. Говорили о положительных сторонах в работе райкома, это, мол, тоже надо учитывать. Большинство выступлений было в таком же успокаивающем тоне.

Во время перерыва я попросил пригласить в кабинет первого секретаря всех членов бюро райкома. Я им сказал, что обсуждение такого острого вопроса началось вяло. Члены бюро райкома, секретари первичных партийных организаций продолжали отмалчиваться. Я вынужден был сказать, что бюро обкома партии при принятии решения учитывало и другие неблагоприятные поступки первого секретаря. Ему об этом было сказано на бюро, но в постановление эти факты не включили. Если партийный актив не будет строг к своим руководителям, кто же будет воспитывать кадры в духе строжайшего соблюдения партийной и государственной дисциплины, морали и нравственности?

После перерыва я попросил слово для заявления по ходу первых выступлений и высказал то, что перед этим сообщил членам бюро и секретарям партийных организаций.

Первым выступил председатель партийной комиссии, он не член бюро и довольно остро раскритиковал выступавших перед ним, усмотрев в их выступлениях попытку уберечь своего опекуна — так назвал он первого секретаря райкома — от ответственности. Он сказал, что в районе немало фактов грубого нарушения партийной

и государственной дисциплины. А разве не известно некоторым здесь присутствующим о гулянках и попойках на берегу Азовского моря с участием первого секретаря райкома? Почему мы об этом молчим?

Последующие выступления были в том же духе. Выступили некоторые члены бюро райкома, секретари парторганизаций, председатели колхозов, в том числе и Герои Социалистического Труда. По своей принципиальности и накалу выступления были разными, но почти все, а выступило около 20 человек, поддержали бюро обкома.

Решением абсолютного большинства членов райкома первый секретарь был освобожден от работы. Только два-три человека воздержались.

* * *

Обобщая ставшие известными случаи нарушения партийной и государственной дисциплины, аморального и безнравственного поведения отдельных руководящих работников, мы пришли к выводу, что главная причина — в недостатках подбора и воспитания кадров. Возникла мысль провести пленум областного комитета партии с повесткой дня: «О состоянии подбора и воспитания руководящих кадров». В связи с этим все члены бюро обкома приняли самое активное участие в проведении отчетно-выборных собраний и конференций.

Каждый из нас побывал не на одном собрании в первичках и не на одной конференции. Мы не только присутствовали, но и выступали, за несколько дней до них бывали в коллективах. Состав вновь избранных руководителей парторганизаций, партийных комитетов всех уровней заметно изменился в лучшую сторону. К руководству пришло много молодых людей, имеющих высшее образование и опыт работы в производстве, в научно-исследовательских и управленческих структурах. Больше всего

сменилось секретарей первичных парторганизаций, особенно на селе. Были случаи, когда рекомендуемые вышестоящими партийными комитетами на руководящую работу люди были отвергнуты коммунистами, в том числе и во время тайного голосования. Значит, «протолкнуть» недостойного стало практически невозможно!

Я знаю примеры, когда в списке для тайного голосования оставалось столько кандидатур, сколько требуется избрать. Но избрали не всех, против некоторых голосовало больше половины присутствующих. При проверке оказывалось, что коммунисты не избрали случайных людей. Их, как выяснялось, кто-то продвигал, проталкивал в руководство. Следовательно, коммунисты в большинстве своем вполне способны определиться, за кого голосовать, а за кого нет.

Следует сказать, что за долгие годы работы я пришел к твердому убеждению, что выборами необходимо управлять и руководить, самотек тут просто нетерпим. Тут нет никакого нарушения демократии. Каждая партия и организация, каждое движение, как правило, имеют свою программу, свой устав или другие документы, определяющие задачи партии или организации, права и обязанности ее членов. Каждый член партии или организации должен честно и строго соблюдать их и проводить в жизнь. Если кто-то не исполняет эти требования, он должен или по своей инициативе, или по решению своей организации оставить ее ряды.

Думаю, выборы делегатов на XXVII, последний съезд КПСС и в Верховный Совет СССР и РСФСР были проведены в условиях уже наступающего хаоса, разгула национализма и разрушителя основ государственности Советского Союза — суверенизации. К чему это привело, мы теперь видим — к развалу нашей Великой Державы — Советского Союза, с ее уникальной, впервые в мире созданной социально-политической системой, не имеющей

аналогов по социальной защищенности народа. Разрушена более чем 19-миллионная партия коммунистов. К власти прорвались не только националисты и карьеристы, но и авантюристы, предатели своей партии, своего народа, а порой просто жулики и бандиты. Большинство народа бедствует, а маленькая кучка мерзавцев, обворовавшая народ и государство, жирует. Такого развала и уничтожения великой страны еще не знала история. К величайшему сожалению, в числе главных разрушителей в России и других странах СНГ стоят бывшие партийные руководители, в том числе первые секретари ЦК компартий. Это и есть результат грубейших ошибок в подборе и воспитании кадров.

Нельзя превращать народ в солдафонов и командовать им. Население нашей страны было самым образованным в мире. Партия воспитывала свои кадры в духе самого уважительного отношения к человеку, даже если он в чем-то ошибся, в чем-то оступился. Так называемая «демократия» сделала ставку не на переговоры и убеждения, а на милицейские дубинки и автоматы, а то и танки. Кто мог поверить, что нас ожидает расстрел Дома Советов (Белого дома), в котором собрались не преступники, а представители высшей законодательной власти — депутаты Верховного Совета России. Между ними и президентом возникли разногласия. Президенту следовало не путем телефонных разговоров и записок улаживать конфликт, а сесть в машину и «бегом» к депутатам, их там 1200 человек!

Он этого не сделал. Почему? Он был не способен на полемику. Его стиль — угроза, команда, удар кулаком по столу. Удивление вызывает то, что Патриарх всея Руси Алексей II, который взял на себя функции примирителя, тоже не удосужился поехать к депутатам, а послал вместо себя третьестепенных чиновников патриархии. Почему он так себя вел? Разве не могли они вдвоем с президентом приехать в Белый дом? Не решились.

Во всех развитых странах, сложившихся политических партиях и движениях большое внимание уделяется кадровой политике. В этом я убедился после целого ряда встреч и бесед с лидерами, первыми лицами различных государств и партий. Лидеров этих государств и партий не менее интересовала и практика подбора и расстановки кадров в СССР.

В ФРГ меня дотошно расспрашивал об этом Вилли Брандт, крупный государственный и партийный деятель. Беседа состоялась спустя некоторое время после того, как он не был избран канцлером ФРГ на второй срок и вернулся на пост председателя Социал-демократической партии.

Проявил к нашей кадровой политике интерес и канцлер ФРГ Шмидт. Он особо обратил внимание на тот факт, что наши руководящие работники хорошо подготовлены как в вопросах политики, так и экономики.

Работая директором завода, я тоже имел номенклатуру наиболее способных и достойных инженерно-технических работников для выдвижения, например, на должности начальников цехов, отделов заводоуправления и их заместителей. Знаю хорошо, что номенклатурные списки были в отделе кадров главка, в Управлении кадров министерства.

Всем было известно, что номенклатура — резерв имелся в партийных комитетах всех уровней. Закономерно, что работники кадровых подразделений изучали работу включенных в номенклатуру обычными способами, принятыми в стране. Они обязаны были иметь о них строго объективное и всестороннее мнение.

Это вовсе не значит, что человек может быть выдвинут на более ответственную работу только из номенкла-

турных списков. Спрашивается: что плохого в том, что какой-то руководящий орган имеет номенклатуру? В том числе и партноменклатуру? У меня сложилось твердое убеждение, что номенклатура, если с ней хорошо работать, позволяет допускать меньше ошибок при подборе руководителей всех уровней.

На вопросе о партийной номенклатуре я остановился не случайно. Дело в том, что и в те времена, когда Коммунистическая партия была руководящей силой общества, в адрес отдельных руководящих работников слышались упреки за поведение в работе, в быту. Такие случаи имели место. Но это только отдельные случаи, они не могут быть основанием для обвинения всего большого отряда коммунистов, работавших на руководящих постах не только в партии, а во всех структурах государства, общества.

Нынешние же руководители, объявившие себя «демократами», допускают такие злоупотребления властью, о которых раньше и подумать было невозможно. И все им сходит с рук.

Часть 4

РАЗГОВОР С БРЕЖНЕВЫМ. КАК РАБОТАЛ ЦК КПСС

Примерно в середине сентября 1966 года начальник УКГБ области Тупченко доложил, что на днях через станцию Ростов должен проходить специальный поезд, следуя в Сочи. Это означало, что в поезде будет кто-то из самых высокопоставленных руководителей страны. В этот же день мне позвонил главный помощник Л.И. Брежнева и сказал, что на днях Леонид Ильич пойдет в отпуск, он решил провести его в Сочи, так как в Крыму уже прохладно. Сказал, что точно о времени прибытия в Ростов он сообщит. Дня через два или три снова позвонил помощник Леонида Ильича и сообщил время прибытия поезда в Ростов. Стоянка — десять минут; он предупредил, чтобы я встречал его один. Такова просьба Брежнева.

Из вагона Леонид Ильич вышел бодро и предложил, пока стоит поезд, погулять по перрону. Поинтересовался, как дела в Новочеркасске. Спросил и о Шолохове. Я сказал ему, что обстановка в области, в том числе в Новочеркасске, спокойная. Шолохов себя чувствует хорошо, уехал на охоту и рыбалку в Волгоградскую и Астраханскую области. Докладил, что хороший урожай позволил серьезно улучшить положение дел в животноводстве. В торговле бесперебойно есть все виды молочной продукции. В достатке мясо, овощи, фрукты, рыба. Жалоб на снабжение сейчас не слышно. Несколько настораживающая информация пришла из Новочеркасска: есть якобы отдельные

высказывания о необходимости освободить из заключения лиц, осужденных в 1962 году за нарушение правопорядка. Информация эта сейчас проверяется.

На селе завершается уборка поздних культур, закладываются все необходимые условия для урожая 1967 года. Селяне готовятся к зимовке скота. Кормов в достатке, и их продолжают накапливать.

Леонид Ильич поделился некоторыми очень важными решениями, принятыми Политбюро. В конце сказал, что сейчас подбирают кандидатуру заведующего Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС. Этим отделом руководил покойный А.П. Рудаков. Рассматривается моя кандидатура.

Меня, как кипятком, обожгла эта фраза. Я сразу же ответил, что не подхожу на эту должность. По образованию и практическому опыту работы я — инженер-механик. Опять же, не прошло и двух лет, как я здесь, в Ростове, работаю, нельзя же менять секретарей обкомов, как перчатки. К тому же я не люблю конторскую работу. «Убедительно прошу вас, Леонид Ильич, — сказал я, — не рассматривать мою кандидатуру на эту должность. Дайте мне возможность и дальше работать в Ростовской области. Я полюбил ее».

Брежнев пожал мне руку и говорит: «Спасибо за самую свежую информацию. Пора отправляться в путь». Пожелал и впредь получать высокие урожаи и успехов во всех делах. Сел в вагон, и поезд сразу тронулся. Он долго стоял в тамбуре и помахивал рукой.

Слова Брежнева по поводу моей дальнейшей работы настолько расстроили меня, что я решил поехать не домой и не в обком, а в пригородный Мясниковский район, посмотреть, что делается на полях, хотя дело и шло к вечеру. Решил заглянуть на центральную усадьбу одного из колхозов, посмотреть еще раз, как они обустривают свое село прекрасным кирпичом, изготовленным собственными силами. Обжигали они его не в печах — таковых у них нет, —

а наземным способом. Хотелось посмотреть и на донские степные просторы, заглушить нахлынувшую тоску.

Я пытался утешить себя тем, что это всего лишь предварительный разговор, прощупывание моего отношения к возможному предложению, что доводы, которыми я убеждал Брежнева, возымеют действие и он откажется от высказанной идеи. Ни жене, ни сыну не сказал о намерении Леонида Ильича перетащить меня в Москву. Ничего не сказал и товарищам по работе. С утра следующего дня я опять окунулся в привычные дела секретаря обкома.

* * *

Сразу после ноябрьских праздников мне позвонил один из помощников Леонида Ильича и передал, что Брежнев просит приехать в Москву на беседу. Назвал день и даже час, когда я должен быть у него. На вопрос, о чем будет беседа, ответил, что не ведает. Я понял, что речь опять пойдет о переходе на работу в ЦК КПСС. Настроение — хуже губернаторского. Но что поделаешь? Жаловаться уже некому. Вызывает САМ!

В назначенный день и час Брежнев меня принял. Привычно расспросил об обстановке в области. Я понимал, что это стандартный разговор. Коротко ответил, подчеркнув, что 1966 год — удачный для области, ибо хороший урожай во многом определяет и социально-общественную обстановку.

Задав мне несколько вопросов по ходу, Леонид Ильич сказал: «Политбюро рассматривало предложения по кандидатуре заведующего Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС. Единогласно выбор пал на тебя. Это и послужило причиной вызова в ЦК. О чем я тебе и сообщаю. Кого, по-твоему, можно рекомендовать на пост первого секретаря вместо тебя и когда целесообразно провести пленум обкома?» Не ответив на вопрос, я стал просить

и убеждать Леонида Ильича не брать меня для работы в ЦК. Произнес даже такую фразу: «Леонид Ильич! Оставьте меня работать в этой области. Я на пузе уползу в Ростов из Москвы, если вы согласитесь с моей просьбой».

Вот тут я узнал характер Генсека. Брежнев был неумолим. Еще раз твердо повторил: «Есть решение Политбюро. Его надо выполнять».

Поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, я ответил, что на роль первого секретаря можно смело рекомендовать В.Ф. Мазовку, второго секретаря обкома, или И.А. Бондаренко, председателя облисполкома. Дал обоим положительную характеристику. Добавил, что Мазовка горожанин, он старше Бондаренко. Последний — селянин, агроном, он молодой, 40 лет. Запас прочности большой. Пленум можно провести примерно в середине ноября. Брежнев подумал, затем сказал, что о кандидатуре еще поговорим, а с датой проведения пленума он согласен.

Далее шел разговор о перспективных и неотложных задачах по развитию отраслей тяжелой промышленности, которые необходимо решать сегодня.

Главное внимание — большим планам по увеличению добычи нефти и газа, особенно в Сибири, в Тюменской области.

Поговорили мы и о путях развития черной металлургии. Леонид Ильич по образованию инженер-металлург и первые трудовые шаги по своей специальности делал на одном из металлургических заводов Днепропетровской области.

Леонид Ильич сказал, что будет всячески поддерживать меры по внедрению в производство последних, наиболее эффективных достижений науки и техники. Он вспомнил свой родной Днепродзержинск, согласился, что завод действительно очень старый и требует внимания, в первую очередь со стороны Министерства черной металлургии.

Пожелал мне успехов и обещал полную поддержку всем полезным инициативам и начинаниям. В этот же день вечером я вернулся в Ростов.

Дня через два или три я получил выписку из протокола заседания Политбюро об утверждении меня заведующим Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС. После чего собрал членов бюро обкома партии и зачитал это решение. Все очень удивились. Каждый, кто высказывал свое отношение к решению Политбюро, говорил, что нельзя так часто менять первого секретаря обкома, как у нас.

По-человечески настроение коллег мне было понятно. Я честно сказал на бюро, что настойчиво просил Брежнева не делать этого шага, но с моим мнением не посчитались.

Вместе пообедали. За столом начатый на заседании бюро обкома разговор продолжился. Он был нужен. Наверное, каждый невольно думал о своей судьбе. Из практики, из жизни все знают, как часто новые руководители подбирают себе и новую команду. Пусть не всех меняют, но психологическое переживание возникает у каждого. Кто придет?

Какой у него характер? Как он будет относиться к своим подчиненным? Обязательно строятся догадки. Не безразличны смены руководства и для всей партийной организации, и для населения области.

* * *

Говорят, два переезда равны одному пожару. Сколько же раз я горел? Любой человек, работая в коллективе, а тем более на руководящей работе, привыкает к людям и традициям коллектива, вживается в новые обстоятельства. И вдруг новое назначение! Все нити рвутся, и ты должен начинать жизнь как бы сначала.

Предстоит освоить новый участок работы, вписаться в новый коллектив, решить семейные проблемы, а они воз-

никают всегда: устройство на работу работающих членов семьи, в большинстве случаев жены, устроить на учебу детей. Все это происходит не так-то просто, с переживаниями всех членов семьи. У меня жена — инженер полиграфического машиностроения. Но такое производство есть только в Ленинграде и Рыбинске (Ярославская область), а в тех городах, где мы работали и жили, такого производства не было. Пришлось приобретать знания инженера-конструктора по режущему и мерительному инструменту. А затем осваивать профессию преподавателя вуза. Достается все это очень нелегко. Каких-либо поощрений за все эти дополнительные жизненные нагрузки и перегрузки не положено. Наше поколение при назначениях на новую работу о зарплате и поощрениях речи не вело. Стыдились. Теперь при назначении на работу, в том числе и на руководящую, люди требуют высокую зарплату.

Рассуждая объективно, надо признать, что каждое из этих перемещений было повышением в должности, в общественном положении. Прекрасно сознавал я и огромное доверие, которое мне оказывалось. Доверие и было главным поощрением, главным условием, чтобы полностью отдаваться новой работе. Выше такого доверия я не знаю награды. Так я поступал всю свою жизнь.

Все должности, которые я занимал, были интересны тем, что в них было что-то новое для меня, что необходимо изучать, осваивать, чтобы успешно справляться с работой, не выглядеть профаном. Каждое назначение заставляло учиться, осваивать новые инженерные профессии, экономику, финансы, политику, историю, быть всегда в курсе текущих событий. Изучать не по каким-то статьям, а с учебниками и другими пособиями в руках, учиться без отрыва от работы, писать рефераты, выступать с докладами на самые разные темы, диктуемые жизнью.

Иначе не могло быть. Раньше, когда работал, и теперь, когда, как принято говорить, нахожусь на заслуженном от-

дыхе, я не могу обходиться без газет и журналов. Люблю читать не бульварщину, а серьезные статьи. К сожалению, ныне почти все средства массовой информации захлестнули пошлость, похабщина, любимая тема сегодняшней прессы — садизм и убийства, погромы. Дикторы многих каналов и программ телевидения, даже информационного характера, больше уделяют внимания криминальным событиям, чем важнейшим внутренним и международным событиям. Приглашенным на передачу не дают возможности изложить свою позицию или стараются интерпретировать сказанное на свой лад, как заказал хозяин. В результате люди не получают достоверной информации.

Средства массовой информации должны быть по-настоящему независимыми. Таких сейчас нет. Теперь ни одна тема, озвучиваемая телевидением, в значительной степени и радио, не обходится без того, чтобы не выплеснуть на социализм, на коммунистов ушаты клеветы, всевозможных домыслов и искажений.

Вызывает раздражение и у многих телезрителей языковая безграмотность как ведущих, так и корреспондентов телеканалов, увлечение иностранными словами и вообще всем иностранным. Это немудрено. Опытные кадры советского периода разогнаны, а нынешняя молодежь только еще осваивает профессию.

* * *

...21 октября 1966 года начался первый день моей работы в верхних эшелонах партии и государства. Рабочее место мне подготовили в 9-м подъезде, в одном из зданий на улице Куйбышева, где работал мой предшественник.

Весь день ушел на знакомство с заместителями заведующего Отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС, но перед этим я позвонил Л.И. Брежневу и М.А. Суслову — доложил, что я приступил к работе.

Затем началась полоса встреч с руководящими работниками министерств и ведомств, чтобы определить наиболее важные направления развития каждой отрасли и проблемы, которые предстоит решать. Началось привыкание к практике работы такого важного органа страны, как ЦК КПСС. Следовало познакомиться с теми членами и кандидатами в члены Политбюро, секретарями ЦК, которых до этого не знал. Наиболее волнующими для меня стали посещения заседаний руководства ЦК КПСС.

Первым таким заседанием был Секретариат ЦК. Вел его М.А. Суслов. Его считали вторым лицом в партии. Когда отсутствовал Брежнев, Политбюро вел он.

На заседаниях Секретариата рассматривались главным образом оперативные вопросы, утверждались кадры, входящие в номенклатуру Секретариата, заслушивались отчеты руководителей партийных, советских и других органов управления.

Секретариат заседал один раз в неделю. На заседание приглашались заведующие отделами ЦК, а также и другие в зависимости от рассматриваемых вопросов. Длинных речей не полагалось. Подготовленные проекты постановлений, как правило, после обсуждения дорабатывались. Суслов вел заседание Секретариата спокойно, демократично, стараясь укладываться в регламент. Если по какой-либо причине Суслов отсутствовал, Секретариат вел Кириленко. Руководить заседанием Секретариата ему было трудно. Не хватало эрудиции, умения правильно высказать мысль, тактично проявить требовательность. Очень неприятное впечатление на всех присутствующих, весьма образованных и опытных людей, производило его косноязычие, с возрастом усугублявшееся. Последнее заседание, которое он вел, привело всех в шоковое состояние. Это было уже не косноязычие, а потеря памяти. Вскоре после этого Кириленко перевели на пенсию. Брежнев редко руководил заседанием Секретариата.

...Видимо, каждый человек, приходя на новое место, переживает период некой зажатости. Мне не раз приходилось менять место работы, казалось, должен уже привыкнуть и спокойно переносить любые перемещения. Однако каждый раз в случае перемены места работы меня обуревали те же чувства.

Всего труднее, когда изменения происходят неожиданно. Не успел я толком освоиться, как на Пленуме меня избирают секретарем ЦК КПСС, сохраняя пост заведующего тем же отделом. Я, конечно, мог предполагать, что такое возможно, учитывая положение своего предшественника, но никак не через три недели!

Конкретная работа осталась той же. Но поскольку я стал секретарем ЦК, сразу резко возросло количество дел и ответственность. Теперь я принимал участие в заседаниях Политбюро, должен был выполнять поручения, в том числе связанные с международным коммунистическим движением, с внешней политикой государства.

Возрос объем работы и за счет подготовки к заседаниям Политбюро, на которых почти всегда присутствовали все секретари ЦК, за исключением закрытых заседаний. О них я тогда и не подозревал. Немало решений принималось Политбюро путем опроса, о которых можно было узнать, если они рассылались секретарям ЦК или по выпискам из решений.

Пост секретаря ЦК увеличивал возможности по решению проблем, связанных с развитием базовых отраслей экономики, которые курировал наш отдел: производство черных и цветных металлов, добыча нефти, газа, угля, геологоразведка. После Пленума, дня через 3—4, меня пригласил Л.И. Брежнев. Разговор пошел о практике работы секретарей ЦК и Секретариата. Леонид Ильич обратил внимание на темпы роста производства черных и цветных металлов, добычи нефти и газа. Развитию этих отраслей в то время придавалось особое значение.

Остро стоял вопрос об увеличении добычи редких металлов, особенно для производства высококачественных легированных сталей. Потребность в них увеличивалась из года в год, и не только для оборонной техники. Возрастали потребности в высококачественной продукции гражданского назначения.

В нефтегазовой промышленности старые месторождения иссякали, добыча на них снижалась, скважины замирали. На некоторых месторождениях добыча достигла предела, как, например, в Татарии — 102 млн. тонн в год. Здесь увеличить добычу можно только за счет большей отдачи пласта. Но как это сделать? Наши ученые пока только подступались к таким опытам. В других странах мира эта проблема тоже не была решена.

* * *

Позволю себе немного отвлечься от последовательного изложения событий, чтобы кратко рассказать о своей жизни в Москве в бытовом плане. Через несколько дней после начала работы позвонили из Управления делами и сообщили, что мне выделена дача в поселке Успенское. Поблагодарив, я задумался: а зачем она мне? Пока без семьи. Что я буду там делать, где питаться?

Поговорил с товарищами по работе. Они советовали не отказываться. После работы отправился на дачу. Шофер прекрасно знал, как туда ехать. Он сказал, что поселок благоустроенный — можно купить продукты, есть столовая и буфет, клуб.

Встретила меня сестра-хозяйка, познакомились. Осмотрели дом. На даче две спальни, столовая и рабочий кабинет. В кабинете письменный стол и полки с книгами. Дача небольшая, скромно оборудованная.

Посидел в кресле и решил лечь спать. Утром пошел завтракать, руководствуясь наставлениями сестры-хозяйки. Буфет отыскал не сразу. Решил погулять по по-

селку. Нашел клуб. Все дачи примерно одного типа, одного проекта, но с небольшими различиями. Внешний вид скромненький, выглядят темно-серыми, унылыми. Дом культуры небольшой. В нем показывают кинофильмы, бывают концерты московских артистов, читают различные лекции, имеется спортзал, библиотека. В тот день вечером шел какой-то художественный фильм. Обедать ходил в столовую, встретил много знакомых, досыта по-деревенски наговорился, услышал много всяких баек, домыслов и прогнозов по самым разным вопросам.

Вечером пошел в кино. Картина не понравилась, и я вернулся на дачу. Посмотрел телевизор и начал жалеть, что просил прислать машину в воскресенье к 17.00. Надо бы уехать раньше. Вернулся в город вечером. Этим эпизодом моя жизнь на даче в Успенском началась и закончилась. Больше я там не бывал.

После декабрьского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС мне позвонил начальник Четвертого главного управления КГБ в звании генерал-майора. Условились встретиться после шести вечера. Генерал поздравил меня с избранием секретарем ЦК и сказал, что теперь будет решать мои вопросы по обслуживанию. Конкретно повел разговор о даче. Извинился, что в настоящее время не занята только одна, в которой проживал с женой и двумя сыновьями мой предшественник А. Рудаков. Дача маленькая и ветхая. Санитарный надзор и строители признали ее непригодной. Она подлежит сносу, но мне предложили ее посмотреть, что меня удивило. Как можно предлагать дачу, если в ней жить запрещено?!

Сразу отказаться было все же неудобно. Договорились о смотрах в следующей выходной.

Дача действительно маленькая и ветхая, но наружных разрушений нет. Внутри сильно пахнет плесенью. Спросил начальника управления, нет ли опасности обрушения перекрытий. Он ответил, что явных трещин нет, но

гарантий никто не даст. Подумал и согласился занять эту дачу на непродолжительный период.

Примерно недели через две он сообщил мне, что дача подготовлена и я могу ею пользоваться, подчеркнув еще раз, что это временное решение.

На дачу я переехал, несмотря на ее ветхость. Привлекло то, что она расположена совсем недалеко от Москвы, перед въездом в Барвиху. Водитель сказал, что доехать туда можно за 18 минут. Напротив были еще две дачи — министра стройматериалов Союза и министра лесопромышленности, а дальше по реке — дача министра приборостроения. Тоже ветхие, выглядят серо и бедно. На территории дач, как и на той, что досталась мне, нет даже настоящего благоустройства. Зато есть садик, около десятка старых яблонь неведомого сорта, три куста шиповника и несколько стелющихся вишен. Вдоль прогулочных дорожек бушуют крапива, осот и полынь. На берегу реки маленький помост с раздевалкой. Расстояние до него небольшое. Берег очень красивый, раньше это были заливные луга. Здесь заготавливали сено.

В выходные дни в летнее время полно народу. Как правило, приезжают семьями. Купаться здесь было приятно. Плавал на противоположный берег. Река в этих местах широкая, полноводная, так как подпирается Рублевским водохранилищем.

* * *

Жена и сын приехали из Ростова, когда начались летние каникулы в вузах. Они работали преподавателями в Институте сельскохозяйственного машиностроения. Жена — старший преподаватель. Сын Юра занимал должность доцента. Он уже был кандидатом технических наук. Защищал кандидатскую в Московском станкоинструментальном институте, где писал и дипломный проект, а защищал его в Челябинском политехническом. В «Станкин»

его приняли ассистентом, так как вакантной должности доцента не было. Поселились все вместе с нами на даче, так как квартиру мне еще не подобрали.

Сын Юра, работая в «Станкине», защитил докторскую. В октябре этого же года его назначили ректором института. Получил звание профессора, был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, награжден несколькими орденами, удостоен Ленинской и двух Государственных премий. Мне приятно, как отцу, отметить его энергичную научную, организаторскую и общественную деятельность. Говорю это совершенно объективно...

В настоящее время работать в вузах сложно. В области образования ведутся такие реформы, которые лишат многих возможности получить высшее образование, а качество его в вузах, работающих на коммерческой основе, упадет ниже всякой отметки.

Весь мир признавал, что наша страна имеет лучшую систему высшего образования. Особенно технической направленности. Не случайно наши специалисты, уезжающие из-за отсутствия работы на Запад, устраиваются там безо всяких трудностей. В том числе специалисты в области биологии, атомной энергетики, космоса, радиоэлектроники, математики, физики и всего оборонного комплекса.

Понимаю, что неуместно доказывать очевидную истину: имеет будущее тот народ, то государство, которое строит свою экономику, развивает промышленность на базе самых высоких достижений научно-технического прогресса, уделяет первостепенное значение развитию фундаментальной науки. Зачем же было разваливать признанную всем миром систему подготовки кадров? Это неминуемо ведет к развалу экономики страны.

По подсчетам западных специалистов, Россия вследствие оттока за рубеж лучших специалистов потеряла свыше 600 млрд. долларов. Продолжается разрушение научных организаций. За годы реформ их количество сократилось на 70%. Сейчас их меньше, чем было в 1940 году!

Очевидно, что недодавшие системе образования, медицине и науке деньги потрачены на многочисленные поездки президента, оборудование роскошных резиденций и их содержание. Я работал на руководящей работе при Сталине, Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко. И никто из них не позволял себе таких привилегий, которыми обладает нынешнее президентское окружение.

Для людей из этого окружения настроили особняков по правому берегу Москвы-реки, от Барвихи почти до Рублевской плотины. К чему это привело? Красивейшие места, где так любили отдыхать москвичи, теперь закрыты. Зачем? Свободные дачи имелись. К чему строить новые дачи, если все, кому положено, их имели? Старенькие и ветхие? Отремонтируйте или постройте новые, но на тех же местах.

* * *

Возвращаюсь к рассказу о своей работе в ЦК КПСС. Эта работа, решение многих вопросов, связанных с развитием тех или других отраслей, требовали изучения положения дел не только по бумагам и статотчетам, но и непосредственно на предприятиях. Это касается не только партийных и советских работников, но в большей степени работников соответствующих министерств и ведомств. За без малого пятилетний период работы секретарем ЦК я посетил по существу все регионы Союза, все предприятия горнодобывающей, угольной промышленности, черной и цветной металлургии, нефтедобывающей и газодобывающей промышленности. Ознакомился с работой крупных геолого-разведочных партий, ведущих разведку на наиболее перспективных участках. Приезд в регион — это не отсидка в кабинетах, а непрерывное общение со специалистами и рабочими, это очень напряженный физически и психологически труд. Как правило, из гостиницы выезжали в 8 утра, а возвращались после 12 ночи. Знакомились с работой в первую и вторую смены.

В таких командировках узнаешь о настроении людей, о положении дел, о жизни и ее трудностях не по чьей-то формальной записке, а из уст руководителей и рабочих. Мы имели возможность посещать квартиры, больницы, детские учреждения. В Москву приезжали с портфелем, набитым записками от руководителей предприятий, городов и регионов, письмами трудящихся, которые внимательно изучались в Отделе. По некоторым наиболее важным вопросам направлялась информация в Политбюро или Секретариат ЦК с конкретными предложениями, а иногда с проектом Постановления Политбюро или Секретариата. Многие письма посылались заместителям Предсовмина Союза, в Госплан, в соответствующие министерства и с предписанием: «О принятых мерах сообщить заявителю и в ЦК». Некоторые проблемы изучались аппаратом Отдела, а по итогам проводились совещания. Нередко по характеру и количеству писем можно было делать определенные выводы о работе подразделений и всего Министерства, его кадрах, о работе местных органов власти, руководителей предприятий.

Работа с письмами — тяжелая, утомительная, но чрезвычайно полезная. Неслучайно ЦК держал этот вопрос под контролем. Принимались строгие меры, вплоть до снятия с работы за бюрократическое отношение к письмам.

Немало времени и труда уходило на подготовку и участие в заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. А они проводились еженедельно.

Политбюро начинало свою работу в 11 часов утра, и длилось заседание до 6—8 часов вечера, а то и позже. Все зависело от важности вопросов. Если Отдел ЦК имел какие-то замечания или предложения, он мог их изложить в записке в Политбюро до заседания или высказать на самом заседании. Выступить на заседании Политбюро, как и на Секретариате, мог любой из присутствующих. Решение принималось только в том случае, если его поддер-

жало большинство членов Политбюро или большинство Секретариата.

За 22 года (1966—1988) участия в заседаниях Политбюро я не знаю ни одного случая, чтобы решения принимались вопреки воле большинства. Если решение требовалось принять срочно, не ожидая очередного заседания — а таких случаев было немало, то существовало принятие постановлений, решений путем опроса: голосовали вкруговую. Делалось это так: сотрудник Общего отдела приходил с проектом документа к члену Политбюро или Секретариата, знакомил с документом. Если кто-то не согласен или есть замечания, он писал об этом на документе. Если большинство было согласно и замечания учтены, решение принималось и подписывалось. Я об этом несколько подробнее написал только потому, что новые демократы лгут, говоря об отсутствии коллегиальности в работе руководящих партийных органов.

Существовала и такая практика. Если рассматривался вопрос, по которому важны мнения всех входящих в состав руководящих органов, а высказались не все, то председательствующий обращался персонально к каждому промолчавшему и просил высказать свое отношение. Говорю об этом, чтобы показать, что подготовка к заседаниям Политбюро и Секретариата — дело очень ответственное и требовало от каждого из нас немало времени для тщательной подготовки.

В те годы существовала практика подведения итогов работы отрасли за истекший год на хозяйственных активах. Приглашались руководители предприятий и организаций, представители общественности. Секретари ЦК, как правило, не только присутствовали, но и выступали, а это 3—4 выступления за достаточно короткое время. К этим выступлениям серьезно готовились. Аудитория собиралась профессионально подготовленная, каждое слово, каждую фразу анализировала. Представителю ЦК тем более недопустимо выступать вяло, недостаточно достоверно

и убедительно в профессиональном отношении, с ошибками и неточностями. Погрешности в выступлениях становятся известны не только присутствующим в зале, но и всему Союзу. Поэтому и готовишься к выступлению до последней минуты, до тех пор, пока не произнесешь речь.

Отделы, секретари ЦК были организаторами и исполнителями информационных записок в Политбюро и Секретариат ЦК, проектов Постановлений Политбюро и Секретариата, а также совместных Постановлений ЦК и правительства по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики. В подготовке таких документов участвовал не только аппарат ЦК, но и лучшие силы науки, специалисты, знающие предмет и имеющие опыт работы над документами.

Так же примерно готовились отчеты и доклады к съездам партии, выступления руководителей партии и государства на торжественных собраниях, на пленумах ЦК.

* * *

Важнейший участок работы в ЦК — это подбор и расстановка кадров. На эту тему я уже высказывался и раньше. Но тема эта настолько важна, что можно к ней вернуться еще раз.

Не секрет, что вопросами подбора кадров приходится заниматься почти каждому руководящему работнику. Моя трудовая жизнь сложилась так, что этим мне пришлось заниматься всю жизнь, начиная с должности начальника цеха. За многие годы накапливается опыт в оценке возможностей и способностей кандидата справиться с работой на соответствующем посту. Вырабатываются определенные критерии оценки. На основе своего опыта я пришел к убеждению, что если вновь назначенный руководитель начинает деятельность с обустройства офиса, квартиры и дачи или начинает менять кадры, ломать сложившуюся структуру — это плохой руководитель.

Человек, работающий в аппарате партийного или государственного управления, не может ограничить свою деятельность строго определенными инструкциями. Дел всегда полно. Рабочий день хотя и регламентирован от 9 до 18 часов, но за установленные часы никто не успевает сделать все. День уходил на заседания или совещания, решение оперативных вопросов. А когда работать с документами, над подготовкой выступлений, докладных записок? Когда заниматься аналитической работой? Когда почитать газеты, журналы, литературу? Без этого работать в таком аппарате невозможно. Выход из положения один — задерживаться на работе после 18 часов, а часть документов, с которыми надо ознакомиться, брать домой и перед сном, чаще всего уже лежа в постели, читать. Уезжал из ЦК не раньше 21 часа.

Так поступали и некоторые другие секретари ЦК, особенно Устинов, Андропов. Однажды в середине лета 1967 года после какого-то мероприятия, на котором присутствовали члены Политбюро и секретари ЦК, Брежнев заявляет: «Пользуясь случаем, хочу сказать, что некоторые товарищи допускают нарушение нами же принятого решения. Существует Постановление, запрещающее аппарату ЦК задерживаться на работе после 6 вечера. Однако некоторые товарищи, в том числе и секретари ЦК, игнорируют Постановление, работают до 9 вечера и позже. К ним относятся товарищи Соломенцев, Устинов, Андропов и другие. Это непорядок. Прошу всех выполнять принятое Постановление».

А я ведь и не знал об этом Постановлении. Но что поделаешь. Какое-то время мы строго соблюдали режим, но вскоре все вернулись к старой практике. Больше разговора о соблюдении режима не возникало.

Часть 5

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РОССИИ. ОТНОШЕНИЯ СОЮЗНОГО И РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА

В двадцатых числах августа 1971 года я приболел и лежал в постели с температурой. В это время мне позвонил Брежнев. Леонид Ильич начал разговор с вопроса о моем самочувствии. Ответил, что повышенная температура пока держится. Далее он сообщил, что через день начнется своя работа сессия Верховного Совета РСФСР. «Ты знаешь, — сказал он, — что сейчас Россия живет без Председателя Совета Министров Г.И. Воронова. На этой сессии нового предсовмина должны назначить. Рассматривалась не одна кандидатура, но Политбюро единогласно решило рекомендовать тебя для избрания Председателем Совета Министров Российской Федерации и поручило мне переговорить об этом с тобой».

Поблагодарил и сказал Брежневу, что в России сейчас больная отрасль — сельское хозяйство, именно там большая часть проблем. На мой взгляд, было бы правильно назначить Председателем Совмина России специалиста, хорошо знающего сельское хозяйство. Брежнев не согласился. Более того, у него сложилось убеждение, что в тех республиках, краях и областях, где первыми секретарями работают промышленники, там дела и в сельском хозяйстве идут лучше. «Уверен, что у тебя есть все данные для успешной работы в Совмине, — сказал он в конце разговора. — Будем считать, что мы с тобой договорились».

К открытию сессии я почувствовал себя лучше, температура упала до 37.

Первое слово на сессии было предоставлено М.А. Сулову. Он по поручению Политбюро внес предложение назначить меня Председателем Совета Министров РСФСР. Проголосовали депутаты единогласно. Второе предложение заключалось в поручении Председателю Совета Министров РСФСР внести на рассмотрение сессии предложение по составу правительства. Оно тоже было принято.

Предложения по составу правительства были подготовлены. Я внимательно посмотрел каждую кандидатуру. Почти всех я знал. Возражений не было. На следующий день я выступил на сессии с предложением по составу правительства. Состав правительства был утвержден. Началась новая эра моей жизни.

* * *

После сессии Верховного Совета меня пригласил к себе Леонид Ильич. Еще раз поздравил и произнес такую фразу: «Ну, мы надели на тебя большой хомут. Держись! Давай поговорим о работе».

Леонид Ильич довольно обстоятельно рассказал о задачах в области экономического и социального развития Советского Союза, а поскольку две трети валового производства создается в России, то и состояние Союза во многом определяется положением дел в России. «Правительство РСФСР должно всегда помнить о роли россиян в выполнении плана. Необходимо учитывать, что в России нет республиканской партийной организации. Вам не приходится принимать совместных решений, как это делают другие союзные республики. Выходите вы непосредственно на ЦК КПСС. Автономные республики, края и области понимают это. Секретари парткомитетов территорий по многим вопросам обращаются в Совет Министров

России или в ЦК КПСС». Брежнев заметил, что необходимо усилить внимание к деятельности творческих союзов, к работе с интеллигенцией. Размышлял о том, как исправить положение в сельском хозяйстве. Критиковал работу бывшего Председателя Совмина РСФСР за безынициативность по решению давно наболевших российских проблем. Беседа длилась больше часа. Было видно, что Брежнев серьезно к ней готовился.

Я слушал и делал пометки в блокноте. В конце спросил, есть ли у меня вопросы. Я ответил, что пока нет, но, когда разберусь с делами в республике, вникну в наиболее важные проблемы, тогда вопросы могут появиться. А сейчас я хотел бы высказать два пожелания.

Я считаю, что необходимо разрешение на продолжение строительства Дома Советов РСФСР. Сотрудники Верховного Совета и Совета Министров работают в ветхих зданиях. В этом отношении Россия выглядит хуже, чем все остальные союзные республики, это, по-моему, даже неприлично.

Наступила пауза. Брежнев какое-то время размышлял. А потом сказал, чтобы я писал записку в Политбюро и передал ее лично Черненко и сказал ему, что делаю это по его указанию.

Так я и поступил. Дня через два получаю выписку из протокола заседания Политбюро, в которой изложено Постановление о разрешении Совету Министров РСФСР продолжить строительство Дома Советов Российской Федерации.

И второе пожелание, которое я высказал Брежневу, заключалось в необходимости оградить Россию от «затюкивания». Республикой стремятся управлять все кому не лень, ущемляют ее интересы, принимают решения, затрагивающие интересы России, без ведома ее руководства. Подчеркнул, что почувствовал это на себе, работая в российских областях. Брежнев задумался, а потом сказал:

«Давай условимся, все вопросы, которые нужно решать с руководством Союза, ты согласовываешь со мной. Если кто-то будет вмешиваться — посылай к такой-то матери». Когда я спросил у Брежнева, кто меня будет представлять аппарату Совмина России, то он ответил, что представит сам. К концу дня он мне позвонил и сказал, что аппарат Совмина надо собрать завтра в 4 часа дня.

На встречу Брежнева с основным составом Совмина всех пригласить не могли, не позволяла вместимость зала заседаний Президиума. Леонид Ильич в самом начале выступления сказал, что не будет говорить о новом Председателе, так как все его знают, а закончил тем, что Политбюро рассчитывает на слаженную плодотворную работу Совмина. Желающих выступить не было. Он пожелал успехов, и на этом встреча закончилась.

Брежнев попросил задержаться членов Президиума Совета Министров, а это все заместители председателя. Когда остальные вышли из зала, он сказал: «Я вас попросил задержаться, чтобы покритиковать. Россия могла бы иметь более высокие показатели развития, если бы руководство Совмина работало более инициативно. Дело ведь не только в Председателе Совмина. Вы все в ответе за положение дел в России. Прошу учесть это замечание в дальнейшей работе».

* * *

В первые же дни работы Председателем Совмина РСФСР я почувствовал необходимость разобраться в структуре государственного и партийного руководства в республике. Известно всем, что руководящей силой общества была КПСС. Между съездами руководящую роль партии осуществлял ЦК КПСС, по вертикали: через ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы и парткомы первичных парторганизаций.

В России республиканской партии не было. Россией, автономными республиками, краями и областями занимался напрямую ЦК КПСС. От этого возникало много проблем.

Все союзные республики наделены правами самостоятельно решать вопросы, входящие в их компетенцию, не обращаясь в союзные инстанции. И решали они их исходя из собственных интересов, что вполне закономерно. России же при решении вопросов, требующих согласования с партийными органами, приходилось иметь дело не с республиканским партийным комитетом, а с союзным. Любой заведующий отделом ЦК рассматривал наши вопросы с позиций не российского, а союзного органа, и это имело немалое значение. Наиболее важные решения союзные республики принимали совместным Постановлением ЦК Компартии республики и Совета Министров. В них давались поручения не только советским и хозяйственным органам, но и партийным комитетам, вплоть до первичек. Совмин РСФСР не имел права, естественно, в своих постановлениях делать какие-либо записи в адрес парткомов.

А от парткомитетов очень многое зависело, в том числе и служебная карьера любого руководящего работника. Руководящая партия подбирает и руководящие кадры во все звенья управления. Правда, во всех отделах ЦК были замы, курирующие РСФСР. Но это далеко не властная должность. Им приходилось заниматься исполнением поручений, контролем. Они не были лоббистами, в хорошем смысле этого слова, интересов России. Их возможности не шли в сравнение с возможностями ЦК компартий союзных республик. Я считаю, что это серьезно мешало нормальному развитию Российской Федерации. ЦК КПСС, занятый союзными проблемами, не мог дойти до всех уголков такой огромной республики. Это просто нереально.

Немало примеров, когда правительственные, госплановские, министерские и другие союзные структуры

решали в обход Совмина республики с руководителями российских краев, областей и АССР вопросы, входящие в компетенцию правительства России. А при наших протестах заявляли: «А мы этот вопрос согласовали с партийным и советским руководством области (края или АССР)». Госплан и Минфин Союза дошли до того, что позволяли себе в течение года делать изъятия из утвержденного Верховным Советом бюджета России в пользу другой республики или союзного министерства.

Когда я об этом стал говорить с Председателем Госплана Байбаковым, он все отрицал. Однако позже в беседе один на один признался, что такие случаи бывали. Возникали они чаще всего после посещения первыми лицами страны союзных республик. На просьбы об оказании помощи они что-то обещали. Вернувшись из поездки, давали поручение Госплану оказать помощь. А где Госплан возьмет дополнительные ресурсы? В резерве ничего нет. Источник один — у кого-то отнять и передать другим. Чтобы не ссориться со всеми республиками, брали у одной — у России. Так выполняли поручение большого руководителя. Были и такие «горячие головы», которые вносили в соответствующие инстанции предложения по кадрам, минуя Совмин РСФСР. Можно привести другие примеры nepозволительного отношения к России. После первой беседы с Брежневым, когда он пообещал не допускать «затюкивания» России, я собрал руководящий состав правительства и потребовал не допускать вмешательства в дела республики, тем более в обход руководящих структур России.

Подверг резкой критике таких руководителей, которые вели себя угодливо перед чиновниками союзных органов, не отстаивая интересы России. Такие явления должны быть исключены. В других союзных республиках без ведома ЦК Компартии республики никто не осмелится совершать действия, какие допускают в отношении России. В не-

уважительном отношении к РСФСР прежде всего повинен Совмин РСФСР. Он должен жестко пресекать любые поползновения такого рода, вплоть до разбора на Политбюро.

Понятно, что мои распоряжения не всем нравились. Я знал об этом, но свою позицию менять не собирался. Республикой должно управлять правительство, то есть Совет Министров, и нести всю полноту ответственности за положение дел в России.

С первых шагов на руководящей работе — еще с должности начальника цеха завода — я всегда соблюдал один простой принцип: поставили меня на руководящий пост, определили мои задачи и функции, но дайте и власть! Я, люди, не диктатор. Люблю советоваться, обсуждать, коллегиально искать и находить разумные решения. Когда же они приняты, все, кого это касается, должны строго, с проявлением инициативы их выполнять, соблюдать порядок, дисциплину. Не диктатура руководителя нужна, а именно строгость в самом хорошем понимании. Там, где власти нет, царит словоблудие и неразбериха.

* * *

Заслуживает разговора и структура органов государственного управления России. На первый взгляд, она полностью соответствовала Конституции РСФСР. Был законодательный орган — Верховный Совет и его Президиум. Была исполнительная власть — Совет Министров и его Президиум. Однако в составе правительства, во всей управленческой структуре не было многих министерств и других нужных звеньев. Сложилось это в силу ряда причин субъективного характера. В других союзных республиках они были.

В республике не оказалось Министерства внутренних дел. Когда-то оно было, но во второй половине 60-х годов, когда во главе партии и государства стоял Хрущев, Мини-

стерство внутренних дел Союза ССР было преобразовано в Министерство общественного порядка. По какой причине и с какой целью это было сделано, не знаю, но думаю, с целью показать, что в обществе идут процессы демократизации.

Пришло новое руководство. Через непродолжительное время было решено упразднить Министерство общественного порядка и на базе Министерства внутренних дел России образовать Министерство внутренних дел Союза ССР. Думаю, в этом решающее значение имел кадровый состав. Так Россия осталась без Министерства внутренних дел. Хорошо ли это? Нам доказывали, что так лучше для России. Неправда. Хотя министр Щелоков клялся и божился уделять России максимальное внимание, это были только слова. Более того, Щелоков серьезно опасался, что я смогу добиться создания МВД России. Мне было хорошо известно, как активно он обрабатывал Брежнева, чтобы этого не произошло.

Меня не послушали, Министерство внутренних дел РСФСР так и не было создано. Нашлись эксперты, считавшие нецелесообразным иметь в столице два МВД. А что, мол, будет делать союзное министерство, если власть в России перейдет к республиканскому органу?

Щелоков действительно активно откликался на наши просьбы, предложения. Но нужны не отклики, а постоянная работа аппарата. Понимая убогость такой структуры, Совмин взял на себя большую долю работы с региональными управлениями МВД. Мы систематически контролировали их, слушали на Президиуме Совмина отчеты, проводили республиканские совещания, но компенсировать отсутствие республиканского министерства все-таки не могли. Необходима была повседневная работа. Считаю, что отсутствие МВД России отрицательно сказывалось на криминогенной обстановке.

Не было в РСФСР и республиканского КГБ, хотя во всех остальных союзных республиках они были. Почему так? На мои вопросы отвечали, что, мол, зачем он вам нужен, когда рядом с вами большой Комитет госбезопасности СССР. Что это, ущербность мышления, отсутствие элементарных понятий о принципах управления или какая-то боязнь? Или все вместе взятое? Выходит, каждой союзной республике, каждой АССР, краю, области нужно такое важное звено управления, а России нет. Явный нонсенс.

Изредка я получал информацию от КГБ, МВД. Но только эпизодически. Продуманной системы сотрудничества не существовало. В то время как Совмину России информация, прежде всего внутриреспубликанского характера, была очень нужна.

Не было Министерства связи. Во всех других союзных республиках оно имелось. Согласитесь, услугами связи пользуется каждый гражданин с детского возраста. Я не встретил ни одного человека на разных ступенях власти, кто мог бы внятно объяснить, почему Россия не должна иметь Министерство связи. Какая необходимость вешать заботы о работе почтовой службы, доставке газет, писем, работе телефонных узлов российского региона на союзное министерство, а следовательно, союзное правительство? Что, в таком огромном государстве, как Советский Союз, не было более важных проблем? Предостаточно. Нельзя было концентрировать в союзном центре все властные вопросы. Следовало четко распределить властные полномочия между всеми уровнями власти. Не тащить в центр мелкие вопросы, не умалять роль местных органов власти, а, наоборот, повышать их ответственность за положение дел в своем регионе — от республики до сельского Совета. Для этого им нужно было дать полномочия.

В России не было республиканской Академии наук, Академии сельскохозяйственных наук. Это при поистине огромном сельском хозяйстве. В то время в РСФСР насчи-

тывалось 24 тыс. колхозов и совхозов. Республика давала основную долю почти всех видов сельскохозяйственных продуктов от общего производства их в СССР.

Добавлю, на Украине имелось Министерство черной металлургии, в Казахстане — Министерство цветной металлургии. Во многих республиках были министерства строительства. В России этих министерств не существовало, хотя объемы производства металлов и масштабы строительства здесь намного больше.

В РСФСР по существу отсутствовали республиканские средства массовой информации, в том числе телевидение и радиовещание. Газета «Советская Россия» начала выходить только в июле 1956 года небольшим тиражом.

Не было и республиканской молодежной комсомольской организации.

* * *

Некоторые мудрецы, не испытавшие на собственном опыте особенностей государственного и общественного управления, спрашивали: «А зачем России республиканские министерства, средства массовой информации, общественные организации?» Россией занимаются непосредственно ЦК КПСС, союзные организации, министерства и ведомства. Она, мол, в более выгодном положении, чем остальные республики. Поговаривали, что при таком особом положении она получает от союзного государства большой «кусочек пирога», чем другие. Поверьте мне, поработавшему на всех уровнях инженерной, хозяйственной, партийной и государственной власти, что такое мнение — величайшее заблуждение, плод недомыслия или незнания истинного положения вещей. Не исключаю, что это чувство ревности, а может быть, просто злопыхательство.

Наши братские республики располагали всем арсеналом властных и общественных структур, средств мас-

совой информации для влияния на население, проводили республиканские партийные и комсомольские активы, хозяйственные совещания по развитию народного хозяйства. На них приглашали рядовых работников — передовиков производства. Средства массовой информации нацеливали на успешное решение хозяйственных и социальных вопросов республики, успешное претворение в жизнь поставленных задач. Согласитесь, это сильные рычаги как государственного управления, так и общественного влияния.

Что касается союзных структур, которые должны были заниматься и российскими делами, то у них на первом плане стояли проблемы Союза, а не России. СМИ, конечно, не могли совсем обходить российскую жизнь, но глобальных подходов к проблемам России не было. Когда я спрашивал редакторов газет или работников телерадиовещания, почему они о России дают материалы редко, мне отвечали, что они союзный орган, поэтому должны рассказывать о всех республиках, а площадь газеты или время на телеэкране и радио ограничены. Их можно понять. Но следовало бы и понимать, что у России своих СМИ нет, а проблем российского значения хоть отбавляй.

Удалось, правда, добиться согласия ЦК на проведение республиканских активов по итогам хозяйственного и социального развития за год. На них присутствовали обычно один из секретарей крайкомов и обкомов партии, председатели Совета Министров АССР, председатели крайисполкомов и облисполкомов, руководители наиболее крупных городов и районов, министры РСФСР, министры или их заместители союзных министерств, представители профсоюзов и комсомола, представители науки, ответственные работники аппарата Совмина РСФСР и значительное количество передовиков производства всех отраслей независимо от ведомственной подчиненности. Интересно, что первые же выступления после мое-

го доклада начинались со слов благодарности за то, что собран республиканский актив. Почти все подчеркивали, что в других республиках проводятся активы не только по итогам года, но и по другим вопросам, а в России никогда раньше не проводились. Это ненормально. Перед Россией, как и перед другими республиками, стоят серьезные задачи. Почему мы не можем подвести итоги развития РСФСР, рассказать о сделанном, подвергнуть критике недостатки и вышестоящие органы, поделиться своим опытом работы, внести предложения или просто по-человечески пообщаться со своими коллегами?

На активах подводились итоги соревнования между субъектами Федерации. Победителям вручались Красное знамя, почетные грамоты и другие награды. Актив принимал важные решения. Заканчивалось все хорошим концертом. Люди были очень довольны: они слышали живое слово о жизни в республике, могли многое наболевшее сказать в адрес республиканских, союзных и местных властей. Очень интересными бывали выступления рядовых рабочих, крестьян, специалистов, ученых, деятелей культуры, образования, медицины.

На таких активах присутствовали представители ЦК КПСС, Совмина СССР, Госплана Союза. После того как мы провели три или четыре таких актива, нам было рекомендовано, со ссылкой на высокое руководство, больше их не проводить. У меня сложилось впечатление, что кому-то из высшего руководства не понравилась критика с мест, нередко звучавшая в их адрес. Тем более что мы призывали участников актива меньше говорить о достижениях, а вскрывать недостатки, ошибки и упущения в работе, находить средства их исправления.

Газета «Советская Россия» всесторонне освещала на своих страницах материалы активов: доклад, выступления в изложении, принятые решения. Впредь мы решили по наиболее важным проблемам и итогам работы

за год проводить расширенные заседания правительства с приглашением соответствующих руководителей с мест, представителей союзных структур, ученых, специалистов. Обычно всегда присутствовали работники ЦК КПСС, ЦК комсомола и профсоюзов.

* * *

Все детали управленческой структуры РСФСР изложить невозможно. Для этого потребуется отдельная книга. Остается только подытожить, что недостаточность республиканской структуры управления хорошо понимали на местах. Недоумевали и коллеги из союзных республик.

Решил переговорить с министрами союзных министерств. Картина оказалась пестрой. Одни не видели необходимости создавать республиканскую ступень, другие с пониманием относились к нашей позиции, но заявляли: «Так уж сложилась ситуация, к ней приспособились и вряд ли стоит ее ломать». Третьи воспринимали наше стремление иметь полный набор властных структур как усиление влияния российского руководства.

Правда, после долгих хождений по мукам, множества бесед и разъяснений о недостатках в структуре республиканского управления с руководителями самого высокого ранга произошла некоторая подвижка.

Часть 6

СПОРНЫЙ ВОПРОС. ПЕРЕБРОСКА СИБИРСКИХ РЕК

Многим известно, с каким жестким противоборством между сторонниками и противниками обсуждалось предложение о переброске вод сибирских рек в Среднюю Азию. Родилась эта идея, видимо, в руководящих кругах среднеазиатских республик. Я узнал об этом в первой половине семидесятых годов.

Как-то накануне выходного дня мне позвонил заведующий Отделом сельского хозяйства ЦК КПСС В.А. Карлов и передал, что «завтра в НИИ мелиорации и водного хозяйства Союза состоится совещание по переброске вод сибирских рек в Среднюю Азию, на которое приглашаетесь и вы, и другие работники Совмина России». — «Почему так поздно сообщили об этом? Вопрос важный, и к его обсуждению необходимо хорошо подготовиться». Карлов пытался успокоить меня тем, что совещание носит информационно-ознакомительный характер.

На совещание я пригласил своего первого зама Васильева, министра мелиорации и водного хозяйства Корнева, министра сельского хозяйства Флорентьева и завотделом сельского хозяйства Совмина Батурина. На совещании присутствовало порядочное количество народа, в том числе А.Н. Косыгин и Ф.Д. Кулаков. В зале развесили множество географических карт и таблиц.

Докладывал директор НИИ. Он обосновал предложение тем, что в республиках Средней Азии ощущается ост-

рый дефицит воды для полива, это негативно сказывается на развитии экономики и снижает возможности выращивания хлопка. В Сибири же избыток водных ресурсов. Для того чтобы повернуть часть рек в Среднюю Азию, необходимо построить канал протяженностью более тысячи километров. Стоимость строительства, по предварительным расчетам, составит 8 млрд. рублей. Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР готово взяться за строительство канала в сроки, которые будут установлены.

Докладчику было задано много вопросов. На некоторые из них он давал очень неопределенные ответы. Он по существу ничего не мог сказать об экологических последствиях такой переброски для Сибири, о том, как поведет себя вода, перейдя из холодного сибирского климата в жаркий среднеазиатский. Некоторые говорили, что стоимость строительства канала сильно занижена. Другие удивлялись, откуда у Министерства мелиорации появились возможности строить грандиозный канал, если оно не выполняет нынешний план.

После совещания я собрал у себя представителей Сибирского отделения Академии наук, Минмелиоратводхоза и Минсельхоза республики, а также регионов, через которые предполагалось провести канал, а из рек взять воду, и поручил разобраться с предложением, которое мы услышали. Свои соображения представить Сибирскому отделению Академии наук, которое обобщит материалы и даст Совмину официальное заключение. Позвонил всем первым секретарям обкомов, крайкомов и попросил проконтролировать выполнение поручения, а подготовленные материалы обсудить на совместном заседании бюро обкома и облисполкома.

Ошибаться в таком серьезном деле нельзя. Вопрос решили обсудить и на заседании Президиума с приглашением всех заинтересованных сторон. Договорился с директором НИИ, чтобы доклад сделал главный инженер

проекта. Заседание готовилось очень тщательно. Обсуждение длилось несколько часов. И опять докладчик на многие вопросы не смог ответить.

В Постановлении Президиума было отмечено, что представленные материалы не дают оснований для окончательного решения. Требуется более глубокая проработка вопросов, связанных с проведением столь масштабных работ. Пока Россия не получит убедительных ответов, она не сможет поддержать проект. На этом заседании присутствовали представители заинтересованных регионов, Сибирского отделения Академии наук, Республиканской РАСХНИЛ (Российская академия сельхознаук).

* * *

Постановление Президиума Совмина России, видимо, серьезно встревожило союзные организации, которые поддерживали проект переброски. В их числе Госплан СССР, сельхозотдел ЦК КПСС, Минмелиоратводхоз.

Через некоторое время Байбаков собрал у себя на совещании всех, кого касалась эта проблема. Я попросил пригласить первых секретарей обкомов. Он это сделал.

подавляющее большинство выступавших проект не поддержали. Они были подготовлены лучше, чем защитники идеи переброски рек, и обоснованно предупреждали, что этого делать нельзя ни по экономическим, ни по экологическим соображениям.

Вскоре после совещания Байбаков съездил в среднеазиатские республики. Там его так накачали, что он всему руководству Союза стал доказывать необходимость и целесообразность проекта. Звонил и мне. Убеждал не возражать. К этому времени появились убедительные доводы против переброски, и некоторые из них я упомянул в разговоре с ним.

Байбаков пытался их парировать, но звучало это очень неубедительно. Складывалось впечатление, что

люди, затеявшие этот грандиозный проект, не располагают нужным объемом материалов и знаний. Похоже, что в обсуждении столь серьезного вопроса основную роль начали играть не доводы разума, а завышенные амбиции.

Вскоре Байбаков опять собрал совещание с участием представителей регионов РСФСР и республик Средней Азии, но явной поддержки проекта не добился. Договорились продолжить работу. Президиум Совмина России еще дважды обсуждал эту проблему. На последнем заседании был заслушан обстоятельный доклад Сибирского отделения Академии наук СССР о результатах изучения предложения о направлении вод сибирских рек в Среднюю Азию. С докладом выступил академик Аганбегян. Он доложил, что в результате проведенных исследований, изучения материалов, заключений и предложений, поступивших от регионов Сибири, и проведенных расчетов Сибирское отделение Академии наук пришло к единодушному мнению, что оно не может поддержать идею переброски сибирских рек в Среднюю Азию. Категорически возражает не только против проекта, но и против самой идеи. Доложил, что стоимость проекта строительства канала и разводящей системы составит, как показывают расчеты, не 8, а 96 млрд. рублей. НИИ Минмелиоратводхоза подсчитал лишь затраты на строительство канала до Средней Азии и без учета создания разводящей системы, что в корне неправильно. Цель строительства — подать воду потребителю, а не только подвести ее к границе региона. Но и строительство канала только до границы Средней Азии — назовем его головной частью — значительно превысит 8 млрд. рублей. Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР не располагает мощностями, чтобы кроме нынешнего объема работ, с которым оно, кстати, не справляется, вести еще и столь крупную стройку. Потребуется большие средства, высокопроизводительная техника, дополнительные трудовые ресурсы. Строительство канала приведет к выводу из землеполь-

зования большого количества земель, особенно вдоль канала, в том числе за счет дренирования. При эксплуатации будут большие потери воды за счет того же дренирования и испарения. Сложна проблема переноса поселков, которые окажутся в зоне строительства. Затраты на это будут немалыми, и люди будут противиться переселению.

Сложной оказалась и экологическая сторона проекта. Ни науке, ни практике не известно, как поведет себя холодная сибирская вода в Средней Азии. Есть довольно убедительные суждения, что в жарком климате она станет непригодной для питья и полива. В ней может появиться большое количество микроорганизмов, опасных для здоровья человека, растений и т.д.

Доклад Аганбегяна был очень обстоятельным. Все его основные положения подтверждались научными разработками, расчетами, накопленным практическим опытом. Говорил академик спокойно, без эмоций, не чувствовалось какой-либо предвзятости. Ему задали много вопросов. Отвечал он на них уверенно. Чувствовалось, что проблему он изучил детально. Обсуждение было бурным, подчас весьма эмоциональным.

На заседании очень резко выступили против переброски рек представители краев и областей Сибири. Говорили они об этом эмоционально, но и доказательно. Присутствующие на заседании Президиума Совмина представители ЦК КПСС, Совмина и Госплана СССР, Минмелиоратводхоза и его головного НИИ в обсуждении не участвовали, но слушали внимательно.

* * *

Переброска сибирских рек в Среднюю Азию взволновала значительную часть населения России. Об этом много говорили, писали. Активность обсуждения объяснялась

еще и тем, что шла разработка очередного пятилетнего плана, на 1976—1980 годы. Сторонники проекта делали все, чтобы заложить в пятилетку начало строительства канала. Однако сделать это Байбакову, руководителям среднеазиатских республик и их сторонникам не удалось. При рассмотрении на Политбюро проекта развития народного хозяйства на очередную пятилетку после бурных дебатов было решено продолжить изучение этого вопроса.

Каково же было мое изумление, когда на XXV съезде КПСС в проекте пятилетнего плана я увидел запись, предусматривающую начало строительства канала из Сибири в Среднюю Азию.

Как такое могло случиться?! Выразил свое удивление и даже возмущение А.Н. Косыгину. Он отвечал уклончиво.

Уверен, что сделано это было, вероятно, под давлением руководства среднеазиатских республик. Не думаю, что такой ответственный шаг мог быть сделан Госпланом СССР без ведома Косыгина. И только он мог убедить Брежнева поддержать требования среднеазиатских республик и сделать такую запись в проекте пятилетнего плана. Заканчивая разговор, А.Н. Косыгин бросил такую фразу: «На эту тему советую поговорить с Л.И. Брежневым».

Выбрав подходящий момент, в перерыве съезда я обратился к Брежневу и настойчиво стал ему доказывать, что такую запись в пятилетний план делать нельзя. Проект переброски воды из Сибири в Среднюю Азию вызвал волну возмущения среди ученых, руководителей сибирских регионов, многих граждан страны (о чем можно судить по огромному количеству писем). Проблема до конца не изучена, осуществление проекта требует огромных капиталовложений и может обернуться тяжелыми последствиями.

«Вот ты говоришь о тяжелых последствиях, — возразил Леонид Ильич, — а другие — о большом экономическом эффекте». Я сказал, что не видел доказательств

экономического эффекта. Его сейчас и невозможно определить, так как совершенно неясны экономические, экологические и социальные последствия. Зато есть официальное заключение Сибирского отделения Академии наук, что переброску делать нельзя. Существуют, конечно, и противоположные мнения. Но включать столь спорный и неотработанный проект в пятилетний план недопустимо.

Брежнев пообещал в один из перерывов посоветоваться с членами Политбюро. Обсуждение состоялось и было весьма бурным. В итоге решили записать: «Продолжить изыскания и исследования возможности переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию». Изменение внесли в проект пятилетнего плана. На съезде против этой формулировки никто не выступил. В последующие годы этот проект стал забываться, и к нему больше, кажется, не возвращались.

Правда, уже в нынешнее время московский градоначальник Лужков неожиданно выступил за такую переброску, но уже с условием продажи воды среднеазиатским государствам. Не думаю, что все экономические, социальные и экологические перспективы были просчитаны командой Лужкова глубже и основательнее, чем это было сделано Сибирским отделением Академии наук в ходе обсуждения этого вопроса в СССР.

Часть 7

ЖАРА И ПОЖАРЫ 1972 года. КАК ПОДНЯТЬ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ

1972 год оказался для России очень тяжелым. С ранней весны установилась жаркая сухая погода. Начались лесные пожары, загорелись торфяные караваны (высушенный торф, сложенный в форме скирд) и даже еще не добытый торф на всю глубину залегания. Во многих регионах бушевали пожары: на Дальнем Востоке, в некоторых районах Сибири, в центре России. Спецподразделения по тушению лесных пожаров явно не справлялись, не хватало техники и людей. Я, как начальник Гражданской обороны РСФСР, принял решение о мобилизации из резервистов сорока тысяч человек и десятков тысяч единиц различной техники для помощи в борьбе с огнем. Но обстановка так обострилась, что пришлось обратиться в Политбюро ЦК КПСС и правительство Союза о привлечении армейской техники для помощи в тушении пожаров. Подразделения нескольких военных округов самоотверженно и мужественно выполняли эту задачу.

Наиболее тяжелая нагрузка выпала на Московский военный округ. Вместе с командующим округом мы создали штаб по борьбе с пожарами. Разместили его в зале заседаний Совмина. Работа была организована по-военному и шла круглосуточно. Стены были увешаны детальными географическими картами, задействованы все виды связи. Штаб располагал обширной информацией о положении дел с тушением пожаров на каждый час, правом

переброски и использования значительных сил. Мои указания выполнялись безоговорочно, независимо, касалось ли это гражданских или воинских подразделений. Было принято Постановление правительства России о запрещении въезда в леса автомобилей, мотоциклов, разведения костров и посещения лесов для отдыха.

В сложном положении оказалась столица. Пожары в Московской и Рязанской областях привели к сильному задымлению Москвы. Появились жалобы, что в отдельных районах города трудно дышать. Это действительно было так. Штаб прорабатывал вопрос возможного отселения части москвичей в другие регионы.

Вместе с командующим МВО, с группой сотрудников штаба побывал в районах наиболее опасных пожаров, в том числе на стыке Московской и Рязанской областей, в Горьковской области, Марийской АССР. На стыке Московской и Рязанской областей горел не столько лес, сколько караваны заготовленного торфа и торфяные залегания на всю глубину. Пожары мы осматривали из автомобиля и с вертолета. Зрелище страшное. Подступиться к горящим караванам невозможно — очень высокая температура.

Пожарные роют траншеи, чтобы остановить продвижение огня. Если на его пути есть строения, их обливают водой. Но беда в том, что поблизости нет воды. Озерца в котлованах, оставшихся после добычи торфа, пересохли. На следующий день вылетели в Горький. На подлете пилот доложил, что на гражданский аэродром из-за большой задымленности сесть нельзя. Предлагают посадку на военном аэродроме, но вскоре и его закрыли. Советуют садиться на гражданский, там якобы видимость улучшилась. Повернули на гражданский. Там действительно просвет был, но быстро закрылся. Трижды летали от одного аэродрома к другому, и наконец-то нас посадили на военном аэродроме, отступив от норматива по видимости. Сели в машины и поехали в самый опасный очаг пожара.

Посмотрели, как полыхают торфяные караваны, как работают люди по локализации очагов, рубят просеку на пути огня. Труд поистине адский.

* * *

Во второй половине дня пришлось лететь в Марийскую АССР в связи с очень тревожным сообщением военных. При подлете к Йошкар-Оле увидели множество очагов возгорания, разбросанных по огромной территории. Попросил командира самолета сделать несколько кругов, чтобы получше понять, что происходит. Над республикой была сплошная облачность, поэтому круги делали на предельно малой высоте. Местное руководство доложило, что самый большой пожар в лесу, где расположена ракетная дивизия. Решили ехать в расположение дивизии, окруженной огненным кольцом. Командир дивизии доложил, что на тушение брошены все силы, вся техника, помогает гражданская оборона республики, но обстановка тяжелая, нужна помощь.

В аэропорту Внуково были подготовлены два самолета, загруженные порошком специального состава. Выбрасывают его в толщу облаков, чтобы вызвать дождь. Но толща облаков должна быть, как мне сказали, не менее тысячи метров. Над Марийской АССР, как сообщила Гидрометеослужба, толща облаков даже превышает тысячу метров. Позвонил в штаб с просьбой немедленно направить один самолет в Марийскую АССР для тушения пожара, в первую очередь вокруг дивизии ракетных войск.

Примерно часа через три кто-то из военных буквально ворвался в кабинет с радостным криком: «Товарищи! Пошел дождь!» Мы вышли из помещения и вдохнули непривычную прохладу. Решили уточнить — дождь естественный или искусственный. Доложили, что дождь пошел после того, как над территорией покругил самолет

«Аэрофлота». Позвонил в штаб, сказал, что в Марийской АССР идет моросящий дождь, поблагодарил за самолет с порошком-кудесником. Второй самолет решили задействовать для тушения большого пожара на стыке Московской и Рязанской областей, но только когда появится облачность достаточной мощности. Примерно через сутки с востока надвинулись тучи. Был задействован спецсамолет, пошли искусственные, а потом и настоящие дожди, что помогло окончательно подавить страшную, все уничтожающую на своем пути огненную стихию.

Убытки были большие. Сильная засуха почти во всех регионах России неимоверно осложняла и без того напряженное положение в стране. Из регионов шла тревожная информация о состоянии посевов, о выгорании пастбищ и просьбы помочь кормами, чтобы сохранить хотя бы маточное поголовье скота. Особенно острые и болезненные сообщения поступали из Поволжья. Решил посмотреть своими глазами, что там происходит. Полетел в эпицентр засухи — в Саратовскую область. Вместе с первым секретарем обкома Алексеем Ивановичем Шибяевым поехали по районам, по хозяйствам. Повсюду, где были посеяны яровые, — поля черны, даже не было всходов, а где появились — засохли. Руководители хозяйств, колхозники, рабочие совхозов просили помочь кормами, боялись, что значительное поголовье скота придется отправлять на мясокомбинаты. Хорошо, что делалось все, чтобы заготовить хотя бы минимальное количество кормов. Многие вели заготовку грубых кормов, в других регионах выкашивали камыш. Приступили к заготовке веточного корма. Особое внимание — созданию и расширению имеющихся цехов по кормоприготовлению. Люди, конечно, не теряли надежды, что пойдут дожди, появится трава на выпасах. На этот случай были готовы семена, чтобы посеять быстрорастущие культуры и получить хотя бы один укос зеленой массы.

Посмотрели с вертолета особо пострадавшие районы Саратовской области, соседние территории. Впечатление удручающее. Повсюду огромные площади земельных угодий — черны. Создавалось впечатление, что летишь над пустыней. Озера, пруды, водохранилища — как редкие оазисы. Только вокруг них ободки зеленой травы. На этих зеленых ободках отары овец, стада крупного рогатого скота.

* * *

Вечером раздался телефонный звонок. Это был дежурный по моей приемной. Он сказал, что только что звонил из Ялты помощник Брежнева, просил передать, чтобы я завтра был в 11 часов в Симферополе для встречи с Леонидом Ильичом. Будет разговор об ожидаемом урожае зерновых и количестве хлеба для продажи государству. Я поручил немедленно позвонить моему первому заму по сельскому хозяйству, чтобы он вместе с заведомом Совмина Батурлиным и министром сельского хозяйства Флорентьевым готовил необходимые материалы.

Вылет в Симферополь в 8 утра. Для сна оставалось 3—4 часа. В назначенное время были в Симферопольском обкоме. Кроме нас прилетели секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Ф.Д. Кулаков, зав. сельхозотделом ЦК КПСС В.А. Карлов, секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий, Председатель Совмина Украины Александр Павлович Ляшко.

Леонид Ильич приехал из Ялты, где он отдыхал. Выглядел свежим и бодрым. Сказал, что пригласил нас в связи с тем, что из-за сильной засухи во многих регионах сильно пострадали зерновые. Необходимо уже сейчас знать, какой урожай мы получим, хватит ли хлеба на все потребности, что следует сделать, чтобы смягчить удар стихии, обеспечить нормальное снабжение населения продуктами, а животноводство кормами.

Первым пришлось докладывать мне. Сказал, что засуха тяжелая. Много потерь от лесных и торфяных пожаров. Сильно пострадали посевы зерновых. Эпицентр засухи — Поволжье, Саратовская область. Сообщил, что ночью вернулся из Саратова. Рассказал, что увидел не только в Саратовской области, но и у ее соседей. Сказал, чего ожидать по валовому сбору зерна и что можно продать государству, но при условии если оправдаются прогнозы, особенно по Сибири. Леонид Ильич задал несколько вопросов и попросил кое-что уточнить. Настроение у него явно упало.

После меня докладывал В.В. Щербицкий. Украину засуха не обошла, но была менее жестокой, поэтому они не обещали продать государству плановое количество зерна, в животноводстве у них не будет таких трудностей с кормами, как в России. Доклад Щербицкого не улучшил настроения Брежнева. Надо отдать должное Леониду Ильичу, он не проявил раздражения. Правда, встал со стула и стал прохаживаться вдоль стола, не произнося ни слова. Затем обратился к работникам ЦК: «У вас есть что добавить?» Кулаков и Карлов сказали, что они согласны с нашей информацией, но цифры будут уточняться.

На встречу с Леонидом Ильичом я привез записку в Политбюро ЦК и правительство Союза и проект Постановления о мерах по подъему сельского хозяйства Нечерноземья. После того как разговор о зерне закончился, а Брежнев остановился у стола, я сказал: «Леонид Ильич! Мы подготовили записку и проект Постановления Политбюро и правительства по развитию Нечерноземья. Позвольте мне вручить их вам». И положил документы на стол. Он, видимо, хотел отодвинуть их от себя, но в раздражении так толкнул бумаги, что они оказались на полу. Я поднял документы и положил на то же самое место. Он к ним не притронулся и ничего не сказал.

Затем обратился ко всем: «Вы нарисовали довольно мрачную картину. Конечно, если повсеместно пойдут до-

жди, обстановка может улучшиться. С природой мы ничего сделать не можем. Но противопоставить ей ум, организованность и инициативу обязаны. Важно без потерь убрать все, что вырастет. Повсюду ужаться и максимум возможного продать государству. Сохранить скот, особенно маточное поголовье, использовать все возможности заготовки грубых кормов, организовать их приготовление. Надо учитывать, что в складывающейся ситуации государство не сможет оказать помощь концентрированными кормами. На решение этих задач и надо мобилизовать все парторганизации. Горожане должны оказать селу всю возможную помощь. Я поручу Косыгину, — продолжал Леонид Ильич, — рассмотреть баланс по зерну. Если потребуются крайняя мера — закупим по импорту зернофураж, придется пойти на это».

* * *

Спустя неделю я решил узнать о судьбе документов, которые я положил перед Брежневым. Позвонил К. У. Черненко и спросил, не проходили ли они через его руки. При этом я не стал говорить, при каких обстоятельствах они были переданы. Черненко ответил, что он этих документов не видел, и пообещал выяснить их судьбу. На следующий день сообщил, что документы в Общий отдел не поступали. Не оказалось их и в сельхозотделе ЦК, и у помощника Брежнева по сельскому хозяйству Голикова. Позвонил в Симферопольский обком партии. Там их тоже не было. Куда подевались? Загадка! Вот что значит подать документы не вовремя.

Пришлось поручить той же группе продолжить работу над проектом записки и Постановления. Рассмотреть и учесть все новые предложения по Нечерноземью, поступившие за последнее время. Приступить к проработке и предварительному согласованию с министерствами, пла-

новыми органами и областями намечаемых мероприятий и объемов работ, сроков исполнения. Новые записка и проект Постановления были подготовлены к концу 1972 года и посланы в Политбюро. Довольно скоро было принято короткое Постановление, которым поручалось правительству, Госплану, Минфину и другим рассмотреть записку и предложения Совмина РСФСР по развитию и подъему Нечерноземья и подготовить соответствующий проект Постановления Политбюро ЦК КПСС и Совмина СССР.

Это как раз то, чего мы и добивались. Теперь уже можно активно обсуждать во всех инстанциях наши предложения. Копию проекта мы направили во все области с просьбой рассмотреть и прислать в Совмин республики свои предложения и замечания.

Постановление Политбюро было встречено с одобрением во всех регионах страны. В самой нечерноземной зоне — с великой радостью. Можно было слышать: «Наконец-то добрались и до Нечерноземья! Давно пора!» Люди стали с нетерпением ждать конкретных мер. От официальных организаций и от граждан этой довольно большой зоны (29 областей, 60 млн. человек населения) шли письма с предложениями, что надо сделать. Обкомы и облисполкомы присылали предложения с учетом особенностей своих областей.

Согласование объемов работ, сроков их выполнения шло очень тяжело. Госплан и Минфин сообщали, что нет требуемых финансовых и материальных ресурсов, союзные строительные министерства по существу отказывались работать на селе, мотивируя это тем, что вся материально-техническая база создана под строительство в городах на крупных промышленных и жилищных объектах, сложились коллективы строителей, проживающих в местах, где ведутся работы. На селе предстоит строить мелкие объекты: животноводческие помещения, одно-, двухэтажное жилье. Материально-технической базы для такого

строительства нет, на селе отсутствуют дороги с твердым покрытием и т.д. Специалистов и рабочих на селе у них нет. Кто будет строить? Стоимость работ получится очень высокой. Согласитесь, резон в этих суждениях есть, но что делать с Нечерноземьем? Смотреть, как гибнет крупнейший регион страны? Как будем кормить 60-миллионное население? Откуда завезти молоко в города этого региона? Ныне только в Москву завозится молоко из 22 областей. В конце 1973 года я подробно доложил Косыгину и Брежневу о ходе подготовки Постановления, о сопротивлении, которое оказывается при согласовании объемов и сроков.

Они осудили руководителей, не желавших включиться в эту важную для страны работу, и пообещали дать строгие указания. Брежнев — секретарям ЦК, а Косыгин — Госплану и министрам в сжатые сроки завершить подготовку проекта Постановления и согласовать объемы. Работа оживилась, стали легче проходить согласования. Когда докладывал Брежневу, он с возмущением сказал: «Ты передай этим сопротивленцам, что Нечерноземье будем поднимать всей страной, обойдемся без тех, кто не хочет этим заниматься. Пусть подумают».

Несмотря на все трудности, к концу первого квартала 1974 года Постановление было подготовлено и внесено в Политбюро, а в начале апреля принято.

Постановлением предусматривался огромный объем работ: мелиорация земель — культурно-технические работы (уборка камней, очищение земель, заросших кустарником и мелкоколесьем), осушение болот, орошение на десятках миллионов гектаров земли, раскисление почвы, для чего необходимо создать мощности по производству известняковой муки 65 млн. тонн в год. Построить большое количество животноводческих и других производственных помещений, десятки миллионов квадратных метров жилья и соцкультбытобъектов со всеми видами бла-

гоустройства, газификацией и телефонизацией. Уложить несколько десятков тысяч километров дорог с твердым покрытием. Требовалось выполнить множество других работ по созданию материально-технической базы и нормальных условий для работы и жизни на селе.

* * *

Сделан первый шаг. Но только шаг, каким бы большим он ни был. Впереди главная задача — обеспечить выполнение Постановления. С чего начать?

Важно, чтобы об этом решении знало абсолютное большинство населения. Люди должны понять, что речь идет о самой сердцевине России, где располагаются такие мощные промышленные центры, как Москва, Ленинград, Свердловская и Пермская области. Что в Нечерноземье проживает пятая часть населения Советского Союза. Что запущенное состояние, в котором находится этот регион, больше нельзя терпеть. Значение Нечерноземья должно побудить все организации и население страны принять активное участие в подъеме сельского хозяйства и обустройстве населенных пунктов.

Определив и осмыслив следующие шаги, уже по организации работ, поделился своими мыслями с Леонидом Ильичом. Чтобы к подъему Нечерноземья было приковано внимание всей страны, необходимо собрать в ЦК совещание первых секретарей обкомов, председателей облисполкомов и руководителей сельхозорганов областей, видных ученых-аграрников, руководителей всех министерств и ведомств Союза и России, которые будут участвовать в этой работе. Брежнев внимательно меня выслушал и сказал, что надо подумать. Я подчеркнул, что с речью по такой важной проблеме должен выступить первый руководитель страны. Он не отверг моего предложения, но и согласия не дал.

Время уже поджимало. На юге завершались весенние полевые работы. В кулуарах назывались другие лица на роль докладчика. Я отвергал их, трижды переговорил с Леонидом Ильичом, уговаривая выступить. Наконец он согласился и сказал, что даст поручение своему помощнику, сельхозотделу ЦК и Кулакову вместе с нами подготовить проект выступления. Доклад должен быть политическим документом, насыщенным крупными проблемами. Следует постороже сказать о недопустимости срыва сроков или невыполнения. Обратиться ко всем союзным республикам за помощью в подъеме Нечерноземья. Выступление рассчитывать минут на сорок. После этого закрутилась работа над докладом и организационной частью совещания.

На очередном заседании Политбюро Леонид Ильич сказал о необходимости проведения совещания по Нечерноземью. Все его поддержали и сказали, что докладчиком должен быть он.

Основную работу по организации совещания возложили на отделы ЦК и Совмин России.

Не скрою, меня долго занимал вопрос: чем объяснить, что Брежнев долго обдумывал, надо ли ему выступать с докладом? Пришел к убеждению, что тут присутствовало два обстоятельства: первое — нужно ли лидеру партии и великого государства выступать с докладом по республике? Второе — самочувствие Леонида Ильича. В последнее время он стал менее энергичен, реже принимал людей. Внешний вид, его походка, голос, поведение на заседании Политбюро давали основание полагать, что Брежнев стареет, состояние его здоровья ухудшается.

Тем не менее на совещании Леонид Ильич сделал обстоятельный доклад. Все выступавшие оценивали Постановление как важный политический, экономический и социальный акт союзного значения. Представители областей буквально ликовали. И в докладе, и в выступле-

ниях была четко выражена мысль, что подъем Нечерноземья — дело всенародное. Выполнение его должно находиться под повседневным контролем партийных и советских органов.

Постановление было, естественно, разослано во все союзные и автономные республики, края и области СССР. Все средства массовой информации широко освещали ход совещания. Полностью опубликовали доклад Леонида Ильича, подробно излагали само Постановление.

* * *

Не могу знать, по каким причинам, но все наиболее крупные мелиоративные работы на территории России вело союзное министерство. К нему перешли основная материально-техническая база и кадры. Республиканское министерство занималось мелкими объектами и эксплуатацией мелиоративных систем. Мы внесли предложение: в системе министерства союзного подчинения образовать главное управление по строительству и эксплуатации мелиоративных систем в Нечерноземье. Начальником управления назначили первого зама министра мелиорации и водного хозяйства СССР Александра Васильевича Алексанкина. Одновременно он был назначен первым замом Председателя Совмина РСФСР. До работы в союзном министерстве Алексанкин работал в Белоруссии министром мелиорации и водного хозяйства. Родилось необычное организационно-структурное образование — один человек с тремя ответственными постами. Алексанкина я лично не знал. Безусловно, он человек с хорошим опытом работы, по всем объективным данным вполне подготовлен вести предложенную работу. Почему сохранили за ним пост первого зама союзного министра и добавили еще один — пост первого зама Председателя Совмина? С одной целью — чтобы иметь возможность влиять на работу аппарата союзного мини-

стерства и одновременно на органы местной власти. При этом имелось в виду, что со временем, когда главк наберет достаточную силу, создаст надлежащую материально-техническую базу, вывести его из союзного подчинения и подчинить республиканскому. В перспективе планировалось нарастить его мощности до такой степени, чтобы оно могло вести строительство и эксплуатацию мелиоративных работ во всех регионах России.

Алексанкин активно взялся за работу. Но месяца через 2-3 до меня стали доходить слухи, что в общении с сотрудниками Совмина он проявляет надменность, высокомерие и даже бестактность. Я не стал с ним об этом говорить, выбрал момент и на расширенном заседании Совмина, затронув в выступлении работу с людьми, обратил внимание на проявления высокомерия и даже грубости со стороны некоторых руководителей. Персонально я никого не называл. Больше жалоб не было.

В Нечерноземье стали создавать более десятка межобластных баз по строительству и эксплуатации мелиоративных систем. Во второй половине 70-х годов они стали вступать в строй. Несколько таких баз я посмотрел. Часть находилась в завершающей стадии строительства, но уже выполняла заказы мелиораторов. Специалисты, руководители местных органов власти с одобрением говорили о решении создать индустриальные ячейки для мелиораторов. Некоторые уже планируют расширить их функции, создав на их базе цеха по ремонту дорожно-строительных машин, грузовых автомобилей, строительной техники. Словом, создание баз мелиораторов было принято на ура. Местные власти опекали и «выхаживали» их как малых детей. Забота местных руководителей — залог успеха, а следовательно, и осуществления программы мелиорации земель в Нечерноземье. Отрадно, что базы неплохо укомплектовывались кадрами. Для них строилось жилье, соцкультбытобъекты, размещали работников, как правило, в близких населенных пунктах. Конечно, не все

были классными специалистами. Как правило, это местные жители, подростками уехавшие в промышленные центры. Там они освоили какую-то специальность, обзавелись семьей. Узнав, что есть возможность работать в родных местах, потянулись на родимую землю.

В те годы масштабные работы развернулись в Поволжье по созданию оросительных систем для выращивания зерновых. Известно, что Поволжье располагает большими площадями прекрасных земель. Там много солнца, но мало выпадает осадков. Часты засухи. Поэтому необходимо было использовать воду главной реки России — Волги — для орошения и выращивать стабильно высокие урожаи зерна, кормовых и других культур. Строительство оросительных систем велось высокими темпами. Началось оно с Саратовской области. Со второй половины 70-х годов уже вводились в действие значительные площади орошаемых земель, на которых получали высокие урожаи. Душой и движущей силой в этой гигантской работе была областная парторганизация, первый секретарь обкома А.И. Шibaев. Саратовцы многое делали по освоению технологии орошаемого земледелия. Руководители и специалисты учились сами и учили своих подчиненных совершенно новому для них делу. На первых порах было достаточно трудностей, ошибок в проектах, брака в строительстве. Все это надо было быстро устранять, доводить до кондиции. Работали, не считаясь со временем. Регулярно бывая на этой стройке, видел гордость строителей, эксплуатационников систем орошения и земледельцев по поводу замечательного эффекта, какой дает волжская вода, поданная на поля.

* * *

К крупномасштабным работам, которые велись по мелиорации, следовало добавить создание оросительных систем в Ставропольском крае. Известно, что этот ре-

гион располагал большими площадями замечательных сельскохозяйственных угодий, земля плодородная, много солнца и тепла, но мало осадков, часто бывают засушливые годы. Здесь строился не только водный канал, но и вводились в строй орошаемые площади. За полученную влагу земля расплачивалась сполна.

Ученые, специалисты, местные органы власти внесли предложение мелиорировать кубанские земли и выращивать на них рис. Природно-климатические условия позволяли это. Нигде больше в Союзе рис, по существу, не производился. Предложение было принято. Работы велись очень успешно. Во второй половине 70-х годов появился первый краснодарский рис. Помню сообщение руководства края, что производство риса уже доведено до миллиона пудов, это было только начало.

Дальнейшее наращивание производства зерна за счет увеличения посевных площадей было исчерпано, нет свободной земли. Оставался один путь — повышать урожайность. Удобрений вносили пока мало, объемы их производства были по-прежнему далеки от потребности. Выход был в повышении культуры земледелия, совершенствовании ее системы, в выведении новых, более эффективных сортов.

Возникла необходимость тщательно изучить работу селекционеров. Полученные материалы послужили основанием для проведения совещания селекционеров России. Совещание состоялось в Краснодаре, где существовал крупный селекционный центр. Ученые рассказали, над чем работают, какие возникают трудности, почему новые сорта создаются очень долго, а потом подчас не внедряются в производство.

На совещании было много интересных сообщений, предложений и проектов, главная же мысль состояла в том, что увеличение производства зерна в нынешних условиях возможно только за счет повышения продуктив-

ности. Нужны новые сорта высокого качества. Это главным образом зависит от селекционеров. Правительство готово сделать все возможное, чтобы устранить трудности в работе.

Причем важно добиться не только увеличения производства зерна, но и овощей, фруктов, чтобы улучшить структуру питания. Было решено больше производить овощей и фруктов в южных регионах страны, а Астраханскую область превратить во всероссийский огород. Чтобы резко повысить производство помидоров, арбузов, ранней капусты, в Астраханской области были проведены большие мелиоративные работы. Теперь область могла обеспечить ранними овощами Москву и Московскую область, Ленинград и Ленинградскую область и другие промышленные центры России. Стоит отдать должное трудящимся области, производство овощей, бахчевых культур росло там из года в год. Самой сложной оказалась проблема доставки этой продукции. Самый простой и дешевый способ — речным транспортом, на баржах. Но для этого требуется слишком много времени. От Астрахани до Москвы—12 суток. Автотранспортом — дорого и тоже не так быстро. А овощи и фрукты — продукция скоропортящаяся, тем более в жаркое время года. Поэтому лучше всего доставлять ее самолетами, но это дорого, а повышать розничные цены недопустимо.

Собрали в Совмине руководителей и специалистов Министерства речного флота России. Стали думать, как сократить время прохождения караванов с баржами от Астрахани до Москвы минимум в два раза. Решили также провести переговоры с ГДР на предмет изготовления специальных речных судов для перевозки скоропортящихся грузов.

Разрешили всем получателям продукции закупать ее прямо на поле и перевозить своим транспортом. Такие меры сказывались положительно, но до конца проблему

не решали. Большие надежды мы возлагали на получение судов из ГДР.

Речное министерство России было самым мощным в Союзе, выполняло огромный объем перевозок для всей страны. Располагало парком кораблей «река — море» и могло доставлять грузы во многие страны мира. Выполняло это министерство и большой социальный заказ — перевозку населения, имело прекрасные суда, на которых люди могли провести отпуск, посмотреть исторические места своей родины. Продолжительность круиза не ограничена, а цены невысокие. Хорошо знаю, что путевки для отдыха на речных пароходах раскупались на год вперед. Мы каждый год покупали новые пассажирские суда, но не успевали за спросом, а ГДР не могла поставить больше кораблей — не позволяли производственные мощности. С каждым годом качество, комфортабельность судов росли. Отдыхающие были довольны. Министерство речного флота играло решающую роль также в работе по завозке грузов на Север.

* * *

Но была еще одна проблема в овощеводстве — уборка урожая. Как известно, сбор овощей — дело трудоемкое. Процесс этот, по существу, нигде в мире не механизирован. Какой тут может быть выход из положения? Обратились к молодежи, главным образом к студенческой. Ребята с удовольствием откликнулись на этот призыв. Создавались студенческие отряды, ехали в Астраханскую и другие южные области. Труд, конечно, нелегкий, но и заработок был. На сборе урожая ребята иногда задерживались до середины сентября. Помогали также работники городских предприятий и организаций.

Многие знают по собственному опыту, что студенческая молодежь на период каникул отправлялась рабо-

тать на стройки. Ехали по личному желанию. Энтузиастов было всегда больше, чем заявок на прием в строительные отряды. Секретари ЦК ВЛКСМ почти ежегодно обращались ко мне с просьбой увеличить количество мест. Большинство отрядов работало на стройках вдали от Москвы. Где только я не встречался летом со студентами — в Норильске, на БАМе и даже на Дальнем Востоке. Это была замечательная возможность для молодежи побывать во всех краях нашей огромной страны. К тому же ребята там прилично зарабатывали, хорошо питались и весело проводили свободное время. В отрядах объединялись представители всех национальностей Советского Союза. Работа в строительном студенческом отряде была прекрасной школой воспитания интернационализма. Добавлю, что в отряд брали не скопом всех желающих, а вели индивидуальный отбор.

Работа студентов во время каникул на стройках, и не только на них, была названа третьим трудовым семестром.

Разве может молодежь 70-х годов забыть, как в назначенный летний день на площади Ярославского вокзала Москвы они в защитной форме выстроились в стройные ряды? Это был первый отряд комсомольцев, который по путевкам, врученным XVII съездом ВЛКСМ, собрался для отправки на строительство новой Байкало-Амурской магистрали. Съезд передал им и свое знамя как гарантию поддержки со стороны всего многомиллионного комсомола.

Молодежь 70-х годов не искала легких путей, она с честью и достоинством приняла эстафету своих дедов и отцов; которые возводили Магнитку, ДнепрогЭС, Турксиб — тысячи ударных строек в период индустриализации, а затем восстановления разрушенного фашистами народного хозяйства.

Романтика и задор молодости превращались во вполне конкретные тонны металла, километры новых дорог.

Кроме БАМа в стране было 139 всесоюзных комсомольскихстроек. Все они перевыполняли планы, внедряли новые достижения науки и техники. Не имели недостатка в молодых и в то же время высококвалифицированных кадрах.

За тридцать с лишним лет учебу в третьем трудовом семестре прошли более 25 млн. человек. Студенты построили около 100 тыс. домов, железных дорог общим километражем от Москвы до Владивостока. Принесли стране к началу 90-х годов более 5 млрд. рублей прибыли.

Лозунг стройотрядовцев — «Строим дороги, строим дома, строим себя» — был привлекателен не только для советских граждан. Был случай, когда загадочный энтузиазм и восторженные отзывы студентов-иностранцев повлияли на американского посла, и он написал письмо с просьбой включить в состав студенческого строительного отряда своего сына.

К великому сожалению, доброе дело молодежи прекращено. Почему? Думаю, причина чисто политическая — боязнь молодежных организаций. Появившиеся в 2000 году ростки студенческих отрядов не находят поддержки ни у властей, ни у строительных организаций, ни у администрации вузов, ни у руководителей городов. «Не ко времени, — говорят, — безработица оставила не у дел лучшие квалифицированные кадры, а тут еще вы со своей инициативой». Представители некоторых строительных организаций рады возможности использовать студенческий труд при том условии, что платить они за него будут лишь 40% зарплаты профессионалов.

За годы перестройки и реформ не только разрушили одну из лучших форм трудового воспитания молодежи, но и вылили на нее ушаты лжи и грязи. Сейчас можно услышать, что создавались студенческие отряды не на добровольных началах, а путем принуждения. Со всей ответственностью заявляю, что это циничная ложь. Надеюсь,

читатель простит меня за это лирическое отступление, но я действительно с огромным удовольствием вспоминаю веселую эпоху студенческих строительных отрядов.

* * *

В начале 70-х годов в руководстве Совета Министров произошли изменения. В 1974 году мой первый заместитель Алексей Михайлович Школьников был назначен председателем Комитета народного контроля Союза ССР. Позже один из заместителей был направлен торгпредом во Вьетнам.

Вместо выбывших товарищей были назначены другие. В 1975 году первым заместителем предсовмина был назначен Воротников Виталий Иванович, до этого работавший первым секретарем Воронежского обкома партии. В 1976 году заместителем предсовмина был назначен Казаков Василий Иванович, работавший до этого председателем Ленинградского горисполкома, очень порядочный и деловой человек. В 1979 году мой первый зам по вопросам сельского хозяйства, рьяный сторонник специализации, тоже был назначен на более высокий, самостоятельный пост — министром мелиорации и водного хозяйства Союза ССР. Вместо него в этом же году первым моим замом по сельскому хозяйству был назначен Лев Борисович Ермин, работавший до этого первым секретарем Пензенского обкома, тоже стоявший на позициях специализации в сельскохозяйственном производстве.

При кадровых перестановках не обходилось без казусов. Было это в 1979 году. Я находился на отдыхе в Сочи. Мне позвонил Воротников и сказал, что он только что вернулся от М.А. Суслова, который предложил ему поехать послом на Кубу. «Для меня, — говорит, — это большая неожиданность». Спрашиваю, что он сказал Суслову. Отвечает невнятно, якобы дал понять, что ему не хоте-

лось бы менять работу, но, мол, Суслов твердо сказал, что ему предлагается очень важная работа. Надо ехать работать послом. И на этом разговор закончился. Со мной это предложение согласовали? Поэтому для меня это не полная неожиданность. Знаю, что некоторое время назад по просьбе А.А. Громыко было принято Постановление Политбюро ЦК КПСС о направлении на постоянную работу в Министерство иностранных дел некоторого количества ответственных партийных и советских работников. После этого позвонил секретарь ЦК И.В. Капитонов и спросил, кого я мог бы рекомендовать из состава правительства России на дипломатическую работу. Я ответил, что по своему опыту и подготовке есть такие, но все они в таком возрасте, что заново начинать им трудно.

Я сказал Воротникову, что сейчас же позвоню М.А. Сулову.

Позвонил. Рассказал Сулову о звонке Воротникова. Он удивился, почему он жалуется. Сказал, что он сразу согласился. Пусть едет, и не разговаривайте с ним больше на эту тему.

Через некоторое время в здании ЦК в коридоре мы встретились с К.У. Черненко, который поинтересовался, отправляют ли Воротникова на Кубу. Я ответил, что вроде отправляют. Черненко ответил, что правильно, так как двух председателей в одной республике не может быть. Для меня это было крайне неожиданно.

Услышал такое впервые. Не подозревал, что Воротников мог где-то выступать как Председатель Совмина. Думаю, что, поскольку он постоянно присутствовал на заседании Президиума Совмина Союза, представляя правительство России, могли возникнуть какие-то соображения у наших «гадалок». До меня, правда, доходили разговоры, что Воротников иногда превышал свои полномочия, не давал высказать мнение, когда обсуждались чисто отраслевые вопросы. Соответствующие выводы я сделал, под-

корректировал его функции, чтобы он не мог ущемлять права и обязанности отраслевых заводов. Но разговоров, что Воротников действует как Председатель Совмина, я ни от кого не слышал. Черненко, видимо, имел какую-то информацию об устремлениях Воротникова.

Послом на Кубе Воротников работал около двух лет. В этот период Кубу посетил К.У. Черненко. В 1982 году Воротникова отзывают и направляют в Краснодарский край первым секретарем крайкома, а в июне 1983 года назначают Председателем Совмина РСФСР. Досужие люди утверждают, что такое головокружительное продвижение — результат пребывания на Кубе Черненко, где он был обласкан и очарован послом Воротниковым. Может быть и так.

* * *

Новый первый мой зам по селу Л. Ермин пришел работать, когда сельское хозяйство уже управлялось по новой структуре. Проработав не один год, мы утвердились в мысли, что идем правильным путем. Были мнения, что два или три объединения созданы напрасно, они мелкие и вряд ли приживутся. Большинство же НПО и ПО развернули работу очень энергично, быстрыми темпами стали наращивать мощности и производство продукции. К числу таких я бы отнес Птицепром, Свинопром, Овощепром, Плодопром, Зверопром.

Характерный пример. В России в то время было 102 совхоза пушного звероводства. Все они находились в подчинении разных управлений Минсельхоза. Был и НИИ пушного звероводства, который не нес прямой ответственности за развитие и внедрение в производство научных достижений и разработок. Все жили сами по себе. Было решено — на базе НИИ образовать научно-производственное объединение пушного звероводства. Все 102 звероводческих совхоза были включены в состав

этого НПО. Начальником НПО был назначен директор НИИ. В первый же год работы НПО делами подтвердило правильность принятого решения. Довольны и сотрудники НИИ, и коллективы зверосовхозов. Научные сотрудники говорили, что создание НПО на базе НИИ явилось прекрасным стимулом к более энергичной творческой работе. НПО пушного звероводства с каждым последующим годом улучшало работу, увеличивало производство пушнины и могло бы в несколько раз увеличить поставки пушнины, если бы не сдерживали трудности по обеспечению потребности в кормах, особенно мяса и рыбы.

Мало кому известно, что основным производителем пушного меха в Советском Союзе, основным поставщиком его на ежегодный аукцион, проводимый в Ленинграде, была Российская Федерация. Вся эта пушнина шла на экспорт. Россия от этого ничего не имела. Когда я узнал об этом, я поставил перед А.Н. Косыгиным вопрос о том, чтобы половина производимой пушнины оставалась в республике для удовлетворения потребностей населения, а также чтобы не менее четверти валютной выручки за пушнину перечислялось России. Вопрос не простой, Косыгин думал над ним и с кем-то наверняка обсуждал. Я настойчиво убеждал Косыгина в том, что наступила пора, когда женщины России тоже хотят носить меховые воротники, головные уборы и горжетки из красивого меха, многие уже подумывают и о приобретении шуб из российского меха. Мужчины хотят носить не только кроличьи меховые шапки. Потребительский спрос на изделия из пушного меха не только появился, он рос не по дням, а по часам. Под большим давлением Косыгин принял решение оставлять в распоряжении России четверть от проданного государству пушного меха. В отчислении валюты нам было отказано.

Пушным звероводством в России занимались многие индивидуальные хозяйства. Мех реализовывали по сво-

ему усмотрению, чем пользовались дельцы и спекулянты. В пику им мы поручили потребительской кооперации заключать с индивидуальными производителями договоры о закупке у них пушнины, причем на очень выгодных условиях. Это позволило дополнительно значительно увеличить количество пушнины и сильно ударило по спекулянтам. Хотя пушнина «левого» происхождения полностью, конечно, не исчезла.

Вскоре в магазинах стали появляться пальто с красивыми воротниками, головные уборы из хорошего меха. Изредка выставляли на продажу меховые манто. Я как-то побывал в новом московском магазине, где увидел пальто из каракулевого меха. Стоимость его была 25 тыс. рублей. Работники магазина меня уверяли, что такое пальто недолго будет висеть, его быстро купят.

Население положительно реагировало на появление изделий из пушного зверька. Спрос поднялся в несколько раз. Сполна удовлетворить его не было возможности, тем более при наших довольно низких ценах, но рост спроса на такие изделия указывал и на рост доходов у населения.

Часть 8

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ГОРБАЧЕВЫМ. РОССИЯ НАКАНУНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

В 1978 году умер Ф.Д. Кулаков. Секретарем ЦК КПСС стал Михаил Сергеевич Горбачев, работавший до этого первым секретарем Ставропольского крайкома. После окончания юридического факультета Московского университета работал на комсомольской работе, а затем на партийной. Видимо, заочно получил сельскохозяйственное образование, но по этой специальности не работал, если не считать работу помощником комбайнера, кажется, у своего отца во время летних каникул. В первый же период работы секретарем ЦК прославился тем, что собрал большое совещание ученых-аграрников, на котором с докладом выступил президент ВАСХНИЛ. По ходу доклада, как мне рассказывали, Горбачев резко прерывал докладчика, а затем дело дошло до того, что прогнал его с трибуны. Случай уникальный и сенсационный, о нем повсюду с возмущением говорили. Если бы это произошло в хрущевский период, такой остроты восприятия не было бы. Но в брежневское, довольно спокойное время такая выходка, да еще в самом начале работы секретарем ЦК, вызвала возмущение.

Сразу после этого совещания президент Сельхозакадемии был освобожден от работы. Вместо него был назначен мало кому известный ученый-аграрник Никонов, работавший директором Научно-исследовательского института в Ставрополье. Учеными-аграрниками такой шаг был

оценен однозначно: Горбачев посадил в ВАСХНИЛ своего человека. Не знаю, давалась ли кем-либо из первых лиц руководства страны соответствующая оценка действиям Горбачева или нет, но ни в Политбюро, ни в Секретариате ЦК этот случай, насколько я знаю, не обсуждался.

Мне стало известно, что Горбачев решил разобраться с существующей структурой управления агропромышленным комплексом. Слов нет, дело нужное. Структура сложилась сложная, даже запутанная, а спросить за конечный результат не с кого. Мне сказали, что сначала будет рассмотрение положения в союзных республиках, а затем уже в масштабе Союза. Поручил Л. Ермину начать необходимую подготовку.

Шел уже 1979 год. Из сельхозотдела ЦК нам сообщили дату и время рассмотрения структуры управления агропромышленным комплексом в РСФСР у товарища Горбачева. Добавили, что делегацию может возглавить Л. Ермин. С ним должны прийти министр сельского хозяйства, руководители «Сельхозтехники», «Сельхозхимии», заводделом сельского хозяйства Совмина.

Мои коллеги, как я знаю, ответственно готовились к этому мероприятию, некоторые принципиальные позиции и детали мы обсуждали коллективно.

Встреча была назначена на первую половину дня. Ближе к середине дня мне позвонил, кажется, Батурин и сообщил, что рассмотрение сорвалось, так как с первых минут начались споры между Горбачевым и Ерминым. Дело дошло до того, что Горбачев стал оскорблять Ермина. Последний до такой степени был унижен, что расплакался. Горбачев закончил тем, что поручил нашу концепцию с учетом высказанных им замечаний доложить вторично.

Когда ко мне зашел Ермин, вид у него был удрученный. Сказал, что «рассмотрения как такового и не было. Горбачев сделал только одно конкретное замечание по структуре управления, что в нашей системе НПО и ПО есть мелкие производственные объединения, которые себя не

оправдывают. На этом и построил критику, а точнее, разнос. наших объяснений не слушал. Дошло до оскорблений. Это какой-то ужас! Я такого не ожидал». Сказал, что больше к нему не пойдет.

Я постарался его успокоить, не принимать так близко к сердцу. Все, мол, утрясется. Попросил завтра зайти ко мне со всеми документами. Еще раз все посмотрим, и на второй заход с докладом во главе группы пойду я.

На следующий день предложил Ермину сократить число объединений на две или три единицы и на этом закончить работу над структурой. Это, кстати, те самые два или три объединения, в создании которых мы и сами сомневались, и не скрывали этого. О наших сомнениях стало известно сельхозотделу ЦК. На этом была построена негативная оценка организации агрокомплекса РСФСР.

В назначенное время я со своими аграрниками пришел к Горбачеву и доложил, что мы решили сократить число объединений, объяснил почему. Горбачев согласился, больше замечаний у него не было. Разговаривал он с нами по-доброму. Вся встреча продолжалась не более 15 минут. Все мои спутники были страшно удивлены и задавали один и тот же вопрос: что произошло с Горбачевым? Почему он из рыкающего зверя превратился в такого доброго, приветливого человека?..

Но это мелочи после всего того, что он сделал с великим Советским Союзом. Думаю, что в силу содеянного им тяжкого преступления он, конечно, войдет в историю как величайший разрушитель — Герострат XX века. Люди будущего будут с изумлением думать, как такой человек мог оказаться на самой вершине государственной и партийной власти. Вот именно это следует признать главной ошибкой в кадровой политике партии, а заодно понять, что цена такой ошибки может стать решающей и непоправимой. Недаром Сталин сказал, что кадры решают все.

Горбачева лично я знал плохо. Один раз в период его работы первым секретарем крайкома был в крае. Вместе

с ним побывали на некоторых предприятиях, в колхозах и совхозах. Он показывал племенных баранов меринской породы. Овцеводство на Ставрополье было очень богатое по количеству поголовья и породистости.

В целом Горбачев не произвел впечатление человека, хорошо знающего сельское хозяйство, экономику или что-то другое. Но поговорить умел, используя общую фразеологию. С таким «балансом» он и приехал в Москву.

* * *

Несмотря на неожиданный горбачевский наскок и критику, новая структура управления аграрным комплексом России успешно развивалась, а производственные специализированные объединения становились надежными и прочными управленческими звеньями, завоевывали авторитет. Во главе объединений появились ученые со степенями кандидата и доктора сельскохозяйственных наук (Омская область — объединение «Омский бекон», Калининский свинокомплекс и другие, всех не перечислить). К слову, таких руководителей калачом не заманишь перейти в управленческую структуру даже в Москву.

Специализация закономерно создает отряд профессионалов, в совершенстве знающих свое дело, обладающих не только профессиональными знаниями, но и высокой производственной культурой и дисциплиной. Почему? Потому что состав их стабилен, их систематически учат всему новому и передовому. Кто полюбит выбранную профессию, тот и закрепляется, и дорожит своим рабочим местом. Ох, как это важно, особенно в животноводстве. С временщиками, случайными людьми далеко не уедешь. Кадры, кадры и еще раз кадры.

При старой структуре управления повсюду, на каждом перекрестке говорили и кричали о внедрении в производство достижений науки и передового опыта, а на

деле мало что менялось. При новой структуре управления руководители специализированных предприятий и объединений, узнав о новинке, немедленно стараются внедрить ее у себя. Почему? Да потому, что им не надо ждать приказа сверху, они располагают финансовыми и материальными ресурсами. Они сами хозяева.

Постепенно крупные животноводческие и другие специализированные хозяйства стали превращаться в научно-производственные. У них появилась необходимость и возможность заниматься прикладной наукой, племенным делом, ветеринарией.

Бывая в таких хозяйствах, я с огромным интересом слушал специалистов, восхищался их увлеченностью и знанием дела, получал от них заряд оптимизма и уверенности. Становилось очевидно, что мы нашли оптимальную структуру управления сельхозпредприятиями, которую к тому же можно постоянно совершенствовать. Переход к специализированной системе занял не один год. Много было трудностей с преодолением сложившихся традиций, опыта и привычек; нелегко решались вопросы подведения материально-технической базы под специализацию. Но все эти вопросы были связаны с ростом, с развитием. Они были преодолимы.

Я совершенно убежден, что если бы России было позволено интенсивно поработать над подъемом села еще 7—10 лет, к 2000 году оно было бы надежно обустроено не только производственными объектами, но жильем и соцкультбытом, электрифицировано, газифицировано и телефонизировано. Появились бы на селе повсюду хорошие дороги и благоустройство. Россия стала бы производить сельхозпродукции столько, сколько требуется для полного удовлетворения потребности россиян, и даже продавать излишки.

В этом уверены многие, кто знал положение дел в сельском хозяйстве РСФСР в 70-е и 80-е годы.

Прошло много лет после событий, о которых я рассказал. Свершилась так называемая перестройка, бросившая Россию в пропасть разрухи и развала. Теперь, чтобы выбраться, потребуется колоссальное напряжение сил всех народов России и не одно десятилетие.

В 1996 году в честь Дня Победы премьер-министр Виктор Степанович Черномырдин устроил встречу с бывшими председателями Совминов СССР и РСФСР и их замами. Я был на ней. После короткой беседы он пригласил нас пообедать. В разговоре за столом Черномырдин проявил интерес к тому, как проходило строительство Дома Советов РСФСР. Я рассказал и особо подчеркнул, что в строительстве принимали участие представители всех автономных республик, краев и областей России. В сквере у Дома Советов посажены деревья, завезенные тоже из всех регионов страны, но таких пород, которые могут прижиться в московском климате. После обеда Черномырдин предложил мне посмотреть «свой» кабинет. Я с удовольствием согласился.

Проходим через приемную. Я вижу на полу не ковер, а квадратное полотно грязно-вишневого цвета. Ранее здесь лежал очень красивый ковер в чисто русском стиле. Я невольно произнес, что раньше здесь лежал другой. Черномырдин ответил, что этот ковер турецкого производства. В кабинете, конечно, другая мебель. При мне стоял длинный стол и в торце маленький рабочий, покрытые зеленым сукном. Теперь установлены новые столы с инкрустацией и полированные. Глубокие мягкие кресла черного цвета. В мою бытность стояли стулья со спинкой и полумягкими сиденьями. Мебель была изготовлена на одной из мебельных фабрик Москвы именно для этого помещения.

Присели за стол. Я спросил: «Виктор Степанович! Как можно объяснить народу, по какой причине в огромной России за одну ночь катастрофически возросли цены на все виды продукции и услуг и катастрофически упал курс рубля по отношению к доллару? Народ это воспринял как гром среди бела дня. Объяснений происшедшему никто толком не дал».

Он начал что-то несвязно объяснять, а потом произнес: «Заставила необходимость вписываться в мировую систему». — «А что, для вхождения в мировую систему, — спросил я, — следует сначала разрушить свое государство, его систему, политические и общественные институты, экономику, духовность, создать многомиллионную армию безработных и беженцев? Разве нашему народу нужны эти «прелести»?»

Отвечая, Черномырдин пытался как-то смягчить, уменьшить катастрофические последствия перестройки и реформ. Ничего вразумительного он так и не сказал.

* * *

Надо напомнить, что делалось в 70—80-е годы правительством СССР и России в плане выполнения социальных программ для населения. Начнем с медицины. Уже в первой половине 70-х годов в России развернулась работа по значительному увеличению строительства медицинских учреждений. Выделяемых средств не хватало. Призвали местные органы власти перевыполнять планы по строительству медицинских объектов, гарантируя, что в конце года Совмин найдет возможность погасить дополнительные затраты. Просили предприятия и организации независимо от подчиненности находить средства на строительство медицинских объектов. Все это дало хорошие результаты.

За десять лет в республике было построено около 70 медицинских комплексов: больниц на 1000—1200 коек

и поликлиник на 1200 посещений. Помимо этого строилось много небольших больниц и поликлиник, медицинских пунктов. К середине 80-х годов все административные центры автономных республик, краев и областей, а также крупных городов, таких, как, скажем, Магнитогорск, уже имели многопрофильные больницы и поликлиники. Был построен на выезде из Москвы во Внуково-2 целый учебный и научный городок Второго медицинского института. В нем полный комплекс учебных и лабораторных корпусов, базовая больница для взрослых, большая детская больница и поликлиника, а также студенческие общежития и жилье для профессорско-преподавательского состава. Комплекс был подчинен Минздраву РСФСР, и финансирование строительства шло за счет России.

С конца 70-х — начала 80-х годов развернулось строительство медицинских комплексов в городах, районных центрах и крупных населенных пунктах. Медицинское оборудование мы старались приобретать по импорту за счет валюты, которой располагал Совмин РСФСР.

Большой вклад внесли в дело медицинского обслуживания тысячи предприятий. Пожалуй, самый существенный был от военно-промышленного комплекса. Кроме того, предприятия и организации за счет собственных средств и ресурсов строили пансионаты, дома отдыха. Многие имели свои санатории с комплексом лечебных процедур в Сочи, Крыму, Абхазии, Кисловодске. Путевки в них выдавались бесплатно или с большими дотациями.

Правительство и власти на местах должное внимание уделяли улучшению медицинского обслуживания детей. Строились детские больницы и поликлиники, создавались оздоровительные пионерские лагеря, летние садики для детей дошкольного возраста. У родителей появилась возможность провести отпуск в хороших условиях, а детям отдохнуть вдали от города в красивых местах.

Совмин старался всячески поддерживать любые новшества в развитии медицины. Нередко помогали тем, кто был отвергнут медицинскими кругами, в том числе Минздравом СССР.

Одним из таких оказался работавший в Кургане травматолог и ортопед Гавриил Абрамович Илизаров. Он применял новый метод лечения сложных переломов костей, удлинял конечности. В его небольшой клинике я видел, как он совершал эти чудеса, добивался поразительных результатов. Одна молоденькая девушка пришла в клинику на костылях. У нее одна нога была короче другой на 40 сантиметров. Пройдя необходимый курс лечения, она бегает, прыгает, участвует в играх — стала здоровым красивым человеком. Таких случаев много, мне показывали подборки фотографий тех калек и инвалидов, которые поступали на лечение, и счастливых, здоровых людей, выходящих из клиники. Сложность заключалась в том, что клиника у Илизарова маленькая, положить больного некуда. Многие живут на частных квартирах. Но это те, кто может ходить. А ведь много и лежачих, не могущих передвигаться самостоятельно. Желающих лечиться тысячи, в том числе иностранцев.

Убедившись в ценности метода Илизарова, мы решили построить в Кургане крупный травматологический и ортопедический центр с комплексом жилья по индивидуальному проекту. Предоставили Илизарову возможность комплектовать кадры за счет выпускников медицинских вузов. Курганская область сравнительно молодая, в основном сельскохозяйственная. Курган — хотя и областной центр, но условия жизни в нем были малопривлекательны, тем более для высококлассных специалистов такого центра. Это ведь Сибирь. Возводить центр поручили

крупному Челябинскому строительному управлению. Последний раз я был в Кургане, когда заканчивались отделочные работы. Мы постарались обеспечить центр наиболее современным оборудованием и приборами. Предусматривалось отделение для иностранцев.

Илизаров, правда, очень настойчиво доказывал, что центр нужно создавать в Москве или недалеко от Москвы. В Кургане, мол, трудно будет комплектовать кадры. Но мы не согласились. «В Москве и вокруг Москвы высокая насыщенность различными НИИ и центрами, а Сибирь надо поднимать, — убеждали мы Илизарова. — Сумеете обеспечить хорошую работу центра — получите высокое признание, лучшие специалисты встанут в очередь, чтобы попасть к вам на работу». Эти прогнозы полностью оправдались. Проблем с комплектованием штата не было. Не только молодежь, но и опытные специалисты с удовольствием ехали работать в Курган. О центре заговорили не только в Союзе, но и за рубежом. Плата за лечение бралась только с иностранцев. Финансирование велось Россией. Позже было принято решение создать десять филиалов центра.

В 1978 году Илизарову была присуждена Ленинская премия. В 1981-м он получил звание Героя Социалистического Труда. Избирался депутатом Верховного Совета.

* * *

Начиная со второй половины 70-х годов при поездках в глубинку местные руководители старались показывать новые лечебные учреждения, и не только в столицах регионов, больших городах, но в колхозах и совхозах. Они строились, как правило, по местной инициативе и за счет самофинансирования. Создавались медпункты непосредственно на производстве, особенно радовали те, что построены на молочных фермах. Здесь, как правило, работали физиотерапевтические кабинеты по лече-

нию рук доярок. В хозяйствах побогаче медпункты были многопрофильными. Очень важно то, что работа велась не только в центре и поблизости от больших городов, но и в отдаленных местах, где ни в какие времена ничего подобного не существовало.

Все, что делалось в области здравоохранения, было только началом масштабных работ, способных через несколько лет вывести на достойный уровень медицинское обслуживание всего населения России. Приведенные примеры — первые шаги, первые результаты намеченной обширной программы.

С развалом Советского Союза наша медицина оказалась отброшена назад, даже свое производство лекарств не налажено. Закупки приходится делать на Западе и в ограниченных количествах, лекарства очень дороги, а у правительства нет валюты. Раньше население покупало лекарства за мизерную цену или получало бесплатно. Теперь самые необходимые и самые эффективные препараты отпускают только за деньги. Цены же просто ошеломляют. Существой у нас налаженное производство лекарств, можно было бы сохранить многим не только здоровье, но и жизнь. Не приходится удивляться тому, что после 1991 года резко возросла смертность среди всех слоев населения, но особенно ветеранов.

Уровень медицинского обслуживания в настоящее время в России резко упал. К врачам попасть стало труднее. Изменилось в худшую сторону отношение к пациентам. Забыта профилактика — предупреждение заболевания или его развития, на что со второй половины 70-х годов мы нацеливали медиков.

Кстати, на Кубе Фидель Кастро лично показал мне поликлинику и два участка, где, как и везде на Кубе, работают по системе «семейный доктор». На участке врач и медсестра. За ними закреплено определенное количество семей. Врач не только принимает пациентов в здравпункте, но и систематически, без вызова, навещает их на дому.

Это позволяет вовремя предупредить заболевание. Медицинское обслуживание бесплатное.

Мы не копировали кубинский опыт. В России складывался свой, но он был уничтожен реформами.

* * *

Большое внимание в 70-е — начале 80-х годов уделялось таким сферам, как торговля, общественное питание и бытовое обслуживание населения. Основная часть выделенных средств была реализована в региональных центрах и крупных городах. Тут строились большие магазины, столовые, рестораны, кафе. На предприятиях, в совхозах и колхозах столовые создавались за счет самих хозяйств. В заводских столовых специалисты и обслуживающий персонал, привлеченный из районного или городского общепита, работали на таких условиях: предприятию предоставляют помещение, обеспечивают топливом, электроэнергией, всеми коммунальными услугами. Общепит же не делает наценок на питание. Такая практика позволяла иметь довольно низкие цены. Как правило, все работающие охотно пользовались услугами столовой. Профсоюзные организации осуществляли общественный контроль за качеством приготавливаемой пищи, ее ассортиментом, ценами.

В совхозах и колхозах все было свое: и помещение, и электроэнергия, и коммунальные услуги, и обслуживающий персонал. На фермах, полевых станах в период массовых работ — сева, уборки урожая — создавались передвижные формы обслуживания. Приходилось не раз самому обедать в поле в бригадах, ведущих сев, а чаще — уборочные работы. Обеды всегда были сытными, вкусными, свежими.

Сложнее всего было организовать торговлю в мелких населенных пунктах, где проживает менее десятка семей. Таких очень много в Нечерноземье. Выход из положения

был только один — организовать передвижную торговлю на крытых грузовых автомобилях. Подобный магазин приезжает в определенные дни в маленькое село и торгует. Хорошо привилась такая форма, как завоз товаров по заявкам жителей.

Активнее стали развивать в эти годы бытовое обслуживание, в том числе на селе. Создавались мастерские по ремонту одежды, обуви, бытовой техники, химчистки, прачечные. Работали они по такой схеме: представители мастерских принимали на сборном пункте одежду, обувь, технику, требующую ремонта, и отвозили в мастерские. После того как работа была выполнена, привозили на сборный пункт, выдавали заказчику, получали плату. К концу 70-х такая система обслуживания на селе появилась во всех регионах России. Ее следовало расширять по объему и качеству работ, по видам услуг в сельской местности. В городах — по ремонту и уборке квартир, мойке окон и другим услугам.

Этот период я бы назвал периодом массового внедрения бытового обслуживания на селе. Система, конечно, была еще недостаточно совершенна. Но и это вызывало у людей чувство удовлетворения.

На селе стали строить приличные магазины, кафе и даже рестораны. В магазины промтоварного профиля завозили не только изделия отечественного производства, но и импортные. В такие магазины нередко наведывались и горожане, чтобы приобрести что-то из импортных товаров. Импортные товары закупались на основе обменных операций с зарубежными странами или за счет валюты Роспотребсоюза. Причем государство не выделяло ему валюту на эти цели, зарабатывали сами. Путь один — внешняя торговля. Россия через Райпотребсоюз продавала за рубеж излишки некоторых товаров. Но это — мизер против потребности.

Было очень интересное предложение от Японии — продавать им отходы лесной промышленности — обрез-

ки, щепы, стружки опилок и прочее, а также то, что оставалось после санитарной чистки лесов. Все это у нас не используется, гниет, засоряя леса и захламляя территории лесоперерабатывающих предприятий.

Решил позвонить министру внешней торговли Н.С. Патоличеву, мы с ним знакомы с конца 1944 года, он в то время работал первым секретарем Челябинского обкома партии, и мы с ним не раз встречались.

Звоню, объясняю причину обращения к нему. Николай Семенович выслушал и спрашивает: «А ты знаешь, что такое монополия внешней торговли?» Отвечаю, что очень хорошо знаю, но мы ведь собираемся продавать отходы, а не деловую древесину и пиломатериалы, чем торгует ваше министерство, конкурентами вам мы никак не можем стать. В ответ он говорит, что мы должны строго соблюдать условия внешней торговли. Дополнительные объяснения о том, что это исключительно выгодно и, кроме того, поможет очистить леса и дворы предприятий, не помогли. Так разговор и закончился. Квоту нам, правда, немного увеличили, но это не было решением вопроса.

Что делать? На свой страх и риск дал разрешение Райпотребсоюзу продавать отходы в полном объеме заявок. Последствий никаких не было. Видимо, в Минвнешторге этого просто не заметили, ведь мы им не мешали торговать ни кругляком, ни пиломатериалами.

* * *

Необходимо упомянуть и о развитии образования в нашей стране. Большевики пришли к власти в 1917 году. В наследство они получили страну, где 90% населения не умели читать. Даже окончивших начальную школу было совсем немного. Среднее образование для абсолютного большинства россиян было недоступно. Высшее же имели возможность получить только представители обеспеченных кругов.

Чтобы поднять Россию из руин и превратить ее в мощную высокоразвитую державу, требовалось не только подготовить своих специалистов, но и ликвидировать неграмотность населения в самые сжатые сроки. Но именно образованных кадров не было. Приходилось привлекать даже школьников, начиная с четвертого класса, которые во время каникул или вечерами становились учителями для взрослых.

Это была середина 20-х годов. После окончания третьего класса я тоже стал учителем. Мои ученики по возрасту годились мне в папы и мамы, дедушки и бабушки. Именно среди них была и моя мама. За эту работу мне заплатили 21 рубль. Это был мой первый заработок.

К 1970-м годам в России уже не было неграмотных. Большинство населения имело высшее и среднее образование. Многие союзные республики из числа ранее отсталых окраин по уровню образования обошли Россию, и только потому, что она сама им в этом помогала. Во всех российских вузах обучались представители других союзных республик. Им выделялись квоты для поступления на льготных условиях. В некоторых институтах, где наиболее высокий конкурс, принимали в первую очередь по квоте, а местным, российским, отказывали, хотя они выдерживали вступительные экзамены. Особенно острым этот вопрос был в Москве и Ленинграде, и, конечно, в престижных вузах. Представителей братских республик, как тогда говорили, вежливо пропускали вперед. Наука, все виды образования в союзных республиках развивались при огромной и безвозмездной помощи со стороны России.

Теперь они объявили себя суверенными и независимыми странами и нередко величают россиян оккупантами, эксплуататорами. Если бы была возможность подсчитать все затраты, которые вложила в развитие «оккупированных» республик Россия, то, думаю, ни одна из них не смогла бы рассчитаться за это всем своим состоянием.

К 1970 году в России было около шестисот вузов: университеты, академии, высшие учебные заведения различных профилей. Среди вузов были ведомственные: у Минздрава, Минпроса, Минкультуры, Министерства путей сообщения и др. В системе высшего образования училось более 4 млн. человек.

В общеобразовательных школах обучалось 25 млн. человек. Правительство республики в пределах своих полномочий делало все, чтобы обеспечить высокий уровень среднего образования и воспитания новых поколений.

Советская система среднего образования являлась лучшей в мире. Это признавали специалисты Америки и Европы. Сейчас в результате разрушительных реформ более 2 млн. детей вовсе не посещают школу. После 8-летнего образования многие бросают учебу и не находят себе места в обществе.

* * *

Несомненно, одной из главных задач правительства РСФСР было развитие и совершенствование материально-технической базы школьного образования. Была поставлена задача увеличить объемы строительства школ, особенно в тех районах, где занятия проводили в три и две смены. Строители и местные власти установили негласный порядок — вводить в эксплуатацию школьные здания к началу учебного года — к 1 сентября. И этот закон соблюдался повсюду.

Правительству удалось добиться регулярной, в полном объеме доставки в школы всех учебников. Их стали печатать на более качественной бумаге, с цветными рисунками. Учебников приходилось издавать больше нашей потребности — нас обязали обеспечивать ими все союзные республики, а также страны социалистического со-

дружества. Сложнее было заменить устаревшее лабораторное оборудование. Но и эта задача решалась. Многое тут зависело от настойчивости и расторопности руководителей школ и местных властей.

В первые же месяцы работы Председателем Совмина я стал получать письма от родителей и учителей, критиковавших школьную форму за цвет, качество материала и пошив. Решили объявить конкурс на разработку школьной формы. Через несколько месяцев были изготовлены образцы новой формы в нескольких вариантах. Условились, что в определенный день мы всем составом Президиума посмотрим образцы. Посмотрели, остановились на определенных моделях, но со многими замечаниями. Через некоторое время нам показали доработанные образцы. Их можно было уже показывать представителям школ, педагогической науки, родителям и школьникам.

Несмотря на неизбежную разноголосицу, выбор моделей новой школьной формы состоялся. Текстильщики и швейники сделали все, чтобы школьники хотя бы двух городов, Москвы и Ленинграда, в первый день учебного года пришли в школу в новой форме.

К следующему учебному году все школы России были полностью обеспечены новой формой. Стоимость ее была несколько выше прежней. Но дополнительные расходы были невелики. Их мы приняли в бюджет республики. Родители не пострадали. Многие союзные республики последовали за нами, введя у себя такую же форму.

После развала Советского Союза школьная форма была отменена. Ее нельзя было отменять, это ошибка. Форма в определенной степени — воспитательный фактор, приучает к дисциплине и опрятности.

Огромное значение имеет работа с детьми в период летних каникул. В советское время этому уделялось большое внимание.

Численность детей, отдохнувших в пионерских лагерях (загородных, городских, колхозных, школьных), в тыс. человек:

	1970	1980	1985	1986
СССР	8806	19 085	14 473	14 444
РСФСР	5377	6695	7838	8127

С начала 1990-х годов и эта система стала усердно разрушаться. Поэтому в летнее время абсолютное большинство детей предоставлены сами себе и улице. К чему это приводит, хорошо известно. «Новые русские» уезжают с детьми отдыхать в Турцию, Грецию, на Кипр, Багамские острова и другие привлекательные места. Они могут позволить себе такую роскошь. Дети же простого народа, абсолютного большинства населения, бедствуют, как и их родители.

* * *

Высшая школа России готовила прекрасных специалистов. Это признавали в Америке, в европейских странах. Позволю себе привести некоторые цифры, показывающие темпы развития образования, науки, культуры за 70 лет существования Советской власти. Делаю это потому, что представители «демократов» из кожи вон лезут, чтобы очернить, оболгать весь этот славный период в жизни России, всего Советского Союза.

В 1940 году в СССР было 817 высших учебных заведений, студентов в них — 811,7 тыс. человек. В 1986 году — 896 высших учебных заведений и студентов — 5147,2 тыс. человек.

На 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, имели высшее и среднее (полное и неполное) образование: в 1939 году—108 человек, 1986 год — 883 человека.

За 1918—1986 годы среднее (общее и специальное) образование получили 116 млн. человек, из них 89,6 млн. окончили средние общеобразовательные школы, 19,7 млн. окончили техникумы и другие специальные учебные заведения и 6,7 млн. человек — средние профессионально-технические училища.

В стране осуществлялось всеобщее среднее образование молодежи. Из числа получивших среднее образование в 1968 году продолжили обучение в дневных отделениях учебных заведений и на различных курсах — 44,8%. Поступили на работу в народное хозяйство — 55,2%. В 1986 году соответственно — 60,5% и 39,5%.

Научно-технический прогресс требовал непрерывного повышения уровня знаний специалистов, а следовательно, повышения качества профессорско-преподавательского состава. Большое значение тут имеет участие в научно-исследовательской работе, над кандидатскими и докторскими диссертациями. Именно так в науку приходит наиболее талантливая и активная молодежь.

В советские времена не существовало проблем с трудоустройством ни выпускников средних школ, ни молодых специалистов, окончивших техникумы и высшие учебные заведения. Больше того, каждый из них получал направление на работу на соответствующее профилю предприятие или организацию. Для выпускников средних школ предприятия бронировали определенное количество мест и не имели права отказать в приеме на работу. Такой порядок был установлен решением директивных органов власти.

Теперь этот порядок отменен. Реформы, разрушившие нашу экономику, вынудили многих уехать в развитые зарубежные страны. Выпускники школ и других средних и высших учебных заведений получают документ об образовании и волю вольную — куда хочешь, туда и иди. Но беда в том, что при такой огромной безработице, которая

образовалась с начала разрушительных реформ, выпускникам любых учебных заведений поступить на работу по своей специальности очень трудно. Молодые образованные люди вынуждены идти на любую работу, лишь бы как-то прокормиться. Отчаявшиеся начинают заниматься спекуляцией, воровством, разбоем, пополняют ряды наркоманов, проституток и даже бомжей. Такова наша «демократия»...

Что касается собственно России, то при советской власти она уже в 60-е годы вышла на приличный уровень подготовки специалистов с высшим образованием для своих потребностей. Поэтому новые вузы создавались редко и, как правило, по самым новым направлениям. Например, во второй половине 60-х годов появилась необходимость создать в ряде регионов институты культуры. Объяснялось это недостатком специалистов этого профиля.

Мне довелось принимать участие в создании такого института в Ростове-на-Дону. В 1965 году (я тогда работал в Ростове) мы обратились в республиканское и союзное министерства с предложением создать в Ростове институт культуры. Нам ответили, что это возможно при условии, если мы предоставим помещение, подберем преподавателей. И еще одно — институт должен готовить кадры не только для Ростовской области, но и для всего Северного Кавказа. Мы, в свою очередь, поставили одно условие — институт создавать с перспективой преобразования его в консерваторию. С нами согласились.

В центре Ростова подобрали большое и красивое здание, освободили его от различных контор, поставили на реконструкцию. Кадры тоже были — много прекрасных артистов и режиссеров работали в драматическом и музыкальном театрах, филармонии, цирке, ансамбле песни и пляски донских казаков, имелись театры в других городах области и большая самодеятельность. Открыли институт в 1966 году. Первый прием был небольшим, а конкурс очень высоким. Новый вуз начал работать и развиваться.

Уровень культуры человека во многом определяется его положением в обществе, отношением к труду, к семье, правовым порядкам и сложившимся в обществе традициям и устоям. Это положение особенно важно в такой стране, как Россия, где более ста национальностей и народностей. У каждого народа своя культура, самобытность и традиции. Очень важно найти правильные пути дальнейшего развития культуры России, не ущемляя при этом национального своеобразия даже самого малого народа, а, наоборот, обогащаясь за счет этого великого разнообразия.

Россия располагала значительным количеством учреждений культуры, но требовалось гораздо больше, особенно недоставало их в малых городах, рабочих поселках и на селе. При этом надо иметь в виду, что в годы Великой Отечественной на оккупированной территории было уничтожено и разграблено большинство объектов культуры. Не хватало прежде всего помещений. Немало учреждений культуры ютилось в ветхих и недостаточно благоустроенных зданиях. Недоставало современных музыкальных инструментов, различных видов спецоборудования. Правительство России внимательно следило за освоением средств, отпущенных на культуру, выделяло дополнительные деньги за счет резервного фонда Совмина, всячески поддерживало инициативу местных властей, руководителей предприятий.

Постепенно положение выправлялось, но не так быстро, как бы нам хотелось.

Число клубных учреждений в 1940 году составляло 74,1 тыс., а в 1986-м — 76 тыс. Число киноустановок в 1940-м — 28 тыс., в 1986 году — 84,4 тыс.

Число массовых библиотек:

В 1940 году — 56,1 тыс., с количеством книг—123,5 тыс. экземпляров.

В 1986 году — 62, 8 тыс., с количеством книг 144,5 тыс. экземпляров.

Число театров в СССР:

1940 год — 908, число посещений — 84,2 млн.,
1986 год — 640, число посещений—126,0 млн.

Число музеев на конец 1940 года было 991, в РСФСР — 592. На конец 1986 года их стало в СССР — 2021, в том числе в РСФСР—1001. Число посещений: в СССР в 1940 году — 34,3 млн. человек, в 1986 году—195,8 млн. человек. В РСФСР: в 1940 году — 25,1 млн. человек; в 1986 году—114,1 млн. человек.

Кружков художественной самодеятельности Министерства культуры СССР и профсоюзных организаций было (тысяч):

1970 год — 440,

1986 год — 707.

В 1986 году во всех кружках самодеятельности участвовали 30 млн. человек, что составляет 10% всего населения Советского Союза и говорит об огромном стремлении граждан повышать свой культурный уровень, дарить людям хороший отдых, приобщать к достижениям культуры, народному искусству.

Комитета по кинематографии в России не было, так как в подчинении республики находилось только две киностудии: в Москве крупная киностудия им. Горького большой мощности, студия документальных фильмов и строящаяся в Свердловске киностудия по производству художественных фильмов. Правительство решило в сжатые сроки закончить строительство, а к работе киностудия приступила, не ожидая его завершения. Как показала жизнь, решение было правильным. Первый фильм этой студии вышел на экраны страны во второй половине 70-х годов. Строительство было закончено полностью к 1980 году.

Главная и самая ответственная задача всех, кто занимался культурой, — это актуальность тематики, ее воспитательный характер, недопущение на подмостки театров и на экраны кино халтуры, пошлости, порнографии. Правительство не имело никакого цензурного органа. Качество спектаклей, кинокартин определялось художественными советами, которые состояли из мастеров высокого класса.

Работа с учреждениями культуры требует постоянных контактов Министерства культуры и правительства с творческими работниками, посещения спектаклей, концертов и т.д. Важно увидеть все своими глазами, чтобы уяснить трудности и проблемы, с которыми сталкиваются коллективы. Деятели культуры тоже стремились прийти на прием в ЦК КПСС, в правительство республики. Старался находить для них время.

Абсолютное большинство объектов культуры России находилось в подчинении Министерства культуры России. Такие, как Большой театр, МХАТ, Театр Советской Армии, отдельные ансамбли, подчинялись союзному министерству. Почему возникло такое деление, трудно сказать. Внятных разъяснений не слышал. Совершенно ясно, что ни один коллектив, работающий в любой республике, в том числе и в России, не может существовать без внимания со стороны властей. Мы не делили учреждения культуры на свои и чужие. Всех принимали, всем старались помочь.

Я рассматривал просьбы артистов Большого театра. Народный артист СССР Иван Семенович Козловский на встрече в Большом театре попросил помочь решить вопрос о передаче из Франции в Россию праха Ф.И. Шаляпина. Я помог это сделать. Продолжительная и полезная беседа была с Еленой Образцовой.

Особенно теплые отношения сложились у меня с выдающимся артистом и режиссером Евгением Семеновичем Матвеевым. Он не раз обращался ко мне для решения самых разных вопросов, но никогда личных. Всегда деловит, принципиален и в то же время постоянно готов пошутить и отозваться на шутку — редкое и очень приятное сочетание. Не терпел лжи и угодливости. Всегда, даже в самых невыгодных для себя ситуациях, «резал правду-матку». Регулярно посещал приемы, которые устраивал Совет Министров России для вручения Государственных премий деятелям науки, культуры, искусства.

Однажды на одном из таких приемов он признался, что любит на них бывать: тут собирается масса замечательных людей со всех концов России, где еще такое увидишь! «Но хочу покритиковать вас вот за что, — Матвеев сделал выразительную паузу, — мало приглашаете женщин». — «Тут я не виноват, Евгений Семенович, — ответил я. — Мне доверено только вручать премии, а приглашения рассылает мой заместитель по науке и культуре Кочемасов, это с ним надо поговорить».

Очень люблю Мариинский театр. Как-то я приехал в Ленинград на совещание ректоров высших учебных заведений республики. В день приезда мне позвонили из Мариинского театра и попросили зайти к ним. После шести часов вечера в театре состоялась встреча с директором театра и главным балетмейстером Виноградовым. Речь шла о том, что с приходом нового главного балетмейстера театр стал отступать от классического стиля. Виноградов горячо доказывал, что меня неправильно информировали. И если я приду на концерт выпускников балетной студии, то сам смогу в этом убедиться. Мы приехали с Зайковым. Танцевали выпускники прекрасно, с большим подъемом. После концерта состоялся разговор о направлении, в котором развивается балетное искусство театра. Высказались многие высококлассные мастера балет-

ного искусства. Я оценил выступления как зритель. И у меня сложилось впечатление, что мы смотрели классический балет высочайшего класса. Мы попросили руководителей театра поздравить выпускников с окончанием учебы и поблагодарить за огромное удовольствие, которое они нам доставили.

Не уходит из памяти встреча и беседа с группой талантливых и уважаемых актеров Театра им. Вахтангова. Михаил Ульянов, Юлия Борисова, Василий Лановой... — всего восемь человек пришли ко мне в связи с предстоящим 50-летием со дня образования театра. Было несколько вопросов, но главные из них: награждение театра орденом, присвоение группе артистов звания народных СССР и РСФСР, заслуженных России, материальная помощь в проведении торжества. Разговор шел не только о предстоящем юбилее, но и о том, с чем пришел театр к знаменательному событию, каковы планы на будущее. Правительство республики постаралось, чтобы вопросы были решены положительно. Вахтанговцы заслужили это. По ходатайству Совмина России театр был удостоен высокой государственной награды. Появились новые народные артисты СССР, народные и заслуженные артисты Российской Федерации. Коллектив театра был доволен проявленным к нему вниманием.

Известный дирижер Евгений Федорович Светланов просил помочь с решением его квартирного вопроса. Дело в том, что типовая, даже очень хорошая квартира ему не подходила, так как нужен был зал, где могли разместиться два рояля. Моссовет занимался поиском подходящего помещения, но для этого нужно было провести какие-то расселения. Дело затягивалось, и Светланов нервничал. Я разъяснил ему, в чем причина задержки, и пообещал следить за этим делом. Новых встреч, к счастью, не понадобилось, через некоторое время Светланов въехал в новую квартиру.

Встречи и беседы с деятелями культуры были необходимы потому, что Совет Министров отвечал напрямую за деятельность творческих Союзов РСФСР: Союза писателей, Союза художников, Союза композиторов, Всероссийского театрального общества. В других союзных республиках ими занимались больше всего Центральные Комитеты партий республик. В РСФСР, как известно, такого органа не было. Нашими союзами в определенной мере занимался Отдел культуры ЦК КПСС. Но это совсем другое дело. Там главное — идеология. Совет Министров стремился не упускать из поля зрения направленность в работе творческих союзов, но на его плечах лежала забота о материальных проблемах, условиях жизни и быта членов союзов и многое другое.

В каждом Союзе объединялись талантливые и образованные люди, умеющие самостоятельно думать, критически относиться к работам своих коллег и ко всему, что происходило вокруг. Были и недовольные, и обиженные, и просто несогласные с деятельностью партии и советов, особенно по таким вопросам, как права человека, свобода слова и творчества. Возмущались критикой или запретом выхода в свет некоторых кинокартин, спектаклей, наличием партийной цензуры, отсутствием объективной оценки их трудов. При этом они забывали, что первыми, кто выносил вердикт по каждому новому произведению, были те творческие союзы, членами которых они являются, их товарищи по профессии.

Чаще напряженные ситуации возникали в Союзе писателей, причем перед съездами писателей как России, так и Союза ССР. Причины — борьба за власть и самостоятельность. Какая-то часть московских писателей вынашивала идею выйти из подчинения Российского Союза и быть в прямом подчинении Союза писателей СССР. Го-

рячие головы шли дальше — быть самостоятельной организацией, не входить ни в какие вышестоящие писательские организации. Отголоски подобных идей слышались в Ленинграде.

Сложно проходили выборы правлений Союза писателей РСФСР и Союза писателей СССР. Вокруг этих вопросов начиналась возня задолго до съездов.

Главные интриганы были хорошо известны. С ними велась соответствующая работа местными партийными организациями, правлением союза, работниками Отдела культуры Совмина, Отдела ЦК КПСС. Общими усилиями удавалось успокоить «разбушевавшихся», здравый смысл всегда побеждал.

Попытки протолкнуть в руководство «своих» людей тоже не давали полного успеха. Большинство делегатов знали, что представляют из себя эти «свои». А они были, как правило, слабы в творчестве, но мастера закулисных интриг. Не просто было подобрать и кандидатов на главные руководящие роли. Наиболее одаренные и преуспевающие не хотели отрываться от творчества и заниматься организаторской и хозяйственной работой. Я вспоминаю, как трудно было уговаривать прекрасного писателя Юрия Васильевича Бондарева дать согласие на избрание первым, как говорили, рабочим секретарем Союза писателей Союза. По просьбе председателя правления Сергея Михалкова я дважды беседовал с Бондаревым. Он отказывался по одной причине: не хотел нарушать творческую работу.

В итоге с большим нежеланием дал согласие: он хорошо знал и понимал, что ему придется много времени посвящать административно-хозяйственным и организационным вопросам. Бондарев на этот пост был избран единодушно. Он, как и полагали, оказался хорошей подмогой С. Михалкову во всех отношениях. Работал добросовестно, честно и принципиально. У него появились противники. К сожалению, в нашей жизни есть немало людей,

разъедаемых злобным чувством зависти и ревности, огромным стремлением к власти. Нередко они, сокрушая все преграды на своем пути, добираются до вершин власти, но там обязательно и с треском проваливаются, нанося огромный ущерб обществу.

С. Михалков — видный советский писатель и общественный деятель, действительный член Академии педагогических наук, Герой Социалистического Труда. Из-под его пера выходили очень хорошие произведения не только для детей, но и для взрослых. Он автор текста Гимна Советского Союза. Редактировал и редактирует сатирический киножурнал «Фитиль».

Характер у него, правда, непростой, хотя он всегда и выглядит спокойным. Обладает незаурядной хитростью и лукавством, умеет выходить из любых ситуаций без потерь для своего престижа. Нередко он ворчал, жалуясь на большое давление, которое испытывает при приеме новых членов союза. Вносил и предложения политического характера. Он настойчиво поднимал вопрос о том, чтобы на съездах писателей выступал кто-то из состава Политбюро, как это делается на Украине, в Узбекистане, Казахстане и Белоруссии. Там на съездах писателей выступали первые секретари ЦК республиканских парторганизаций. Я проинформировал об этих просьбах М.А. Сулова. Он выслушал, посоветовался с Л.И. Брежневым, а через несколько дней позвонил мне и сказал: «В Политбюро мнение одно — выступать вам». Я сообщил об этом Михалкову. Он был рад такому решению.

На открытие съездов писателей РСФСР приходил почти весь состав Политбюро. Как правило, после доклада они уходили, а на последующих заседаниях присутствовал я и кто-то из секретарей ЦК. Выборы проходили спокойно. Некоторые кандидаты в состав правления обсуждались горячо и остро, некоторых отводили, вносили других, но каких-либо накладок или сенсаций всегда удавалось избежать.

Следует отметить, что С. Михалков от работы председателем правления никогда не отказывался. Видно было, что она ему нравилась. Высокий общественный пост возвеличивал его не только в глазах своих коллег по перу, но и в глазах всего народа. Он был вхож к любому руководителю страны, в любую властную или общественную структуру.

* * *

В Союзе художников борьба за руководящие кресла сильно не проявлялась, хотя предсъездовские настроения носили определенную напряженность. Но тут нередко возникали проблемы с приемом новых членов и членов-корреспондентов Академии художеств. Здесь сложилась довольно большая группа маститых художников, которая по существу определяла, кому стать академиком. Известно, что не всегда решения принимались на принципиальной, объективной основе и носили личностный характер.

В стране и за рубежом высоко ценились произведения художников И.С. Глазунова и члена-корреспондента Академии художеств Б.В. Щербакова. Они по нескольку раз обращались в президиум академии, но всякий раз им это не удавалось. Однажды на заседании президиума было решено удовлетворить их просьбы. Но на общем собрании против их приема проголосовало большинство, в том числе и часть членов президиума. Мне объясняли, что это вызвано тем, что у Глазунова дурной характер, а Щербаков как художник чересчур реалистичен. Щербаков в 1990-е годы ушел из жизни, так и не став академиком, а Глазунов все-таки был избран в членкоры.

В Союзе композиторов, во Всероссийском театральном обществе было гораздо спокойнее, а если и возникали какие-то трения, то они носили чаще бытовой характер.

В целом творческие союзы страны были мощными общественными организациями, оказывавшими большое влияние на развитие культуры. Их отделения действовали во всех АССР, краях и областях. Каждое из них располагало неплохой материально-технической базой, в том числе для творческой работы и отдыха, имело возможность издавать свои газеты и журналы. Яркий пример — «Литературная газета», орган Союза писателей СССР. Она имела широкую популярность, и не только среди творческой интеллигенции. В стране издавалось множество художественных журналов: «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» и др. Они издавались большими тиражами и прекрасно раскупались, что говорит о высоком культурном уровне нашего народа. Редакторами журналов и газет были видные писатели и общественные деятели, такие, например, как Твардовский, Симонов.

Государство делало все возможное для того, чтобы создать деятелям культуры наилучшие условия для творческой работы и отдыха. Жили они в большинстве своем небогато, но и небедно. Их лучше обеспечивали жильем. Произведения писателей, поэтов, композиторов издавались большими тиражами.

Художникам государство помогало реализовывать свои картины. Никто без работы не сидел. Наиболее талантливым устанавливалась персональная оплата труда, присваивались высокие звания народных и заслуженных как Советского Союза, так и республик, Героев Социалистического Труда, присуждались Ленинские, Государственные и другие премии. Деятели культуры были вхожи в любые партийные и властные инстанции. Я знаю немало примеров, как местные органы Советов за счет своего бюджета строили для художников мастерские, зоны отдыха, дачи. А организация больших выставок, концертов, фестивалей, гастроли по всем регионам Советского Союза, выступления на стадионах и площадях — разве такое под силу одиночкам? Теперь этого нет.

К величайшему сожалению, перестройка, реформы, «демократический» режим самым разрушительным образом сказались не только на экономике, но и на культуре. Продолжают уничтожать классику во всех сферах, а также народную музыку, народные песни. Теперь если что-то передают по радио и телевидению из недалекого прошлого: спектакли, кинокартины, песни — люди всех возрастов и поколений, подчеркиваю, всех возрастов, с восторгом принимают все, что было создано за годы Советской власти.

Произошло трагическое явление: прекрасная, яркая, богатая культура круто повернула в сторону Запада. Произведения классики, десятилетия и столетия шедшие в наших театрах, теперь если и ставятся, то в новом прочтении, которое используют для того, чтобы делать со спектаклем все что угодно. Внедряется разврат, пошлость и нередко явная русофобия. К новому прочтению хорошо подходит перефразированная поговорка: сюжет — что дышло, куда повернул режиссер — туда и вышло.

Еще хуже обстоит дело с кинопроизводством. Кинокартин создается мало, и они не пользуются спросом у зрителей. Кинорежиссеры подражают американским боевикам. В их картинах, как и в американских, сплошные ужасы, погромы, убийства, секс, мародерство. Американцы, правда, с технической и исполнительской стороны все делают профессионально. У наших же мастеров кино таких достоинств пока нет, видна лишь слабая самодеятельность.

Выродилась и эстрада. Мастеров пения остались единицы. Появилось много новых, но большинство из них безголосые, музыка удручающая. Ее убожество заглушается грохотом барабанного боя. Текста нет, он состоит из двух-трех фраз, которые повторяются множество раз...

В заключение этой главы позволю себе поделиться своими впечатлениями от посещения одной из выставок

уже в новые «демократические» времена. В конце 90-х годов по приглашению своих земляков я побывал на художественной выставке, посвященной 45-летию со дня образования Липецкой области. Разместилась она в одном из думских коридоров, по которому непрерывно снуют какие-то люди — то ли сотрудники Думы, то ли посетители. Мне жалко было смотреть на тех, кто открывал выставку, и земляков, пришедших на ее открытие. В коридоре царил бедлам, толком рассмотреть ничего невозможно. Спросил одного из руководителей землячества, почему они организовали выставку в этом коридоре. Он ответил, что специальное помещение они не могли арендовать, так как нет денег. Разве такое допустимо? Разве область за 45 лет трудной работы и развития не получила права достойно показать свои достижения? Дело все в том, что основные помещения, подходящие для организации выставок, перешли в частные руки.

Новых же хозяев интересуют только деньги, поэтому за аренду они требуют баснословные суммы. Это позор! Разве можно так относиться к показу достижений трудящихся целой области? В советское время липчане получили бы под выставку хорошее помещение за мизерную арендную плату, а скорее всего бесплатно.

И второе впечатление от выставки.

Один из скульпторов Липецка, действительный член Академии художеств, показывая мне произведения живописи и скульптуры и давая пояснения, в самом конце обратил мое внимание на одну скульптуру и сказал, что он предлагал властям города Ельца приобрести ее для музея. «Я бы, — говорит он, — продал бы ее в 2-3 раза дешевле ее реальной стоимости, но не покупают. А мне очень нужны деньги, жить-то надо».

Я его спросил, а как другие скульпторы и художники живут. Он ответил, что живут, как правило, за счет продажи работ за рубеж. Наши не покупают, мало у кого есть деньги.

Часть 9

Ю.В. АНДРОПОВ. ПОСЛЕДНИЙ ШАНС СТРАНЫ

В середине 1983 года ушел из жизни Арвид Янович Пельше, член Политбюро, Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Во время похорон ко мне подошел сотрудник Общего отдела ЦК и сообщил, что сразу после траурного митинга состоится заседание Политбюро. Повестку заседания не назвали. Как только урна с прахом была замурована в Кремлевскую стену, все члены и кандидаты Политбюро, секретари ЦК направились на заседание.

Юрий Владимирович Андропов, открыв заседание, сказал: «Арвид Янович Пельше продолжительное время болел и не мог в полном объеме исполнять свои обязанности. Практически все это время Комитет партийного контроля (КПК) работал без председателя. Теперь, поскольку Арвида Яновича не стало, необходимо определиться, кого мы будем рекомендовать Пленуму ЦК КПСС на пост Председателя КПК. Пост важный и ответственный, поэтому я думал над этим, советовался с членами Политбюро, с рядом членов ЦК, в том числе и на местах. Предложение одно: рекомендовать Пленуму ЦК КПСС избрать Председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС тов. Соломенцева Михаила Сергеевича. Вы его хорошо знаете. Его хорошо знают в партии, в народе. Прошу высказаться по данному предложению».

Слышу хор голосов: «Правильно... Поддержать предложение».

Я попросил слова и сказал: «Юрий Владимирович! Убедительно прошу вас и Политбюро не принимать такого решения. Мне пошел уже седьмой десяток, перенес две сложные операции. Уже просился и сейчас прошусь на пенсию. Если по каким-то соображениям нет возможности отпустить меня на покой, прошу оставить меня на ныне выполняемой и хорошо знакомой работе Председателя Совмина РСФСР. На новой должности потребуется немалое время на освоение и учебу».

Андропов отвел эти доводы, сказав, что у меня большой опыт партийной работы, я прекрасно знаю, чем занимается КПК, и в нынешней ситуации нужен именно на этом посту. Политбюро поддержало Генсека и приняло решение.

Скажу честно, был удручен, огорчен и страшно нервничал. Думал, какие шаги предпринять, чтобы не оказаться на новой работе. Решил даже позвонить Андропову и еще раз попытаться убедить.

Но он был неумолим: «Пойми и ты меня. Здоровье тоже не блещет, возраст почти такой же. На мои плечи взвалили еще большую ношу. Один я не справлюсь, нужны надежные соратники. На пост Председателя КПК рвутся три человека, но к ним полного доверия нет. Ты мне нужен в составе Политбюро и во главе КПК, я рассчитываю на твой опыт, на твою поддержку. Прошу понять это и поработать вместе со мной».

С такими доводами спорить было невозможно. Идти на работу в КПК мне действительно очень не хотелось. На уровне области и республики я знал, чем занимаются контрольные органы партии. В определенной степени представлял и функции КПК. Главное — рассмотрение вопросов, связанных с соблюдением требований Устава партии, апелляций коммунистов, получивших наказания. Соглас-

но Уставу член партии, получивший наказание от первичной организации, имеет право обжаловать это решение во всех вышестоящих партийных комитетах и даже обратиться к съезду. К XXVI съезду КПСС, например, обратилось 13 600 человек. Большинство — исключенные из партии. За каждой апелляцией люди, их жизнь, их близкие. Каждый заявитель с огромным напряжением старается доказать свою правоту и невиновность, предвзятое или невнимательное отношение к себе. Рассматривать такие дела всегда тяжело. Знал это по опыту и не хотел, находясь уже в солидном возрасте, взваливать на свои плечи такую психологически тяжелую ношу.

За двенадцать лет работы на должности Председателя Совмина РСФСР я хорошо узнал Россию, ее проблемы и наиболее слабые и болевые места. За эти годы приняты очень важные постановления Политбюро и союзного правительства по развитию экономики и решению социальных вопросов в Российской Федерации, выполнение которых требуется организовывать и контролировать. Ряд вопросов подготовлен для рассмотрения в директивных органах страны.

Я любил эту работу, постоянно учился, отдавал ей все свои силы и здоровье, никогда не считался со временем. В повседневной напряженной работе фокусировалась вся моя жизнь. В таком режиме я работал более сорока лет и был убежден, что с полной пользой для дела мог бы поработать еще несколько лет на благо России.

Понимая мое состояние, Андропов и другие товарищи успокаивали, говорили о высоком доверии, которое мне оказывает Политбюро. Все это так. Однако переломить себя, чтобы перестроиться с одной работы на совершенно по своему содержанию другую, не так-то просто.

Привязанность к работе в Совмине во многом объясняется и тем, что моими заместителями и помощниками были хорошо подготовленные опытные профессионалы.

Работали они самоотверженно, инициативно. Строились наши взаимоотношения на принципиальных и демократических основах. У нас не было склок, сплетен, неуважительного отношения друг к другу.

* * *

Вскоре состоялся Пленум ЦК КПСС, меня единогласно избрали Председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, а затем на сессии Верховного Совета РСФСР освободили от работы Председателя Совмина. В декабре 1983 года меня избрали членом Политбюро. Я понимал, что новая работа — последний и, может быть, самый трудный этап моей трудовой деятельности.

Надо было знакомиться с членами КПК, аппаратом, с практикой и планами на будущее. Кадровый состав Комитета произвел хорошее впечатление. Все сотрудники с большим опытом партийной и хозяйственной работы, приняты в Комитет с рекомендациями местных партийных органов.

Быстрее и глубже познакомиться с работой мне очень помогли заместители — Иван Степанович Густов, ранее работавший первым секретарем Псковского обкома партии, и Михаил Александрович Пономарев, ранее работавший первым секретарем Владимирского обкома партии. Я с большой благодарностью вспоминаю их доброе отношение ко мне.

Ю.В. Андропов при нашей первой беседе после избрания меня Председателем КПК высказал мнение, что Комитет не уделяет должного контроля за ходом выполнения наиболее важных Постановлений Политбюро и правительства, обходит стороной структуры Министерства обороны и Министерства внутренних дел.

Обратил внимание на факты «увода» от ответственности главных виновников и сваливание всех недостатков

в работе на второстепенных лиц. Такая беспринципность умаляет авторитет партии и разлагающе действует на партийную и государственную дисциплину. Он особо подчеркивал необходимость ведения строгой и принципиальной борьбы с любыми проявлениями недисциплинированности, расхлябанности. Причем самый строгий спрос именно с первых руководителей. Именно они должны показывать хороший, а не дурной пример. Этим Андропов руководствовался, работая Председателем КГБ. С такой принципиальной позицией он начал свою деятельность на посту руководителя партии и государства.

Хорошо запомнилось первое заседание КПК, на котором я председательствовал. Было рассмотрено 29 апелляций с приглашением заявителей. Заседание началось в 3 часа дня, а закончилось в 8 часов вечера. Все апелляции были рассмотрены. Одного человека восстановили в партии, но объявили ему строгий выговор. С двух человек сняли взыскания. По остальным оставили в силе принятые местными парткомами решения. Ход заседания мне понравился принципиальностью и организованностью. Порядок был таким: информация инструктора КПК о сути дела и результатах дополнительной проверки, как правило, с выездом на место, где живет и работает заявитель. Объяснение заявителя. Вопросы к обоим выступившим и выступления членов Комитета — они краткие и емкие. Предложения по тому, какое принять решение, нередко были разными. Если не приходили к единому мнению, то решение считалось принятым, когда за него проголосовало большинство.

Пять лет работы в КПК дают основание сказать, что к голосованию прибегать приходилось редко. Объясняется это тем, что апелляция уже прошла как минимум два рассмотрения в регионе, в местных парткомах и очень внимательно и принципиально изучалась в аппарате КПК и на самом заседании КПК, где апеллирующему предостав-

лялась возможность защитить себя. Некоторые заявители просили рассмотреть апелляцию заочно. Это главным образом те, кто уже не первый раз обращается в КПК и кто совершил проступки, которые при любых обстоятельствах не дают основания для снижения меры наказания. Все, подавшие апелляции к съездам партии, мертвой хваткой держатся за пребывание в рядах КПСС, за то, чтобы личная партийная карточка не была замарана каким-либо партийным взысканием. К числу таковых относятся в большинстве те, кто вступил в партию из сугубо карьеристских целей и личных устремлений.

Были рассмотрены апелляции нескольких диссидентов, исключенных из партии. И только один из них, и то с оговорками, согласился с обвинениями в нарушении Программы и Устава партии. Остальные ссылались на то, что их неправильно поняли, неправильно истолковали или оболгали. Все они занимали нерядовые должности, имели определенное влияние на окружающих...

* * *

Через несколько дней после избрания Председателем КПК Политбюро утвердило меня председателем Комиссии по подготовке Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по борьбе с алкоголизмом вместо умершего А.Я. Пельше. В состав Комиссии (более 20 человек) входили: зам-предсовмина СССР Н.К. Байбаков, секретарь ЦК КПСС по экономике Н.И. Рыжков, секретарь ЦК КПСС по идеологии М.В. Зимянин, некоторые заведующие отделами ЦК, представители ряда других органов управления, ученые и специалисты, знающие эту проблему.

Прежде чем собрать заседание Комиссии, я изучил все материалы, которые были уже наработаны, познакомился с ранее принятым Постановлением по этой проблеме. Складывалось впечатление, что подготовленный

черновик нового проекта во многом повторяет предыдущее Постановление.

Я высказал М.В. Зимянину (в период болезни Пельше он замещал его в Комиссии) свое мнение. Он ответил, что это только первый вариант. С моими оценками проекта он согласился.

После первого, самого общего ознакомления с проблемой алкоголизма встал вопрос, с чего начинать конкретно. Я решил поглубже изучить суть страшной болезни. Пригласил приехать в Москву работавшего в Ленинграде видного ученого-медика академика Уколова, самого большого знатока этой болезни. Наша встреча проходила более трех часов. Он привез несколько своих книг по вопросам алкоголизма и борьбы с ним и сказал, что теперь его труды почему-то не издают. Две книги подарил мне. Сказал, что предыдущее Постановление осталось мало замеченным в обществе, поэтому производство и реализация спиртного растут. Минфину и Госплану страшно даже думать о сокращении производства, так как от этого в значительной степени зависит выполнение плана по бюджету. Ранее принятое Постановление по борьбе с алкоголизмом Уколов назвал недостаточно глубоким, носящим декларативный характер. Он считал, что призывами и пожеланиями алкоголизм не победишь. Необходимы кардинальные меры со стороны власти и общественности.

Конспективно он перечислил необходимые меры. Я попросил его изложить все в письменной форме, и многое из того, что он предлагал, вошло в Постановление.

Состоялись также встречи с министром здравоохранения, министром внутренних дел, министром пищевой промышленности, президентом Академии наук и еще не с одним десятком руководителей министерств и ведомств. По просьбе Комиссии прислали свои предложения и представители органов местной власти. Характерно, что ни от одного человека, ни от одной организации мы не

получили возражений против принятия Постановления. Происшедшая утечка в средства массовой информации, что в ЦК КПСС готовится такой документ, стала достоянием абсолютного большинства населения. В ЦК и в КПК пошел поток писем от матерей, жен, сестер и детей в его поддержку. Не было больше в моей жизни случая, когда только еще готовящееся решение властей вызывало бы такой мощный отклик. Этот поток давил на нас буквально физически. В абсолютном большинстве писем, особенно от женщин, высказывались настоятельные требования о принятии закона.

* * *

Ходом подготовки Постановления постоянно интересовался Ю.В. Андропов. Однажды, когда он находился на лечении в ЦКБ (Центральная клиническая больница), у меня появилась крайняя необходимость переговорить с ним. Позвонил в больницу, извинился за беспокойство и объяснил суть дела. Он пригласил приехать к нему в 3 часа дня. Я сказал, что у меня все подготовлено для телефонного разговора и не нужно нарушать больничный режим, но Андропов еще раз повторил, чтобы завтра я был у него.

Я тщательно продумал, о чем доложить устно и какие документы показать, и на следующий день был у него. Юрий Владимирович сидел в коляске, но выглядел свежим и бодрым.

Начал я с истории вопроса, рассказал, что на Руси первые алкогольные напитки появились при Иване Грозном, как развивалось производство и росло употребление спиртного, нередко с переходом в тяжелую алкогольную болезнь. В 1914 году, видимо с учетом сложной международной обстановки, Николай II издал закон о борьбе с алкоголизмом, который в народе называли «сухим законом». Но в силу бесконтрольности и происшедших из-

вестных нам исторических событий в России закон этот не сыграл ни малейшей роли. Вскоре после Октябрьской революции Советская власть, несмотря на тяжелейшие условия — Гражданскую войну, блокаду, разруху, голод, сочла необходимым бороться с алкоголизмом, уносящим из жизни людей самого работоспособного возраста. Было очевидно, что алкоголизм приводит к развалу семей, падению морали и нравственности. Все это оборачивалось громадным экономическим ущербом. В силу этих причин В.И. Ленин 19 декабря 1919 года подписал декрет о мерах по прекращению производства и продажи алкогольных и алкоголесодержащих напитков.

Претворение в жизнь декрета позволило резко сократить потребление алкоголя. В середине 1920-х годов среднедушевое потребление алкоголя составляло 1,22 литра (чистого спирта). В то время это было самое низкое в мире потребление алкоголя на душу населения. Через некоторое время производство и продажа алкогольных напитков опять увеличились.

В 1925 году в нашей стране находилась международная делегация рабочих. Ее принимал И.В. Сталин. Во время беседы один из членов делегации поинтересовался, почему в нашей стране увеличилась продажа алкогольных напитков. Сталин ответил, что эта мера временная и вызвана появившимися трудностями в наполнении бюджета.

По данным Статуправления, известно, что в 1950 году потребление алкоголя на душу населения в СССР составляло полтора литра. В последующие годы производство спиртного стало быстро расти. В 1984 году душевое потребление составило 8,4 литра. Объясняется это, по-моему, двумя главными причинами.

Первая — не стало Сталина. Мне рассказывали, что все попытки увеличить доходную часть бюджета за счет продажи спиртного наталкивались на категорическое неприятие им этого пути. Он утверждал, что нельзя формировать бюджет за счет спаивания народа.

Вторая — руководство страны сознательно пошло на увеличение производства и продажи спиртных напитков с целью заметного пополнения доходной части бюджета. То есть избрало самый легкий путь в ущерб здоровью, морали, нравственности человека.

Начинавшийся довольно ощутимый рост доходов населения способствовал увеличению спроса на алкогольную продукцию. В последние годы правления Брежнева сложилась традиция различного рода застолий. У любителей выпить появилась крылатая фраза: «Был бы повод, а все остальное найдется».

* * *

Рассмотрение документов шло подробно и дотошно. О каждом из них Андропов высказывал свое мнение, давал рекомендации. Одной из наиболее важных мер он считал постепенное сокращение производства водки и крепленого, плохо выдержанного вина. В народе его называли «бормотухой» или «ударом по печени». Зелье быстро подрывало здоровье, а нередко приводило к смерти.

В Постановлении предлагалось за один год прекратить продажу «бормотухи» и примерно на 20 млн. декалитров в год сократить производство и продажу водки. Не предусматривалось сокращение производства и продажи коньяка, шампанского, сухих вин и пива.

При последовательном осуществлении этих мер в 2000 году было бы произведено и потреблено 1,5 литра алкогольных напитков на человека. Если учесть, что значительная часть населения — дети и пожилые люди, то потребление спиртного взрослым населением составило бы не более трех литров. Страна реально отступила бы от края пропасти.

В проекте Постановления предусматривались развитие и укрепление научных организаций и учреждений, за-

нимающихся вопросами борьбы с алкоголизмом, до сих пор научная работа в этом направлении, по существу, не велась.

Предполагалось усиление идеологической и просветительской работы, создание научно-исследовательского института, который вел бы научные исследования по борьбе с алкоголизмом, издание журнала «Трезвость». Предлагалось запретить продажу алкогольных напитков у проходных предприятий и на всех видах транспорта, вблизи детских учреждений и учреждений культуры.

Сокращение производства и продажи спиртного влекло за собой сокращение поступлений в бюджет. Поэтому было записано поручение Госплану и Минфину Союза изыскать дополнительные источники доходов в бюджет, покрывающие потери от продажи алкогольных напитков.

Юрий Владимирович высоко оценил проделанную Комиссией работу, но тут же с некоторым сожалением сказал, что у него появилась мысль принять Постановление по борьбе не только с алкоголизмом, но и с такими пороками, как наркомания, проституция, воровство. Все эти беды между собой тесно связаны. «Думаю, — сказал он, — нам сейчас вряд ли целесообразно возвращаться назад, и все же прикиньте, можно ли на данном этапе осуществить такую комбинацию. Свои наброски подошлите мне. Однако работу над проектом завершайте с учетом подготовленных предложений. Не следует затягивать».

Рассказал я Юрию Владимировичу и о письмах, что потоком шли главным образом от женщин, с пожеланиями побыстрее принять Постановление и определить строгие меры борьбы с этим злом. Андропов ответил, что женщин понять можно и действительно надо быстрее принимать Постановление и устанавливать за ходом его выполнения строжайший государственный и партийный контроль.

В конце беседы я поделился своими первыми впечатлениями о работе КПК. Сказал, что Комитет намерен усилить внимание к Министерствам обороны и внутренних дел и другим административным органам. Откровенно признался, что дополнительный объем работы Комитету не потянуть. Требуется небольшое увеличение аппарата — примерно на десять человек, в том числе на одного заместителя Председателя, который будет заниматься организацией проверки выполнения важнейших постановлений партии и правительства. Юрий Владимирович поддержал мою просьбу. Предложил написать по этому вопросу записку в Политбюро и передать К.У. Черненко. Записка у меня была уже готова.

Беседа у Юрия Владимировича продолжалась три часа. Я переживал, что она так сильно затянулась. Но произошло это не по моей вине. Андропов старался вникать во все детали и тонкости.

Из больницы я приехал в ЦК, зашел к Черненко, вручил записку в Политбюро. Он поинтересовался, как выглядит Генсек. Я ответил, что неплохо и мне кажется, что здоровье Андропова идет на поправку.

* * *

Дня через три получил Постановление Политбюро об увеличении штата КПК. Собрал членов Комитета, рассказал о беседе с Юрием Владимировичем и Постановлении Политбюро увеличить штат Комитета, определились, что Комитет будет проводить два заседания в неделю. На одном из них будут рассматриваться персональные дела, апелляции коммунистов, на втором — результаты проверок хода выполнения важнейших решений руководства страной. Договорились внести некоторые изменения в структуру Комитета и в распределение обязанностей.

С орготделом ЦК подобрали кандидатуру на должность заместителя Председателя Комитета. Выбор остановили на первом секретаре Челябинского обкома партии Воропаеве Михаиле Гавриловиче. Он дал согласие. В начале 1984 года был утвержден ЦК заместителем Председателя КПК.

В выборе мы не ошиблись. Воропаев быстро вошел в курс дела и успешно выполнял свои обязанности. В планы работы Комитета стали включаться проверки хода выполнения решений директивных органов.

Требования по повышению партийной дисциплины относились в равной степени ко всем коммунистам, где бы они ни работали, какой бы пост ни занимали.

Не случайно Ю.В. Андропов с первых шагов в качестве Генсека стал проявлять внимание к укреплению дисциплины не только в партии, но и во всем обществе.

В первой половине 1983 года в ЦК партии поступила информация о признаках разрушения построенных на волго-донском заводе «Атоммаш» (Ростовская область) производственных зданий и жилых домов. Проседали фундаменты. В стенах корпусов появились трещины, из некоторых домов пришлось даже выселить жильцов.

Завод должен был выпускать оборудование для атомной промышленности, в том числе реакторы. Для него производилось в Союзе и закупалось по импорту крупногабаритное, очень сложное и точное оборудование. Просадка фундаментов грозила вывести из строя дорогостоящее оборудование, поставить под угрозу планы развития атомной промышленности. Многоэтажные жилые дома, уже заселенные, предстояло освободить.

Юрий Владимирович собрал заседание Политбюро, пригласил зама Председателя Совмина СССР Игнатия Трофимовича Новикова, ведающего вопросами строительства (он же Председатель Госстроя СССР), и других, кто отвечал за проектирование и строительство «Атоммаша».

Приглашенные доложили о случившемся, о предположительных, еще не уточненных причинах просадки фундаментов. Информация и объяснения Новикова и других не удовлетворили членов Политбюро. Приняли Постановление образовать комиссию и поручить ей разобраться с причинами аварийной обстановки на строительстве завода. Возглавить комиссию поручили мне. В Волгодонске, где строился «Атоммаш», комиссия Политбюро находилась несколько дней. Были изучены все необходимые материалы и расчеты, заслушаны проектировщики и строители, обследованы здания и сооружения. Комиссия пришла к выводу, что проектно-изыскательские работы проведены безответственно, с большими ошибками, что повлекло ошибки в расчете фундаментов. Не учли и того, что завод и жилой микрорайон строятся на берегу водохранилища.

Позвонил Юрию Владимировичу и коротко доложил о выводах комиссии. Он был возмущен. Сказал, чтобы я готовил материалы к заседанию Политбюро. Вскоре оно состоялось. Некоторые руководящие работники Госстроя и министры, заместитель Председателя Совмина СССР, Председатель Госстроя И.Т. Новиков были привлечены к партийной ответственности. Постановление Политбюро было опубликовано. Реакция населения была однозначна: Андропов серьезно взялся за укрепление дисциплины.

* * *

Бурно отреагировала общественность на снятие решением Политбюро с работы министра внутренних дел Н.А. Щелокова. В московских коридорах немало говорилось, что сам Л.И. Брежнев выдвинул Щелокова на этот пост, вытащив из Молдавии, где они вместе работали в ЦК Компартии республики.

Щелоков сразу развернул активную деятельность, чтобы поднять роль МВД, но прежде всего значение собственной персоны. Ему многое удавалось, кроме, пожалуй, главного — систематической борьбы с преступностью. Он делал все возможное, чтобы в РСФСР не было собственного Министерства внутренних дел. Ходили упорные слухи, что Щелоков злоупотребляет служебным положением. В то время Андропов, будучи Председателем КГБ, об этом знал и информировал Брежнева, но нужных мер не принималось. Это обстоятельство привело якобы к тому, что между Андроповым и Щелоковым сложились неприязненные отношения, и поэтому КГБ и МВД не взаимодействовали даже при необходимости.

После снятия Щелокова с работы его исключили из партии. Он с таким решением не согласился и подал апелляцию. Она была рассмотрена в КПК, куда он обратился. Все обвинения, предъявленные Щелокову, были скрупулезно изучены и получили полное подтверждение. На заседании Комитета, который вел я, Щелоков пытался отрицать предъявленные обвинения, утверждая, что его оговорили, что это клевета и сведение счетов. Членов Комитета он не убедил. КПК подтвердил исключение из партии.

После заседания дежурный по приемной сказал, что заходил Щелоков и интересовался, придет ли Соломенцев в свой кабинет после заседания. Секретарь ответил, что обязательно зайдет после заседания. Щелоков некоторое время ждал, потом ушел, не сказав ни слова. Я решил, что он позвонит мне и попросит принять его, но он не позвонил. Примерно в середине следующего дня мне сообщили, что он покончил жизнь самоубийством — застрелился из ружья. Почему? На Комитете он пусть неубедительно, но пытался доказать свою невиновность. Он имел возможность обратиться с апелляцией к очередному съезду партии. Но, видимо, как опытный работник МВД, прекрасно понимал, что съезд его не оправдает и

тогда за содеянное придется отвечать перед законом. Какое решение примет суд, тоже мог предположить.

Но это только мои личные догадки, а истинные причины ушли вместе со Щелоковым.

Недели через три попросилась ко мне на прием дочь Щелокова. Беседа была тяжелейшей. Началась она с истерики. Дочь проклинала всех и вся за оговор и травлю отца, толкнувших его на самоубийство, не называя никого конкретно. Криком кричала, что увидела отца с раздробленной головой в луже крови. Потребовалось немало усилий, чтобы успокоить ее. Подобных сцен за все годы работы мне наблюдать не приходилось.

После того как она несколько успокоилась, я рассказал ей, в чем обвиняют отца, прочитал все пункты обвинения. Выказал удивление его поступком и спросил, чем она его может объяснить. Дочь высказала только предположение — он не мог вынести обрушившейся на него клеветы. Я вынужден был повторить, что он человек юридически грамотный, опытный и, если знал, что на него клеветают, должен был доказывать, что это именно так, и добиваться оправдания во всех инстанциях. Вместо этого он пошел на самоубийство. Не видел ли он в этом наиболее приемлемое для себя решение, так как не мог доказать свою невиновность?

Она не ответила. А потом нервно произнесла: «Теперь и до нас, его детей, доберутся и будут преследовать за отца?» Я попросил ее успокоиться. За действия отца никто их преследовать не будет. На этом разговор закончился. Ушла она спокойно и даже поблагодарила за прием, за полную информацию о предъявленных отцу обвинениях.

* * *

КПК, партийные комиссии на местах старались быстро реагировать на случаи злоупотребления служебным положением и нарушения социалистической законности.

Понятно почему. В большинстве случаев такие проступки допускают коммунисты, занимающие руководящие посты. Те, кто работает у станков, мартеновских печей, в забоях шахт, на тракторе или комбайне, не имеют базы для таких злоупотреблений.

Приведу еще некоторые примеры. В КПК поступила информация, что два первых заместителя министра энергетики СССР через своих подчиненных из Дальэнерго организовали получение электробытовой техники из Японии для себя и своего окружения. Проведенной проверкой факты подтвердились. На заседании КПК один из них был исключен из партии, другому объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. От занимаемых постов их освободили.

Из Одессы, от бывшего начальника горотдела МВД, поступило заявление о грубейших нарушениях со стороны областного прокурора, начальников управлений КГБ и МВД Одесской области. Суть дела такова. Бывший начальник горотдела МВД Одессы поступил в милицию рядовым сотрудником. Проявил себя в работе, и его стали быстро повышать в должности. Назначили начальником горотдела МВД Одессы. И на этом ответственном участке он проявил себя с лучшей стороны. Наладил борьбу с преступностью, провел проверку «громких» дел, обнаружил ряд таких, по которым необоснованно было прекращено расследование. Доложил об этом областным управлениям МВД, КГБ, прокурору области.

Руководителям пруть молодого начальника горуправления не понравилась, они увидели в нем опасного для себя человека и стали его всячески притеснять, двигая против него обвинения уголовного характера. Он всеми силами отбивался от надуманных обвинений, обращался в МВД Союза, но областным руководителям все же удалось снять его с работы. Он поехал в Москву, был принят кем-то из чиновников МВД. При выходе из министер-

ства его задержали, надели наручники, предъявив ордер на арест, выписанный Одесской прокуратурой, и под конвоем доставили в Одессу. Продолжительное время он находился под арестом. Не найдя достаточных оснований для передачи дела в суд, его освободили под подписку о невыезде. Потерпевшему удалось через товарища передать заявление в КПК.

Учитывая запутанность дела, было решено поручить группе руководящих работников МВД, КГБ, Прокуратуры Союза, инспектору КПК выехать на место.

Проверкой были установлены вопиющие факты нарушения законности по отношению к начальнику горотдела МВД Одессы, невнимательное отношение к его заявлениям и жалобам со стороны Одесского обкома партии и облисполкома, МВД Украины и МВД Союза.

Решением КПК прокурор, начальник Управления внутренних дел Одесской области были исключены из партии, начальнику Управления КГБ области объявили строгий выговор. Все они были сняты с работы приказами соответствующих вышестоящих органов. Начальник горотдела УВД Одессы был восстановлен в партии. МВД поручено рассмотреть вопрос о восстановлении его на прежней должности.

Обращалось внимание обкома партии и облисполкома, МВД на проявленную безответственность при рассмотрении заявлений начальника горотдела МВД, виновных в этом было предложено наказать.

* * *

Очень жестко рассматривались дела о взяточничестве. Приведу один пример. В Комитет поступила информация о взяточничестве одного из замов министра сельхозмашиностроения Вишнякова. Используя свое служебное положение, он брал взятки с граждан, обращавшихся к нему

за оказанием помощи в получении возможности пройти курс лечения в наиболее престижной больнице или поликлинике у квалифицированных специалистов. При этом он нередко обманывал своих клиентов: взятки брал, а помощи не оказывал. Я был крайне поражен, увидев Вишнякова на заседании Комитета в качестве ответчика. Дело в том, что, когда я начал работать в Ростове, он работал первым секретарем Новочеркасского горкома партии. О нем отзывались неплохо. Через несколько лет после моего отъезда его избрали вторым секретарем Ростовского обкома, а позже он был назначен заместителем министра сельхозмашиностроения. Когда я его спросил, какая необходимость заставила превратиться во взяточника, он пробормотал, что ему стыдно смотреть людям в глаза.

Вишняков был исключен из партии, снят с работы и осужден. Ростовские товарищи тоже были поражены. Говорили, что, видимо, он не устоял перед столичными соблазнами.

Могу со всей ответственностью сказать, что КПК очень строго и требовательно подходил к любому коммунисту, допустившему аморальные проступки. В то же время господствовало золотое правило: полнейшая объективность и личные беседы с провинившимся, обязательное присутствие его на заседании Комитета, когда рассматривается персональное дело, если нет просьбы рассмотреть дело заочно.

Согласно поручению Ю.В. Андропова КПК приступил к организации проверок выполнения постановлений партии и правительства по наиболее важным вопросам политического и социально-экономического значения, соблюдения партийной и государственной дисциплины коммунистами, занимающими руководящие посты в министерствах, организациях и ведомствах.

Было решено Постановление Комитета по этим вопросам предавать широкой гласности — в изложении

публиковать в газете «Правда». Это имело огромное политическое значение. Я помню немало случаев, когда руководители, побывавшие на разборе в КПК, высказывали полное согласие с принятым решением, но настойчиво просили не публиковать его, чтобы избежать стыда перед своими коллегами, знакомыми и родными.

* * *

Из ряда воинских частей поступали жалобы на командиров, злоупотреблявших служебным положением, грубо обращавшихся с подчиненными, особенно с рядовыми солдатами. В отдельных подразделениях процветает дедовщина, слабо поставлена воспитательная работа. Много шло жалоб из армии, расположенной в Узбекистане. Было решено провести проверку всех этих фактов вместе с представителями Министерства обороны и ЦК Компартии Узбекистана. Проверка показала, что хотя не все факты, указанные в письмах, подтвердились, но в целом их много, а в ходе проверки выявились дополнительные. Министр обороны С.Л. Соколов и секретари ЦК Компартии Узбекистана попросили направить материалы проверки им, для принятия мер. Комитет принял постановление направить материалы проверки Соколову и ЦК Компартии Узбекистана с последующей информацией КПК о результатах принятых мер.

Спустя примерно год или чуть больше Комитет провел проверку состояния воинской дисциплины в войсках Министерства обороны в связи с поступлением заявлений и жалоб о наличии серьезных нарушений воинской дисциплины, процветании дедовщины. Вопрос большой и серьезный. Готовился он тщательно и довольно продолжительно. Все подразделения охватить проверкой мы, конечно, не могли. Но в каждом военном округе, на флоте определенные подразделения были проверены. Недостатков открылось немало.

Итоги проверки были обсуждены на заседании КПК. С докладом о состоянии воинской дисциплины в войсках выступил министр обороны С.Л. Соколов. Надо отдать должное, он объективно оценил состояние воинской дисциплины в армии, согласился с выводами комиссии и доложил о мерах, принимаемых министерством, руководством военных округов, флотов по устранению вскрытых недостатков. Проведенную проверку и обсуждение ее итогов на КПК он оценил как помощь в укреплении в войсках дисциплины. Высказал примерно такую мысль: «При отсутствии надлежащей воинской дисциплины — армии нет».

Были проведены проверки положения дел с воинской дисциплиной на Дальневосточном Военно-Морском Флоте, в одной авиационной армии и на Северном Военно-Морском Флоте. Командование Северного флота решило провести партийный актив флота, обсудить Постановление Комитета и наметить меры по устранению выявленных недостатков. Меня тоже пригласили принять участие в работе актива. Я с большим удовольствием согласился. Перед активом побывал на авианесущем крейсере. Беседовал с матросами и офицерами, с летчиком, находившимся на боевом дежурстве — за штурвалом самолета, в полной готовности немедленно вылететь на выполнение задания. Этому молодому человеку менее 30 лет, но он уже опытный пилот, имеет семью, дочке полтора года. Но есть одна проблема бытового характера — он не имеет квартиры. Со дня женитьбы живут в снимаемых комнатках. Сейчас жена уехала к родителям на Украину в надежде, что за время ее отсутствия муж получит квартиру и она с дочкой вернется.

«Жить без семьи трудно, — посетовал летчик. — Я беспокоюсь о них, они за меня. Вставать на боевое дежурство необходимо в спокойном состоянии, а не думать, как там они. Летать я люблю».

Мы побывали на самой современной атомной подводной лодке. Впечатление неизгладимое. Мое восхищение относится и к крейсеру, и к самолетам, которые на нем базируются. Мне довелось видеть и многие другие виды военной техники последних модификаций.

* * *

В заключение этой главы расскажу о случае, произошедшем уже при Горбачеве. В последние годы моей работы в КПК Политбюро поручило мне провести разговор с Борисом Николаевичем Ельциным. Это случилось после освобождения его от обязанностей секретаря ЦК КПСС и вывода из состава Политбюро — он был кандидатом в члены Политбюро.

Позвонил ему и попросил зайти ко мне. Он каким-то зверино-рычащим голосом объявил, что идти в КПК у него нет необходимости.

Я объяснил, что Политбюро поручило мне поговорить с ним по вопросу, о котором расскажу при встрече. Он продолжал отказываться. Я ему говорю, что мы оба — члены партии и поэтому обязаны выполнять решения Политбюро. После тяжелого разговора он все-таки согласился прийти. Мы договорились о времени.

Пришел в назначенное время, я его по-хорошему встретил. Говорю ему, что несколько дней назад он дал интервью трем крупнейшим зарубежным компаниям — Би-би-си, Эй-би-си и Си-би-эс. В своих ответах на вопросы корреспондентов он охаивал КПСС, раскрывал ее внутреннюю работу и деятельность руководящих органов. Политбюро считает, что он не имел права этого делать, и поскольку он член КПСС, то должен был получить разрешение на беседу с представителями этих компаний.

Он грубо оборвал меня, заявив, что не должен ни у кого спрашивать разрешения, что он свободный человек

и имеет право высказывать свое мнение где угодно и кому угодно, тем более что ничего особенного он не сказал.

Я дал ему интервью, опубликованное в американской прессе. Он прочитал и сразу заявил, что так не говорил, это выдумки корреспондентов. На мой вопрос, визировал ли он подготовленный корреспондентами текст своих высказываний, ответил, что нет.

Говорю ему: «Борис Николаевич, как же вы могли допустить такую оплошность или недомыслие, дав согласие на публикацию интервью без личного прочтения и визирования? И не кому-нибудь, а самым враждебным к нашей стране, к КПСС телекомпаниям?»

Он наивно ответил, будто не знал, что надо визировать. Этим, по существу, и закончилась наша беседа. Он сразу как-то скис и выглядел удрученным. Вел он себя, конечно, неискренне. Злобу на Политбюро и на партию за таил, чтобы выплеснуть ее в подходящий момент. Что и произошло позже.

Ельцин накануне 2000 года в связи с уходом в отставку просил прощения, что он не все сделал из того, что было задумано. Однако он сделал самое главное, что обещал американцам и их союзникам, — он закончил развал великого государства, начатый Горбачевым: СССР перестал существовать. Ельцин упорно работал и над развалом России и довел до разобщенности ее народы, разрушил экономику, науку, культуру, лишил Россию тех небывалых социальных завоеваний, которых она, как и другие союзные республики, добилась за годы существования Советской власти.

Часть 10

ГОРБАЧЕВ У ВЛАСТИ. КАДРОВЫЕ ЧИСТКИ И РАЗВАЛ СТРАНЫ

Рассказ о кадровых перестановках в ЦК КПСС и Политбюро я начну с деятельности Комиссии по реабилитации. Она была создана вскоре после избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева и должна была рассматривать дела граждан, репрессированных не только в 1937 году, но и в другие годы. Председателем Комиссии утвердили меня. В состав Комиссии вошли член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев, член Политбюро, Председатель КГБ СССР В.М. Чебриков, Генеральный прокурор, министр внутренних дел СССР, заведующий административным отделом ЦК КПСС и др.

Сразу же и возникли вопросы, на которые и ответить-то некому. Первый вопрос. После XX съезда КПСС, как известно, работа по реабилитации репрессированных проводилась, комиссии работали. Чем объяснить, что на каком-то этапе эта работа была прекращена? В связи с этим высказывались самые различные версии и предположения. Одно из них: работа прекращена по указанию Н. Хрущева. Основания для беспокойства у него были. Председатель КГБ В. Чебриков несколько позже проинформировал меня, что в Комитете есть документы, подтверждающие, что Хрущев, работая на Украине и в Москве первым руководителем партийных организаций, возглавлял «тройки», по решению которых в Москве было репрессировано

несколько десятков тысяч человек, а на Украине — в несколько раз больше.

Второй вопрос — куда подевались документы из некоторых уголовных дел? Кто мог их взять и с какой целью? Одни говорят, что это могли сделать сотрудники НКВД (КГБ), чтобы скрыть совершенные ими преступные действия при проведении следственных мероприятий. Другие дают понять, что документы исчезли и уничтожены по указанию сверху. При этом никаких фамилий не называют.

Столкнулись мы с часто встречающимися в уголовно-правовой практике случаями, когда подследственный на допросах категорически отвергает предъявляемые ему обвинения, а затем полностью их признает не только при допросе, но и в заявлениях на имя руководителя НКВД (КГБ). Так поступили Бухарин, Рыков. На допросах они полностью и в категорической форме отрицали свою причастность к каким-либо действиям как враги народа. Затем ими были написаны заявления на имя Ежова, дата написания их одна — 6 июня 1938 года. Заявления короткие, в несколько строк. В них они полностью признают предъявленные им обвинения.

Настойчиво высказывалась мысль, что в деле Бухарина, как и в других делах, в ход шли угрозы в адрес членов семьи. Говорили, что нужных признаний добивались путем побоев и пыток. Однако ни документов, ни заявлений устного характера от потерпевших, подтверждающих такие высказывания, я не видел и о них не слышал. В силу служебных обстоятельств мне довелось поговорить со многими, кто пострадал от репрессий. Все, с кем удалось поговорить, не подтверждали случаев избиений при допросах. На мой вопрос чаще всего отвечали: «Меня не трогали, а как других, не знаю...»

Первым на Комиссии было рассмотрено дело правотроцкистского блока Бухарина — Зиновьева и др. Все они были реабилитированы. По итогам первого решения Ко-

миссии А.Н. Яковлевым было проведено совещание редакторов центральных газет, на котором он рассказал о порядке работы реабилитационной Комиссии, об итогах рассмотрения уголовного дела правотроцкистского блока. Договорился о порядке освещения в печати и других средствах массовой информации работы Комиссии по реабилитации пострадавших от репрессий.

* * *

Следует сказать, что после моего ухода на пенсию в 1988 году А.Н. Яковлев направил работу Комиссии таким образом, что она стала орудием антикоммунистических сил. Деятельность яковлевской Комиссии внесла немалую лепту в очернение советского прошлого.

О роли А.Н. Яковлева в разрушении нашей страны уже немало написано, поэтому ограничусь лишь некоторыми сведениями о нем. В 1985 году Яковлев был назначен заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС и позже стал главным идеологом горбачевской «перестройки». В то время о нем ходили всякие слухи, в частности, о его антипатриотизме, вспоминали статью Яковлева 70-х годов, написанную с русофобских позиций. В.А. Крючков говорит в своей книге: «Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь он сам был участником войны, получил тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу. И еще — я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало».

Однако мы не могли даже представить, какого человека выбрал себе М.С. Горбачев на роль главного идеолога. В 2001 году А.Н. Яковлев, вспоминая о своей деятельности, признавался: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было. Мы должны были — и в этом специфика перестройки тоталитарного строя — сломать тоталитарную коммунистическую партию».

А во вступительной статье к изданию «Черной книги коммунизма» на русском языке Яковлев говорит: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще.

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала».

Именно Яковлев, с согласия Горбачева, начинает широкие кадровые перестановки в партии, убирая из политической жизни лиц с «неподходящими» взглядами и используя самые различные методы. Так было, например, с талантливым и энергичным редактором журнала «Коммунист» Р.И. Косолаповым. Его освободили от работы и отправили преподавать в Московский университет. Ричард Иванович был одним из немногих, за кем, как говорит-

ся, присматривали и после ухода из журнала. «Присмотр» заключался в том, чтобы не позволить этому способному человеку вновь продвинуться по служебной и общественной лестнице. Последующие события показали, что А.Н. Яковлев очень хорошо знал идеологические кадры. Р.И. Косолапов оказался не просто сторонником социализма и сохранения СССР, но и развернул активную деятельность в этом направлении.

При этом многих людей А.Н. Яковлев использовал, что называется, «втемную». Так, им был использован огромный авторитет в партии Е.К. Лигачева, для того чтобы оправдать проводимую Горбачевым «перестройку». Когда же Е.К. Лигачев стал выступать в Политбюро с защитой социализма, то было уже поздно. Контролируемые Яковлевым СМИ с ног до головы обливали его помоями, а затем Горбачев вывел Е.К. Лигачева из руководства.

* * *

Впрочем, первые чистки в партии М.С. Горбачев провел сразу после своего избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС. Одними из первых в 1985 году были выведены из состава Политбюро ЦК КПСС Г.В. Романов, Н.А. Тихонов, В.В. Гришин. На личности Г.В. Романова мне бы хотелось остановиться подробнее. Он возглавлял Ленинградский обком партии, в 1976 году был включен в состав Политбюро, а с 1983 по 1985 год работал секретарем ЦК КПСС.

За годы, когда Г.В. Романов возглавлял Ленинградский областной комитет КПСС, наметились позитивные сдвиги, произошедшие в сельском хозяйстве, в сфере культуры, в образовании и здравоохранении Ленинградской области. Здесь вступили в действие ряд крупных сельскохозяйственных строек, был сделан значительный шаг вперед в развитии промышленного птицеводства. Памятником тех лет по праву стали огромные корпуса птицефабрик и

других агропромышленных объектов. Сельское хозяйство Ленинградской области вышло на совершенно новый уровень.

При Г.В. Романове за 10 лет было построено почти 100 миллионов квадратных метров жилья. Дома, конечно, не ахти какие, панельные. Но квартирную проблему тогда помогли решить. Очень много было сделано при Романове в сфере культуры. Получила значительный толчок в развитии система сельских библиотек. Строились дома культуры.

В личном отношении Григорий Романов производил впечатление человека глубоко порядочного, принципиального. Еще его отличала ровность в обращении с людьми, кто бы ни был перед ним.

В 1983 году его пригласили в Москву, Ю.В. Андропов поручил ему курировать военно-промышленный комплекс. Романов пользовался явной поддержкой и К.У. Черненко. Все это вызывало недовольство М.С. Горбачева, который уже тогда, видимо, «примеривался» к роли Генерального секретаря. Отношения между Горбачевым и Романовым были натянутыми. Горбачев использовал разные методы, чтобы представить его в негативном виде.

Именно тогда всплывает легенда о необыкновенно роскошной свадьбе дочери Григория Васильевича, устроенной им будто бы в Таврическом дворце. Мало того, для свадебного стола Г.В. Романов якобы приказал взять из Эрмитажа царский парадный сервиз на 144 персоны. Сенсацию выдал немецкий журнал «Шпигель». Радио «Свобода» и «Голос Америки» статью пересказали. Романов молчал, считая неправильным комментировать заграничные сплетни. Все это было полным бредом, и Ю.В. Андропов говорил Григорию Васильевичу: «Не обращай внимания. Мы знаем, что ничего подобного не было». Кто предоставил информацию немецкому журналу об этой будто бы справлявшейся в Таврическом дворце свадьбе? Мы этого

так и не узнали, однако фактом остается то, что эта легенда помогла Горбачеву очернить Г.В. Романова.

Почти сразу же после вступления в должность М.С. Горбачев удаляет Г.В. Романова из Политбюро, а на XXVII съезде КПСС в начале 1986 года Горбачев и Яковлев существенно изменили состав ЦК, Политбюро и Секретариата, введя туда своих людей. Затем происходит кампания по массовой замене министров, зав. отделами ЦК, секретарей обкомов КПСС, председателей Исполкомов.

За три года было обновлено 85% состава ЦК, что намного превышало показатели 1934—1939 годов, когда они составили около 77%. Апофеозом кадровых перестановок стала XIX партийная конференция 1988 года, когда по ее завершении из состава Политбюро и ЦК КПСС были выведены А.А. Громыко и В.И. Долгих. Та же участь постигла и меня.

* * *

Кадровые перестановки Горбачева не только ослабляли партийное и советское руководство страны, но и приводили к трагедиям с человеческими жертвами. Расскажу об одном таком случае, непосредственным свидетелем которого я был. 11 декабря 1986 г. состоялось заседание Политбюро, принявшее решение об уходе на пенсию Первого секретаря коммунистической партии Казахстана Д.А. Кунаева. Это решение было принято под давлением Горбачева.

Я хорошо знал Д.А. Кунаева еще со времени моей работы в Казахстане. Он был опытным и знающим работником, принципиальным человеком, преданным интересам партии и страны. Свою трудовую деятельность он начал в предвоенные годы на Балхашской стройке, где прошел путь от рядового машиниста до главного инженера рудника. Кунаев стал высокопрофессиональным руководи-

телем-промышленником. В сентябре 1939 года Д.А. Кунаев был назначен директором Риддерского рудника и за короткий период вывел его из отстающих в передовые, многократно увеличив объемы производства.

В апреле 1942 года Кунаев был назначен заместителем Председателя Совнаркома республики. В конце февраля 1949 года на IV съезде коммунистов Казахстана он был выбран членом ЦК. В марте 1955 года утвержден Председателем Совета Министров республики. В этот период были организованы министерства цветной металлургии, строительно-монтажных работ, геологии, энергетики и др.

В 1959 году после событий в Темиртау, о которых я уже рассказывал, Д.А. Кунаев единогласно был избран Первым секретарем ЦК КПК. Однако в декабре 1962 года Кунаева освободили от занимаемой должности и вновь назначили Председателем Совета Министров Казахстана, что было вызвано рядом несогласий с Н.С. Хрущевым. После отставки Хрущева пленум ЦК КПК освободил от должности Первого секретаря И.А. Юсупова и партийным лидером Казахстана во второй раз единогласно был избран Д.А. Кунаев.

Д.А. Кунаев более 20 лет являлся членом Политбюро ЦК КПСС, 25 лет — депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Трижды Герой Социалистического Труда, награжден 8 орденами Ленина...

После решения Политбюро об уходе Д.А. Кунаева на пенсию состоялся Пленум ЦК КПК, избравший 16 декабря 1986 года Первым секретарем Г.В. Колбина. Он не пользовался поддержкой в республике, и к тому же нарушалось установленное еще при Сталине правило, когда Первым секретарем нацкомпартии избирали представителя соответствующего народа.

Назначение Г.В. Колбина вызвало массовые волнения в Алма-Ате. Их можно было бы предотвратить, если бы Ку-

наеву дали возможность выступить перед народом. Для решения этого вопроса Д.А. Кунаев прибыл в ЦК КПК около 11 часов утра 17 декабря. Он просидел в приемной Первого секретаря два часа, а около 13 часов Колбин заявил ему, что он свободен и может отдыхать, с ситуацией справятся без него.

Вскоре волнения охватили весь город. Толпы народа собрались у телецентра. К охранникам подошли люди с арматурными прутами в руках и потребовали, чтобы те (а это все были русские) встали перед ними на колени. Возникла драка, и одного охранника убили. Молодой парень, 28 лет, жена и двое детей остались. Еще несколько человек были убиты.

Разорили много магазинов, учреждений. Отняли грузовые автомобили и с флагами разъезжали по всей Алма-Ате.

* * *

Мне позвонил Горбачев и попросил вылететь в Алматы во главе Комиссии по расследованию этих чрезвычайных происшествий. Когда мы прилетели, экстремисты готовились к решающему выступлению. Председатель КГБ доложил, что во всех дворах вооружаются, подгоняют откуда-то машины.

Приняли решение срочно заблокировать выходы из дворов и продержали их там до середины дня.

На 12 часов назначили республиканский партийно-хозяйственный актив. Зал на две с половиной тысячи мест был полон, даже в проходах сидели. Я выступил, дал оценку событиям. Сказал, что из любого положения нужно искать мирный выход. Решили, что все присутствующие будут нести полную личную ответственность за свои области, районы, предприятия и организации.

Назарбаева попросил собрать Совет Министров, и договорились, что я приду на это заседание. Совет Министров прошел в целом спокойно. Местные руководители

валили все на молодежь. Я не согласился. Говорю: «Давайте поедem сейчас на рынок и спросим, кто все это затеял. Люди знают».

Огромнейший богатейший базар, и все забито народом.

— Михаил Сергеевич, здравствуйте! — кричат.

— Откуда вы меня знаете? — спрашиваю.

— Вы же у нас работали и в Алма-Ате, и в Караганде.

— Что же вы тут молодежь так распустили, что они взбунтовались? — спрашиваю.

— Михаил Сергеевич, не верьте. Пусть на молодежь не сваливают. Это все начальство затеяло. Они там кресла никак поделить не могут.

Так мы прошли через весь базар, а за мной целая толпа. Работники КГБ не знали, что делать. Я их успокоил. Никто меня убивать не будет.

Зашел в большой магазин, толпа за мной. Выйти было трудно. С крыльца магазина стал говорить с людьми. Сказал, что я здесь пять лет проработал — и в Алма-Ате, и в Караганде. Отношения между казахами и русскими всегда были прекрасные.

— Очень прошу вас, — сказал я. — Не принимайте участия в беспорядках и не давайте этого делать своим родным, друзьям и знакомым.

Затем были встречи в Академии наук, в университете, в институтах.

Постоянно связывался с Москвой, с Горбачевым. Он просил меня побыть в Казахстане, пока обстановка не наладится. Спрашивал, в чем причина. Я отвечал: «Это национализм. Колбина нужно убирать».

Через некоторое время позвонил Назарбаев, уже в Москву, и сказал, что прочитал мою записку о событиях в Алма-Ате и не согласен с тем, что главной причиной является национализм.

— Жаль, что вы не пошли со мной на алма-атинский рынок, — ответил я ему. — Там было огромное количест-

во простых людей, которые хором говорили, что весь этот бунт был затеян начальством из-за того, что Первым секретарем избрали русского...

Как можно оценить эти события? Назначение Колбина — это ошибка Горбачева или преднамеренная провокация? Следует отметить, что после волнений в Алма-Ате были привлечены к уголовной ответственности практически все работники, входящие в ближайшее окружение Д.А. Кунаева. Это — бывший его помощник Бекежанов Д.Б., управляющий делами ЦК Компартии Казахстана Статенин А.Г., начальник ХОЗУ Совета Министров Казахской ССР Лысый А.В., начальник спецдивизиона УГАИ Акуев М.И. Исключены из членов КПСС бывший второй помощник первого секретаря ЦК Владимиров В.В., начальник личной охраны КГБ Горяйнов А.И.

Первым секретарем ЦК КПК был избран Н.А. Назарбаев, ставший впоследствии одним из могильщиков Союза ССР.

Теперь я думаю, что главной причиной беспорядков в Казахстане был все же не национализм — хотя и это имело место — а интриги, нити которых плелись не только в Алма-Ате, но и в Москве. Национализм стал разменной картой в деле разрушения СССР и орудием в руках антисоветских сил. Кстати, и Назарбаев позже отдал национализму свою дань.

* * *

В 1988 году М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев продолжают разрушать партию. Ими был разработан план реорганизации работы ЦК. Он предложил создать комиссии по идеологии, по организационным, экономическим, аграрным, международным и другим вопросам, причем каждую из них должен был возглавить член Политбюро. Естественно, такая реорганизация мотивировалась задачами улучшения деятельности ЦК КПСС. Однако на самом деле

здесь преследовалась и другая цель: создание комиссий автоматически похоронило Секретариат ЦК.

Было допущено серьезнейшее нарушение Устава КПСС, поскольку в нем прямо говорилось о Секретариате как о постоянно работающем органе ЦК. После создания комиссий заседания Секретариата прекратились сами собой. Партия оказалась лишенной оперативного штаба руководства. Это сразу пагубно сказалось не только на деятельности самого ЦК, но горько аукнулось в обкомах и крайкомах партии. Резко снизилась исполнительская дисциплина, ослаб контроль. Одной из важных функций Секретариата было обобщение полезного опыта в партии в целом. Но отраслевые комиссии вынудили партийцев разбрестись по своим сусекам. Центр как бы провалился, провисли управленческие связи.

Секретариат не собирался около года, хотя официально об этом не сообщалось. Прекращение заседаний Секретариата и утверждение главным идеологом партии Медведева означало, что истинным вершителем политики партии становился Яковлев.

В то же время, как отмечает Е.К. Лигачев, в сознание Генерального секретаря стали внедрять так называемый «синдром Хрущева». В газетах постоянно раздувались слухи о «заговоре» против М.С. Горбачева, и в первую очередь называли Лигачева. Он перестал вписываться в команду Горбачева, заново переформированную с приходом Яковлева и в связи с начавшейся переориентацией целей перестройки. Поэтому слухи о «заговоре» были просто выгодны Яковлеву.

А.Н. Яковлев изобрел образ врага перестройки. Этот термин — «враг перестройки» — впервые появился на страницах «Московских новостей». Как пишет Е.К. Лигачев, такой зигзаг политики означал, по сути дела, что само понятие «перестройка» негласно подменялось понятием «большого скачка». Те, кто проявлял осторожность пе-

ред таким скачком, предпочитая постепенность и преемственность, процесс обновления социализма без изменения его основ, объявлялись сторонниками прежних командно-бюрократических методов, силами торможения, а обобщенно — как политический символ — консерваторами.

Апофеозом кадровых чисток Горбачева стала «охота на ведьм», объявленная после знаменитого письма Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» в газете «Советская Россия». По указанию Яковлева в редакцию «Советской России» внезапно нагрянула из ЦК КПСС комиссия, которая принялась изучать подлинник письма Нины Андреевой, всю технологию его подготовки к печати, тщательно допрашивала на этот счет сотрудников редакции. Кстати, само появление комиссии было обставлено необычно. Главному редактору позвонили из ЦК, предупредив о намерении направить в редакцию проверяющих. Но едва он успел положить трубку телефона, как эти проверяющие уже вошли к нему в кабинет. Оказывается, они уже ждали в приемной. Этот «классический» прием преследовал цель не дать «замести следы», как говорится, «схватить с поличным».

Потом была редакционная статья в «Правде», написанная А.Н. Яковлевым и фактически призывающая к расправе с «врагами перестройки». За ней последовала настоящая травля так называемых антиперестроечных сил. «Прорабы перестройки» без зазрения совести, не обращая внимания на отсутствие фактов, принялись клеймить «консерваторов». В результате в апреле 1989 года на пленуме ЦК КПСС было снято с работы 110 человек, избранных лишь три года назад с подачи самого Горбачева на XXVII съезде.

В Москве проводником идей Горбачева, до своего конфликта с ним, был сменивший В.В. Гришина на посту Первого секретаря московского обкома КПСС Б.Н. Ельцин. Он заявлял: «У нас в Москве идет такая перестрой-

ка, что в тюрьмах не хватает мест для всех, кого хотим посадить». Из 33 райкомовских секретарей в Москве были смещены 23, причем некоторые несколько раз.

Можно заметить, что любимая тема либералов, в том числе и в их националистической разновидности, о том, что после М.С. Горбачева у власти осталась старая советская номенклатура, — это полное вранье. К власти пришли те, кто возвысился в процессе горбачевских чисток. Очевидно, что развала СССР старые кадры Горбачеву не позволили бы, именно это и предопределило чистки.

* * *

О целях своей политики «перестройки» М.С. Горбачев предельно откровенно высказался в 1999 году на семинаре в Американском университете в Турции. Он сказал:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми. Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Именно поэтому моя жена все время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране. Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также во всех социалистических странах.

Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря. Только переход на рыночную экономику мог дать возможность динамично развиваться.

Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимает А.Н. Яковлев и

Э.А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоченимы.

Мир без коммунизма будет выглядеть лучше. После 2000 года наступит эпоха мира и всеобщего процветания. Но в мире еще сохраняется сила, которая будет тормозить наше движение к миру и созиданию. Я имею в виду Китай.

Я посетил Китай во время больших студенческих демонстраций, когда казалось, что коммунизм в Китае падет. Я собирался выступить перед демонстрантами на той огромной площади, выразить им свою симпатию и поддержку и убедить их в том, что они должны продолжать свою борьбу, чтобы и в их стране началась перестройка. Китайское руководство не поддержало студенческое движение, жестоко подавило демонстрацию и... совершило величайшую ошибку. Если бы настал конец коммунизму в Китае, миру было бы легче двигаться по пути согласия и справедливости.

Я намеревался сохранить СССР в существующих тогда границах, но под новым названием, отражающим суть произошедших демократических преобразований. Это мне не удалось. Ельцин страшно рвался к власти, не имея ни малейшего представления о том, что представляет из себя демократическое государство. Именно он развалил СССР, что привело к политическому хаосу и всем последовавшим за этим трудностям, которые переживают сегодня народы всех бывших республик Советского Союза.

Россия не может быть великой державой без Украины, Казахстана, кавказских республик. Но они уже пошли по собственному пути, и их механическое объединение не имеет смысла, поскольку оно привело бы к конституционному хаосу. Независимые государства могут объединиться только на базе общей политической идеи, рыночной экономики, демократии, равных прав всех народов.

Когда Ельцин разрушил СССР, я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду при этом плакать. Но я не плакал, ибо покон-

чил с коммунизмом в Европе. Но с ним нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечества идеалов всеобщего мира и согласия.

Распад СССР не приносит какой-либо выгоды США. Они теперь не имеют соответствующего партнера в мире, каким мог бы быть только демократический СССР (а чтобы сохранилась прежняя аббревиатура СССР, под ней можно было бы понимать Союз Свободных Суверенных Республик). Но этого мне не удалось сделать. При отсутствии равноправного партнера у США, естественно, возникает искушение присвоить себе роль единственного мирового лидера, который может не считаться с интересами других (особенно малых государств). Это ошибка, чреватая многими опасностями, как для самих США, так и для всего мира.

Путь народов к действительной свободе труден и долг, но он обязательно будет успешен. Только для этого весь мир должен освободиться от коммунизма».

К путаному объяснению М.С. Горбачева могу добавить следующее. Он лжет, когда утверждает, что боролся лишь за уничтожение коммунизма, а СССР-де хотел спасти. Горбачев по-прежнему хочет быть в центре внимания, угодить своим друзьям-либералам, но одновременно представить себя патриотом-государственником. Однако он не мог не понимать, что своей политикой уничтожает в первую очередь Советский Союз. К этой цели объективно были направлены все его действия, признает он это или нет. Горбачев войдет в историю как разрушитель великой державы, принесший неисчислимые бедствия ее народам, Иуда и Герострат в одном лице, — и этот приговор будет окончательным...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За долгие годы своей жизни я работал на всех ступенях производства, партийной и государственной деятельности. Я имею право утверждать по собственному опыту работы, что в Советском Союзе, вплоть до осуществления придуманной Горбачевым перестройки, забота о человеке, его жизни и здоровье была первейшей обязанностью любого руководителя. Обидно, правда, что не все это делали. Но нельзя не признать тот факт, что советский человек имел мощную социальную защиту от бесчинства пробравшихся в руководящие кресла негодяев, бюрократов, морально и политически разложившихся дельцов, хапуг.

С приходом к власти так называемых «демократов», Ельцина и ельцинистов, особенно после того, как они разрушили Советский Союз, великое государство мира, разогнали и запретили КПСС, разрушили самую передовую, самую надежную в мире социальную защиту, должной заботы о человеке, начиная с его рождения и до ухода из жизни, со стороны государства и всех его управленческих структур просто не стало.

Я не хочу быть большим пессимистом, но если не пересмотреть проводимые реформы — а это могут сделать только другие люди и другие руководители — то большинство населения ожидает одна дорога — на погост. России не станет. Значительная часть населения это понимает. Но много и таких, кто все еще чего-то ждет. Людям, которым стало жить невмоготу, которых на каждом шагу обижают, пожаловаться некому. Достучаться даже до самого маленького чиновника невозможно. В руководстве

России не хотят заниматься людьми, для них это мелкий вопрос, забывают, что из мелочей состоит вся жизнь человека. Поэтому на каждом шагу можно слышать, что сейчас обратиться не к кому. Раньше, при Советской власти, мы могли обратиться с личным письмом или заявлением в любой хозяйственный, партийный или советский орган и решить так или иначе свои проблемы.

Сейчас обращаться за помощью, повторяю, по сути дела, не к кому. Кто от этого страдает? В первую очередь рядовые люди. А как поживают «новые русские», к которым относят появившихся и непрерывно появляющихся новых миллиардеров? Эта прослойка общества появилась, пожалуй, в самые сжатые в мире сроки. За счет чего? За счет наглого, циничного обворовывания народа через приватизацию, когда огромные богатства государства шли и продолжают уходить в руки частных собственников, банкиров, компрадорской буржуазии. Они уже сейчас застроили самые доступные москвичам места отдыха своими огромными домами с большими участками земли. В этих домах нередко десятки комнат, подземные гаражи, бассейны, бани, холлы для приема гостей и прочие излишества. И все это делается на глазах руководителей страны, иные из которых сами участвуют в ограблении народа и создании воровского капитала, в том числе и за счет недвижимости. За ними шествуют чины пониже и антинародная, насквозь прогнившая часть интеллигенции.

Мне с возмущением на днях рассказали об одном скандальном деле. Чтобы начать строительство, необходимо спилить в старинном сквере порядка сотни столетних деревьев, в том числе дубов. А ведь этот сквер — место отдыха детей... В то же время известный страдалец Солженицын получил, когда приехал в СССР из Америки, в ближнем Подмоскovie огромную дачу с большой, ухоженной территорией. За что? За то, что, живя в СССР, а потом в Америке, на личных злобных вымыслах написал много

такого, чего и в помине не было, — разве он проявил заботу о насущных нуждах людей, у кого совсем нет жилья или плохие коммунальные условия, а он это должен был видеть, так как его везли в правительственном поезде от Магадана до Москвы с множеством остановок. И что же он сделал? Хотя бы каплю добра для россиян после такой помпезной (с оркестром встречали и провожали), шумевшей царственной инспекции? Несколько месяцев рассказывал он потом на телевидении о своих впечатлениях от встреч. Правда, когда он стал высказывать критические замечания в адрес правительственных органов, эту передачу прикрыли. Но что это значило для него? Он успел вылить столько грязи на Советскую власть, на коммунистов, что из нее можно образовать огромное болото.

А нынешние руководители довели до того, что люди голодают, замерзают и даже умирают в расцвете сил. Дело дошло до того, что разучились вовремя выдавать зарплату и пенсии. При Советской власти за задержку зарплаты только на один день полетели бы головы у многих, начиная с директора завода и вплоть до министра. Я это хорошо знаю, так как работал директором завода и испытал такую требовательность. Мы не допустили ни одного случая задержки выплат, хотя бывали тяжелые моменты.

* * *

Хочу особо отметить, что со дня победы Октябрьской социалистической революции и до конца 90-х годов в жизни как союзных республик, так и Советского Союза огромную созидательную роль играла Коммунистическая партия. Она была стеновым хребтом, на котором держались государственная власть, все общественные организации, все полезные обществу начинания. Она определяла внешнюю и внутреннюю политику страны, ее цели и задачи. Свои решения партия старалась довести до каждого советского человека.

Партия стремилась вовлечь как можно больше трудящихся в совместную работу. Многие миллионы коммунистов, комсомольцев, беспартийных несли идеи партии народу. Делалось это абсолютно на добровольных началах. И эта, я бы сказал, подвижническая работа играла огромную воспитательную и просветительскую роль.

Активно участвовали во всей партийной и общественной деятельности руководители предприятий. Они не только избирались в состав парткомов, партбюро своих предприятий, но и в состав партийных комитетов и советских органов соответствующих районов, городов, областей, краев и автономных республик.

Не обошла эта ответственная работа и меня. В бытность директором завода я ежегодно избирался в состав парткома завода, членом Челябинского горкома партии, депутатом городского Совета. Каждый хозяйственный руководитель считал за честь входить в состав руководящего партийного или советского органа. Я не открою ничего нового, если скажу, что это было большой и эффективной школой воспитания руководящих кадров в стране. Зарубежных деятелей очень интересовала наша система их подготовки. Вот один пример: в одну из поездок в Западную Германию уже в ранге Председателя Совмина РСФСР я был принят канцлером Западной Германии Шмидтом.

В беседе, продолжавшейся в три раза дольше запланированного времени, канцлер проявил живой интерес к проблеме воспитания руководства в нашей стране. Я ему довольно подробно рассказал об этом, ответил на многие вопросы. В заключение беседы он признался, что теперь ему ясно, почему наши политические деятели хорошо разбираются не только в политике, но и в экономике.

Нередко можно было слышать, что партийные работники вмешиваются в дела хозяйственных руководителей, подменяют их, действуют командно-административными методами. Да, такие ретивые руководители были, но это

никогда не было системой. Если говорить о личном опыте, то могу с полной ответственностью заявить, что на себе я этого не испытывал в те годы, когда сам работал директором завода. У меня сложилось впечатление, что в период, когда у руководства партией был И.В. Сталин, руководители предприятий не могли пожаловаться, что партийные комитеты их подменяют, вмешиваются в их функции. Думаю, это объяснялось тем, что Сталин был ярким сторонником принципа единоначалия. Каждый руководитель без помех и мелочных указаний вел свое дело, но и отвечал за него тоже по полной программе.

* * *

К великому сожалению, объявившиеся так называемые «демократы» разрушают и уничтожают общественный, коллективистский дух советского народа. Активно, всеми мыслимыми и немыслимыми способами насаждают культ денег и наживы, в том числе и за счет воровства, обмана и лжи, простой растащивки, других форм криминала. И все это делается ради возрождения частной собственности, капитализации общества. Ныне на каждом шагу можно слышать, что в России сложилась такая обстановка, что человеку добиться правды просто невозможно. Повсюду, в том числе и во властных структурах, чиновничество заражено страшной болезнью — взяточничеством. Об этом открыто говорят и пишут, но коррупция множится, как грибы после дождя. И это при том, что руководство без конца призывает к борьбе со всеми видами коррупции.

Видный российский ученый, академик Владимир Страхов считает, что народ России по-прежнему ждут великие испытания. Этот вывод он делает как из современного состояния нашей страны, так и из анализа ее истории. Последние пятнадцать лет XX столетия, которые

официальные и либеральные СМИ именуют «эпохой перестройки» и «эпохой реформ», следует именовать «эпохой капиталистической контрреволюции». Не осмыслив должным образом ближайшее прошлое, нельзя правильно понять будущее.

Капиталистическая контрреволюция явилась следствием того, что у определенного круга лиц, в том числе из партийного и государственного аппарата, личные интересы оказались более важными, чем общественные. В итоге к власти, при молчаливом бездействии основной массы граждан, пришли именно те лица, для которых личные интересы превыше всего, те, кто исповедует известный афоризм Людовика XV: «После нас хоть потоп».

Следствием капиталистической контрреволюции, как считает академик Страхов, явились следующие факты:

а) в стране произошло колоссальное обнищание широких народных масс; так называемый коэффициент (отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных граждан), в эпоху социализма составлявший не более 5:1, ныне в России перевалил за 30:1 (в развитых странах Запада он составляет примерно 5:1, в развивающихся странах равен 20:1 — 25:1). Ныне в России 2% населения получают более 80% национального дохода, а более 80% населения страны либо бедные, либо на грани бедности. Население России сокращается быстрыми темпами — на 750 тыс. человек в год, в том числе порядка 75 тыс. человек в год кончают жизнь самоубийством;

б) в России колоссально возросла преступность. В криминальных разборках каждый год погибают порядка 30 тыс. человек;

в) в России расцвела новая форма эксплуатации человека человеком: из-за того, что богатые граждане уклоняются от уплаты налогов в полном размере, основная масса работников бюджетной сферы получает нищенскую зарплату;

г) богатыми гражданами России все больше и больше пропагандируется лозунг «думай прежде только о себе».

Из всего сказанного становится очевидным, что:

а) капитализм в России имеет особо жесткую, хищническую форму (хотя везде при становлении капитализма шло «дикое» накопление капитала);

б) бедствия Российского государства, а тем более русского народа будут продолжаться еще долго;

в) изменение ситуации возможно только в том случае, если основная масса граждан страны четко осознает смысл происшедшего (в СССР и России), осознает причины и суть капиталистической контрреволюции и сплотится в единый фронт борьбы с хищническим капитализмом.

Академик Страхов оптимист, уверен в силе духа нашего народа, что у него достаточно сил прекратить господство нуворишей и покорных им чиновников, достанет сил для преобразования страны в интересах народа. Но, видимо, произойдет это нескоро и будет сопряжено с большими жертвами.

Академик Страхов высказал не только сугубо личные мнения, но мнения многих ученых, и это очень важно. Я в них не вижу никакой враждебности, злобы по отношению к нынешнему руководству. В них нет политиканства и каких-то личных обид. Он высказал озабоченность судьбой России, можно с какими-то его доводами не соглашаться, в чем-то сомневаться, но в сути своей его тревога обоснованна.

* * *

Россия продолжает скатываться в число отстающих по всем показателям — экономике, социальным вопросам. На западном берегу нам уже давно сигнализируют: «Давайте, причаливайте, есть уютная бухта между “Угандой” и “Нигерией”».

Суверенизация, свобода слова превратились во вседозволенность; расслоение общества по имущественному положению разрушает былое единство и дружеские отношения между народами и отдельными людьми. Чувство доброты сменили ожесточенность, вражда, недоверие. Заказные убийства, насилие, грабежи стали обычным явлением. В России каждую минуту убивают четырех человек, воруют, насилуют, продают взрослых и детей. Родители боятся отпускать детей в школу, на игровые площадки, в лагеря на отдых.

Люди живут в постоянном страхе за своих детей, настоящее и будущее. А олигархи, бизнесмены, коррумпированные чиновники разных рангов, значительная часть творческой интеллигенции пируют и жируют.

Многие негативные тенденции продолжаются. В России продолжает обостряться демографическая ситуация. Население резко уменьшается. Мы же продолжаем жить за счет продажи природных ресурсов, выкачивая из земли то, что принадлежит нашим внукам и правнукам. Моральное состояние народа остается крайне тяжелым. Молодое поколение теряет чувство родины, чувство ответственности за будущее страны...

Сейчас много говорят «о вертикали власти», но, чтобы она способствовала развитию России, усилению ее экономической мощи и обеспечению достойной жизни каждого человека, необходимо вводить планирование — не по мелочам, а по главным показателям, определяющим как бы каркас развития на год, на пять лет или на какой-то иной срок. Сделать все, чтобы эти планы до всех ступеней власти были доведены, чтобы о них знал весь народ, чтобы всех поднять на возрождение матушки-России. При нынешнем рыночном хаосе и расточительстве, расхлябанности и криминальном беспределе никакая вертикаль власти не будет эффективной.

Основа мощи государства — экономическая самостоятельность, созданная на основе эффективного использования богатейших «кладовых» и запасов недр, высокого научного потенциала, таланта и трудолюбия народа, его патриотизма и бережного отношения к своей истории, традициям, к своему образу жизни, к сохранению духа коллективизма, взаимопомощи. Только принятые народом реформы могут дать положительный результат. Если такое произойдет, к нам активно пойдут инвесторы. Иначе какой же серьезный инвестор будет вкладывать капитал в разваливающуюся страну?

Возрождение России может осуществиться только в том случае, если это станет делом общенародным, той самой национальной идеей, которую пока безуспешно ищут нынешние реформаторы. Думаю, что среди россиян не найдется желающих вернуться в состояние дикости. Устранив трагический разрыв между прошлым и настоящим, отравляющий нашу сегодняшнюю жизнь, они сумеют сделать свое многонациональное Отечество процветающим современным государством.

Я глубоко верю в великое будущее России.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.К. Лигачев.</i> Предисловие	5
Часть 1. После Сталина. «Реформаторский зуд» Н. Хрущева . . .	17
Часть 2. Падение Хрущева. О «долгах» Михаила Шолохова . . .	45
Часть 3. Партийная номенклатура. Подбор кадров	71
Часть 4. Разговор с Брежневым. Как работал ЦК КПСС	81
Часть 5. Премьер-министр России. Отношения союзного и российского руководства	99
Часть 6. Спорный вопрос. Переброска сибирских рек	112
Часть 7. Жара и пожары 1972 года. Как поднять хозяйство России	119
Часть 8. Первое знакомство с Горбачевым. Россия накануне перестройки	143
Часть 9. Ю.В. Андропов. Последний шанс страны	175
Часть 10. Горбачев у власти. Кадровые чистки и развал страны	198
Послесловие	214

Массово-политическое издание

СУД ИСТОРИИ

Соломенцев Михаил Сергеевич

**ЗАЧИСТКА В ПОЛИТБЮРО
Как Горбачев убирал «врагов перестройки»**

Редактор *О. Селин*
Художник *Б. Протопопов*
Верстка *А. Кувшинников*
Корректор *И. Носкова*

ООО «Алгоритм-Издат»
Оптовая торговля
ТД «Алгоритм»: 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо» 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г Видное,
Белокаменное ш , д 1, многоканальный тел 411-50-74
E-mail reception@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 15.03.2011 Формат 84×108 1/32
Печать офсетная Усл печ. л. 11,76.
Тираж 3500 экз Заказ № 4102219

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-47526-1

**Михаил Сергеевич Соломенцев –
член Политбюро ЦК КПСС.**

**При Ю.В. Андропове Соломенцев возглавил
Комитет партийного контроля (КПК),
куда приходила информация обо всех
высокопоставленных деятелях КПСС,
об их работе, контактах, поведении в быту
и т.д. Понятно, что Соломенцев был видной
фигурой в руководстве КПСС
и знал о многих секретах.**

**Вместе с Е.К. Лигачевым Соломенцев
вначале поддержал горбачевские реформы,
но когда увидел, кто в результате пробивается
во власть, какие цели достигаются этими
реформами, – выступил против Горбачева.**

**Последний отреагировал молниеносно:
слишком осведомленный начальник КПК
был уволен со своей должности, выведен
из состава Политбюро и отправлен на пенсию.**

**В своей книге М.С. Соломенцев рассказывает
о тайной «войне кадров» в Политбюро,
которую вел Горбачев.**

**Свидетельства автора книги содержат ценную,
уникальную информацию о подкованной
борьбе в горбачевском руководстве и методах
работы самого Михаила Горбачева.**

ISBN 978-5-699-47526-1

9 785699 475261 >

ЭКСМО